

1840-1965.

Сборникъ.

воспоминаній бывшихъ питомцевъ Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго Корпуса издаваемый Объединеніемъ въ Парижѣ по случаю сто-двадцати-пяти лѣтія со дня основанія Корпуса.

На правахъ рукописи.

Франція.

"...А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь Ему не дорога, жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи..."

(По Ключевскому)

"...А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь Ему не дорога, жила-бы только Россія, благочестіе, слава и благосостояніе ея..."

На бѣлой мраморной доскѣ, золотыми буквами, надъ дверью, на церковной площадкѣ.

С.Двигубскій.

П Р Е Д И С Л О В И Е

Этот небольшой сборник, состоит из воспоминаний питомцев гнезда ПЕТРОВА. Жаль, конечно, что персонал корпуса представлен только

- А.А. СКРЫНЬКОЙ, бывшим преподавателем корпуса, и
- Отцом Сергием ЧЕТВЕРИКОВЫМ.

Первый здравствует и проживает в КАННАХ, второй-же отошел в лучший мир. Да и живых Полтавцев, входящих в объединение, осталось так мало, что их можно перечесть по пальцам двух рук.

Поэтому, часть воспоминаний, помещенных в сборнике, принадлежит уже умершим. Для их воспроизведения пришлось обратиться за разрешением к лицам, печатавшим эти воспоминания в издаваемых ими сборниках и газетах.

Правление считает своим долгом, выразить свою глубокую признательность всем тем, кто дал разрешение перепечатать некоторые произведения.

Редакционная комиссия считала логичным, весь имеющийся материал, распределить по следующим главам :

I. Вступительная статья (редакционная),
2. Краткая история корпуса,
3. Воспоминания кадет эпохи до войны I4-го года,
4. Тоже - эпохи великой войны,
5. Тоже - эпохи революции и гражданской войны,
6. Директора корпуса, их характеристики, отношение к ним кадет,
7. Воспитатели и преподаватели,
8. Мелочи кадетской жизни, уцелевшие стихи, куплеты ЗВЕРИАДЫ и пр.
9. Кадеты за рубежем,
IO. Список скончавшихся кадет, поскольку таковой удастся восстановить, хотя бы частично.

Правление нашего объединения совершенно ясно отдает себе отчет в той ответственности, которая ложится на него, не только в историческом плане, но и в плане теперешнего объединения кадет.

У кадет, учившихся в корпусе при нормальной обстановке, при веками устоявшемся строе и у кадет, переживавших своё детство и отрочество в период Великой Войны, а тем более в период революции, разные подходы, как к событиям, происходившим на нашей Родине, так и к тому, как эти события отражались на внутренней жизни корпуса.

Поэтому мы просили всех кадет, присылающих свои материалы, писать и описывать события, так как они представлялись им в детстве. Это, пожалуй, и является в них самым ценным: в простых, безискусных, часто даже коряво состряпанных строчках, ярко воскресает именно та эпоха, которую переживал мальчик или юноша.

Нас не должны смущать ни некоторые резкости, иногда грубоватые выражения, определения и характеристики. Всё это ценно !

И вот что замечательно !

Ни на одной из страниц нельзя найти неодобрительного отзыва о нашей школе: иногда высмеиваются воспитатели, преподаватели, сами же кадеты, но НИГДЕ ни ОДНОЙ СТРОЧКИ осуждения, пренебрежения к нашей родной колыбели.

Наоборот, трогательная любовь звучит со всех сторон к нашему Полтавскому гнезду, и не является ли это явным доказательством того, что ушедшая Россия умела воспитывать достойных сынов своего отечества.

Вспомним хотя бы то, что за 80 лет существования, корпус влил в ряды Русской армии свыше 4.600 воинов-офицеров, сражавшихся, а многих и сложивших свои головы за Родину на полях битв : в Севастополе, в Балканских войнах, в Китайскую и Японскую войны, во вторую отечественную войну 1914-го года и, может быть, в рядах пусть и Красной Армии, без старых чинов, в последнюю войну 1941-го года - защищая всё-таки родную землю.

Вечная память им всем и вечная память нашему родному корпусу, любовь к которому никогда не умрёт в груди старого Петровского кадета.

" А о ПЕТРЕ ведайте, что смерть ему
" не страшна... была бы жива Россия
" во славе и благоденствии. "

" Кайтесь, чада, настало последнее время
" и секира при корени древа лежит:
" На Престоле не древнее Царское семя,
" Но пришедший от немца Антихрист сидит.
" Он не храмам святым, а костелам радеет,
" С иноземцами пляшет, и курит, и пьет,
" Носит куцый кафтанишко, бороду бреет...
" Не с Царицей - с зазорною девкой живет.
" Ведь Царя то ПЕТРА извели на чужбине -
" Ин не даром, Вернувшийся спрятал жену
" и прислали - да наши повергнет святыни,
" Облеченного в Царский наряд Сатану.
" Кайтесь, чада ! Спешите бежать искушенья !
" Торопитесь бесовские козни бороть !
" И во Имя Исусово, ради спасенья
" Очищайте огнем многогрешную плоть."
И везде - возле Пскова, вдоль Вычи и Камы -
По скитам староверов стучат топоры:
Воздвигают сожженцы бревенчатые храмы
И в тех храмах, запершись, возжигают костры.
Гибнут древние старцы, гибнут дети и жены,
Пламя воет и свищет, пламя палит и жжет,
Пожирает святые образа и иконы,
Помирает святой, богоносный народ.
В деревнях от постов стенают крестьяне,
В городах - непрерывные казни идут.
И везде, под немолкнущий треск барабанов
Плачет, силою взятый на службу, рекрут.
Что ни день - все грознее Царевы веленья,
Что ни день - все в России мрачней и страшней
И над всею землей стоит привиденьем
Убиенный ПЕТРОМ - АЛЕКСЕЙ.

- - - -

Се так. - Рождаясь к жизни новой
И скорбью душу опаля,
Под тяжкой поступью ПЕТРОВОЙ,
Стонала Русская Земля.

В Царевой истине изверясь,
Все то, в ком крепок был закал,
Кляня Цареву злую ересь,
На Царских плахах умирал.

И знать, и пахари, и дворня,
И городской, и сельский люд,
Насильно сорванные с корня,
На непривычный гнались труд.

И на костях всего народа,
Из недр Российской нищеты
Росли фортеции, заводы,
Казармы, верфи и мосты.

Вся Русь, в трудах изнемогая,
И разоренная до тла.
Гатила гати, била сваи
И службу Царскую кляла.

- - - -

Се так. - Но аще б не был ПЕТР
Державным взмахом крыл
Наш Орл, прозревши встречный ветр,
Еще б не воспарил.

От хладных хлябей, блат и скал
Из мрака тундр и пург
Поднесь еще б не возсиял
Наш град Санкт-Петербурх.

Се ОН - наш шкипер и Монарх,
Грядущее прозря,
Державы нашей вывел барк
В широкие моря.

Се ИМ разбужен спавший Росс
И славы возалкал.
Се ОН Отечество вознес
На твердый пье-де-стал.

Се от его богатырей,
Надменный свейский ярл
В дыму Полтавских батарей
Бежал разбитый Карл.

Се ОН - под градом вражьих ядр,
Над пеной вражьих вод,
В разгромах вражеских эскадр
Зачал Российский Флот.

Что-б с оных пор, на всех морях,
Врагам Руси в ущерб,
Плескал в ветрах Андреев Стяг,
Сверкал орлёный герб.

ПЕТРОМ воздвигнут Русский щит,
Фортеций грозных ряд,
Введен гражданский альфа-бит
И учрежден Сенат.

- - - - -

Что не возьми, куда ни глянь,
О чём ни распроси -
Везде видна ПЕТРОВА длань
В величии Руси.

И сколь бы ни был тяжек Трон
И страшен Царский суд,
И сколь бы не был изможден
Петром Российский люд,

И сколь-бы русской крови рек
Не стоил сей досмотр -
Хвала и честь из века в век
Тебе, ВЕЛИКИЙ ПЕТР.

"СКАЗАНИЕ О ТРЕХ ИСКУПЛЕНИЯХ ЗЕМЛИ РУССКОЙ". Искупление второе.
Н. М. 1924
"ВОЕННАЯ БЫЛЬ", № 3, Сентябрь 1952 г. Стр. 23.

"Многих из нашего круга
Участь нелегкая ждет,
Но, кто любил и кто любит,
Жизнь не легко того сгубит."

А.А. СКРЫНЬКА,
Преподаватель корпуса с 1912 по 1928 г.

Было-бы просто нелогично дать очерк о нашем корпусе, без предварительного краткого описания истории возникновения кадетских корпусов в России и эволюции в воспитании кадет.

Для этого нужно перенестись в далекое прошлое, идущее из глубокой древности, когда воспитание детей сводилось к тому, чтобы держать их в повиновении лишь строгостью при помощи телесных наказаний.

В "ДОМОСТРОЕ", этом своде педагогических советов древней Руси, мы читаем:

"Аще жезлом биеши сына, не умрет, но здрав будет".

Возможно, что в 18 веке, в России появились одиночки учителя; всё преподавание сводилось к уменью читать и писать на своем русском языке, при чем, усвоение этой премудрости без розог, считалось невозможным.

Первый кадетский корпус, по времени открытия, был основан семь лет после смерти Императора ПЕТРА I-го, на Васильевском острове, в бывшем дворце Меншикова, а первая грамматика русского языка появилась в 1755 году. Ее автором был Ломоносов, отец русской литературы.

Слово "КАДЕТ" французского происхождения и по русски значит: "МЛАДШИЙ".

В 18 веке, при организации новой армии, были военные чины: унтер-офицер, кадет, обер-офицер и другие, высшие.

Было в ту эпоху признано необходимым, чтобы офицер в чине кадета, получил элементарное образование. Будет справедливым считать, что образование сначала получали юноши 20 лет. Но после смерти Императора ПЕТРА I-го, в кадетские корпуса стали принимать детей в том же возрасте, как и в наше время.

Таким образом, только с этой поры, в России дети начинают учиться и жить не у родителей, а в правительственном Интернате.

Родители этих первых учеников, были сами без особенного школьного образования и при всей своей любви к сыновьям, они, во время их умственного роста, большого влияния на них иметь не могли.

Но и отцы и дети, наследники той далекой вольности, хранящейся в глубокой подсознательности, не признавали многих запретов:

"Расходилася погодушка,
"В буйной молодой головушке,
"Загудела, закружилась,
"Затуманилась."

ПЕРВЫЕ ждали, что "местничество" и привиллегии, еще не изжитые в их душах, с которыми так настойчиво и энергично боролся ПЕТР, смогут опять, как-то найти себе место в жизни и тем более в школах, но увидев, что всё продолжается по заветам ПЕТРА, внутренне затаились и не сочувствовали новым реформам.

ВТОРЫЕ, издревле привыкшие к своеволию и недисциплинированности, царившей во многих семьях - протестовали против введения всяких ограничений, связанных с дисциплиной : запрещению курить, иногда выпить, проделать какую-либо грубую шалость, и т.п. Бороться с этим, особенно в начале, было более чем трудно и для подавления своеволия и распущенности, приходилось прибегать к физическим наказаниям, т.е. к розгам. Эти физические наказания и были унаследованы кадетскими корпусами отнюдь не потому, что воспитатели были люди суровые и жестокие, а потому, что розги были в обычае, как мера к повиновению.

Как пример : в том же 18 веке, в Морском корпусе в Петербурге, расходы на покупку розг доходили до того, что корпус предъявлял родителям счет для уплаты за розги, которые употреблялись для наказания их сына.

В деле смягчения наказаний, огромная заслуга принадлежит благородному человеку и большому педагогу, каким был Иван Иванович БЕЦКИЙ, директор Шляхетского кадетского корпуса в Петербурге.

Он издал руководство под заглавием :
"Педагогическая система для кадетских корпусов".
Призывая к уменьшению особенно телесных наказаний, Бецкий советует не бить шпагою, а наказывать сокращением времени прогулок, приказанием стоять на штрафу, или на коленях, выдачей только ужина, без завтрака и обеда.
Бецкий ушел в отставку в 1786 году.

Благодаря Бецкому применение физических наказаний в корпусах становится все реже и реже, а один из корпусов, перед применением этой суровой меры, стал считать нужным, просить у родителей разрешения (Любящая мать все-же не давала такого).
Кроме того, нравы уже смягчились под влиянием церкви, более культурных родителей и, наконец, детской литературы и чтения.

Офицеры, окончив корпус и юнкерское училище, обзаведясь семьей, и своих сыновей учили в корпусах, ценя всё то, что в свое время сделал для них корпус.

Первые кадеты слышали на уроках истории и литературы только о Ломоносове (1711-1792), о драматурге фон-Визине (1742-1792), поэте Державине (1743-1802) и историке Карамзине (1765-1826).
Русские писатели вошли в программу корпусов позже: во второй половине 19-го века.
Первые кадеты Полтавского корпуса, могли только из разговоров в корпусе или дома, узнать о смерти Пушкина (1799-1837) и Лермонтова (1814-1841).
В корпусах, кадеты впервые услышали величественные звуки национального гимна, со словами Жуковского (1783-1855) и музыкой Львова (1799-1870), принятый в России в 1833 году.

Уже по уставу 1766 г., Директором кадетского корпуса назначался "человек искусный, радетельный, трудолюбивый, кроткий, ласковый и обходительный; но вид строгий имеющий; должность свою должен исполнять охотно, с любовью и ревностью".
Приказ же Главного Управления Военно-учебных заведений по кадетским корпусам от 1848 г., требует от Генерала, назначенного Директором корпуса иметь не только "вид строгий", но и исполнять свою должность "охотно", "любовно и со рвением".
Этот приказ, повидимому, применялся до последнего времени и кадетские корпуса организовывались не по копированию или подражанию иностранным учебным заведениям, а были созданы выдающимися русскими государственными деятелями.

В царствование Императора АЛЕКСАНДРА II-го произошла реформа исторического значения, касающаяся суда, земства, народного образования и, наконец, был опубликован акт об освобождении крестьян в 1861 году. В частности реформа коснулась и кадетских корпусов.
В 1863 г., распоряжением Военного Министра Генерала Милютина, 3 корпуса были расформированы, наш, как и ОДИННАДЦАТЬ оставшихся, были переименованы в Военные Гимназии; два специальных класса были закрыты, а вместо воспитателей-офицеров, назначались штатские воспитатели.

В 1882 году Император АЛЕКСАНДР III-й издал распоряжение:
"Во внимание к вековым заслугам бывших в Империи кадетских корпусов, все Военные Гимназии именовать Кадетскими корпусами".

В его царствование были открыты еще ДЕВЯТЬ новых корпусов, из них три в далекой Сибири, Грузии и на Дону.

В 1885 году утверждены звания:

I. Вице фельдфебеля и 2. Вице унтер-офицеров.

Воспитатели кадет в восстановленных корпусах снова получили ясную и определенную цель : подготовить будущих офицеров заботливым и внимательным отношением к каждому без исключения мальчику-кадету и развить в них чувства честности, ответственности, нравственности и т.д., так как русскому офицеру надлежит быть :

- скромным христианином,
- на службе всегда исполнительным и терпеливым,
- всегда готовым в нужде помочь товарищу,
- верным слугою Родины и, в случае надобности, готовым умереть за Веру, Царя и Отечество.

В истории кадетских корпусов, событием огромного значения является назначение 6 Марта 1900 года Великого Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА (по его собственному желанию) начальником всех Военно-Учебных заведений.

Высокое положение при Дворе Его не удовлетворяло; Его натура требовала работы независимой на пользу Родины. Ему было тогда 42 года.

С 1910 г. и до самой своей смерти 15-го июня 1915 года, Он занимал пост Генерал-Инспектора на том же поприще.

Прекрасно образованный, знающий иностранные языки, поэт, но не крепкого здоровья (Ему приходилось часто лечиться заграницей), он все-же много работал. Его личная и государственная деятельность, Его литературное творчество, проникнуты искренней и глубокой религиозностью. В 1895 г., Великий Князь со своим батальоном Преображенского полка, молится у Иверской Божией Матери; в 1900 г., вступая на должность Начальника Военно-Учебных заведений, Он молится в Петропавловском соборе. Позже, посещая корпуса, Великий Князь всегда присутствовал на богослужениях в кадетских храмах.

Таков был Его душевный облик. И двоюродный дядя Императора России с первых же дней на новом посту становится реформатором учебно-воспитательного дела в 31-ом российских корпусах, разбросанных по всей России и вносит в педагогическую систему подготовки будущих офицеров, заботливое отношение к каждому, без исключения мальчику-кадету.

Воспитателям кадет ставилась цель: развить боевой дух, любовь к Царю и Родине, и высокие нравственные чувства, как честность, товарищество, самопожертвование. Хранившиеся в храмах знамена корпусов, приказано выносить на парадах.

По мысли Великого Князя были открыты в Петербурге одногодичные курсы для офицеров-воспитателей и двухгодичные для будущих преподавателей.

Кто в России, кроме Великого Князя, мог так красиво, глубоко и сердечно сказать кадетам:

" Но подвиги и славные дела
" Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела.
" Ей нужны: труд и знанье и уменье,
" Что б мог и ты, святым огнем горя,
" Встать головой за Русь и за Царя".

При нем в корпусах и военных училищах подготовлялись к защите Родины офицеры первой мировой войны. Бывшие кадеты в разных офицерских чинах гибли с 1914 по 1917 г. на фронте, гибли на Родине во время революции до оставления Крыма в конце 1920 года. За шесть лет их погибло около 75 %.

Эта жертвенность есть результат воспитания в кадетских корпусах при Великом Князе Константине Константиновиче, в основу которой была заложена ЛЮБОВЬ. И во всех корпусах кадеты чувствовали искреннюю любовь Главного Начальника и Царствующего Дома.

В одном из многочисленных воспоминаний о нем, один кадет пишет:

"И на Его ласку, любовь, заботу - мы ответили своей любовью и своей жизнью за Веру, за Царя, за Россию".

В дневнике Великого Князя 17 Октября 1902 года есть заметка:

"Очень хорошо мне было в Полтаве !"

\- - -

Теперь, когда мы вспомнили, как в России с 18 века, по глубоко продуманной мысли Петра Великого, человека исключительной одаренности и трудолюбия, начали открываться корпуса, когда мы знаем главнейшие перемены, происшедшие в корпусах в 19 веке и блестяще материально-педагогическое положение в корпусах в начале 20-го века, перед самой гибелью национальной России, я с благосклонным читетелем перехожу к воспоминаниям о Петровском Полтавском Кадетском Корпусе.

Для Полтавы, основание корпуса было большим событием.

Корпусу был выбран огромнейший участок в центре города. Как при открытии всех корпусов, часть земли была отведена для постройки главного здания для кадет, вмещающее в верхних этажах: классы, залы, спальни, церковь, лазарет и т.д., а в первом: помещения для администрации, педагогического персонала, с библиотекой, столовой, кухней, швейцарской и т.д.

Непременным был огромный плац, как резервуар чистого воздуха, так нужного для здоровья молодых людей, и в то же самое время, для военных упражнений.

Другие постройки, логично расположенные, служили для квартир всего персонала, продовольственных складов и прочих нужд.

Железных дорог еще не было: сношения между Санкт-Петербургом и Полтавой происходили на почтовых лошадях, для чего нужно было около недели.

Город был населен помещиками, которые в то время имели еще крепостных.

Наш корпус был учрежден и утвержден Императором НИКОЛАЕМ I-м в 1840 году. Наименование было дано, не только по городу, но и по имени ПЕТРА I-го, победившего Шведов 27 июня 1709 года в шести верстах от Полтавы. Корпусным праздником была установлена дата 6-го декабря, день тезоименитства его Державного основателя.

Вензель на погонах синего цвета с белым кантом состоит из перевернутого соединения двух латинских букв Р.Р., что обозначало ПЕТРУС ПРИМУС, а верхняя часть этих букв с цифрой I внизу означала: ЕКАТЕРИНА I-я, супруга Великого Петра.

\- - -

Вот годы главных корпусных событий за 80 лет его существования (I840-I920) :

- I840 год, открытие корпуса,
- I844 год, 27 июня, корпусу пожаловано знамя,
- I854-56 годы Крымской войны. Первые кадеты, окончившие наш корпус, и попавшие в действующую армию, уже принимали участие, как в этой войне, так и в защите Севастополя,
- I856 год, открытие двух специальных классов, по окончании которых, кадеты производились в первый офицерский чин,
- I863 год, Полтавский корпус, так же как и все другие корпуса, получил название Военной Гимназии со штатскими воспитателями,
- I882 год, корпус получил старое название, т.е. Петровский-Полтавский кадетский корпус,
- I885 год, утверждены звания: вице-фельдфебеля и вице-унтер офицеров,
- I902 год, I7 октября, Великий Князь КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ, как Начальник Военно-учебных заведений, впервые посетил корпус,
- I909 год, 27 июня, торжества по случаю 200-летия Полтавской победы в присутствии Государя Императора НИКОЛАЯ II-го. Участникам торжества, в том числе и кадетам, дано было право ношения юбилейной медали.
- I9I5 год, Царь снова в Полтаве,
- I9I6 год, февраль,третье посещение корпуса Державным Венценосцем Императором НИКОЛАЕМ II-м,
- I9I7 год, февраль, "бескровная революция", вызвавшая величайшее несчастие России: Император НИКОЛАЙ II-й отрекся от престола 3-го марта,
- снова корпус переименован на несколько месяцев в Гимназию военного ведомства,
- Октябрь, захват власти большевиками и начало гражданской войны,
- В I9I8-ом году (при Гетмане), он снова становится кадетским корпусом, лишь с изменением формы погон (они съужены и округлены со стороны пуговицы, а вместо вензеля ПЕТРА I-го - знак украинской державы, т.н. "ПЕРНАЧ",
- I9I9 год, при большевиках, кадеты ходили без погон и были размещены в здании садоводства Института благородных девиц,
- При Добровольческой армии снова одели погоны старого корпуса, т.е. с вензелем Императора ПЕТРА I-го,
- 2I ноября эвакуация корпуса во Владикавказ (декабрь I9I9 года, январь и февраль 20-го), затем Грузия (Кутаис), откуда, в июле, в Крым (Ялта, Орианда),
- I920 год, все корпуса, бывшие в Крыму, сливаются в Крымский кадетский корпус, где Полтавцы (I50 человек) составляют большинство. Генерал Римский-Корсаков, бывший Полтавец, назначается Директором этого сводного Крымского корпуса, для его эвакуации в Сербию.

Таким образом, на территории России, после 80-ти лет существования, Петровский-Полтавский Кадетский Корпус, как таковой, перестал существовать с октября I920-го года.

- - - -

ЖИЗНЬ КАДЕТА В КОРПУСЕ.

Десятилетний мальчик поступал в корпус, а через 7 лет из корпуса выходил юноша, имевший продуманные убеждения, с известной суммой знаний, с определенным решением служить Царю и Родине.

Некоторым из мальчиков, оторванным от родного дома в детском возрасте, конечно, было первое время трудно привыкать к военному распорядку жизни корпуса, но проходил год, а иногда лишь месяцы, и он легко втягивался в режим, который в общем не был, конечно, тяжелым.

В смысле питания во всех Российских корпусах меню было приблизительно одинаково: утром кусок белого хлеба с большой кружкой сладкого чая, в полдень и вечером, ржаной хлеб, суп, котлеты с картошкой или макаронами, солонина, рыбные блюда. Больше всего любили кадеты субботнее меню (в обед) малороссийский борщ с порцией мяса, гречневая каша (или пшенная) с маслом и кофе с булочкой. Почти всегда давался, как напиток, квас.

По большим или государственным праздникам давались более изысканные блюда, четверть фунта конфект и, вместо кваса, мед завода Князя Кочубея из Диканьки.

По субботам и воскресеньям - утром, весь корпус был в церкви. Вечером в церкви полутемно, горят лампады и свечи, благостно глядят лики святых. Как всегда тихо и в тишине слышится голос Отца Сергия Четверикова. Когда поет хор "Господи помилуй", вспоминается все нехорошее, сделанное за последние дни,и невольно хочется быть лучше.

Классные занятия чередовались трижды в день, прогулками, главным образом, вокруг Круглого сада, а иногда и т.н. военными прогулками по городу с оркестром музыки и с винтовками у кадет I-й роты. Эти прогулки очень нравились, как кадетам, так и всем обывателям Полтавы.

После обеда весь корпус на плацу, обсаженном липами. Можно было брать на прокат велисипеды. Любимая русская игра в лапту всегда находила охотников сразиться, и можно было, через дырку в ограде, купить тайком, за почтовые марки: шеколад или конфекты у продавца или продавщицы, открывших эту возможность подработать несколько копеек.

Корпусный праздник был самым большим событием в учебном году. Тезоименитство Государя совпадало с корпусным праздником, что придавало этому дню (6-го декабря) особенную торжественность.

Еще накануне начинался съезд бывших кадет гнезда Петрова, чтобы на следующий день принять активное участие в самом празднике.

Праздник начинался торжественным Богослужением, затем был парад и, наконец, бал, как заключение всего празднества.

На бал приглашались высшие военные чины, стоящих в Полтаве полков: Орловского и Елецкого.

Оказывалось большое внимание Начальнице женского института, которая появлялась на балу с воспитанницами старших классов.

Все приглашенные радушно встречались Директором Корпуса и ротными командирами.

Огромные залы корпуса переполнены. Разговор стихал при первых звуках духового оркестра. Кадеты, младшее поколение, робко, застенчиво, с волнением приглашают "даму" на вальс. Старшее поколение занято разговорами.

Весь праздник 6-го декабря носил торжественный характер. Замечательной его особенностью было то, что СЛУГИ ГОСУДАРЕВЫ, защитники России - празднуют его вместе с молодым поколением, своими наследниками. И эти наследники, всматриваясь в генералов с начинающейся сединой, думали:

"Вот каким я хотел бы быть и носить такую форму ! "

А офицер 50-ти лет смотрел на стройных кадет и думал:

"Давно-ли и я был таким-же ? "

Кадеты передавали друг другу тихо: "Генерал П., ранен в бою...", и у некоторых в душе рождалось желание подвига.

У юноши в 18 лет, помимо массы новых мыслей и чувств, в душе создавался образ молодой девушки с красивым лицом, с грустно приветливыми глазами, со скромной улыбкой. Юноша кадет всматривается в явившихся на бал барышень, стараясь найти именно ту, которая отвечает создавшемуся в душе образу.

Вот дочери Полковника Ромашкевича и адвоката Пилипенко, вот прелестная Акинфьева. Что-то влечет к ним многих из кадет. Они приглашаются без перерыва на вальс, мазурку; именно с ними хочется танцевать.

В 1917 году такой бал был в корпусе в последний раз. В этом же году на одном из концертов танцевала "Русскую" и вальс одна из дочерей преподавателя корпуса Константина Григорьевича Щиголева. Дочерей у него было две, кадеты называли их: Альфа и Бетта, или еще более ласково: Альфочка и Бетточка. На этих вечерах танцевала Альфочка.

Нужно сказать, что такое выступление Альфочки в стенах корпуса было в первый и последний раз, так как вообще, кроме кадет во всех выступлениях в стенах корпуса, никто из посторонних не принимал участия.

В 1919 году власть коммунистов сменилась властью Добровольческой армии, которая в октябре была между Орлом и Тулой. Оттуда и началось отступление.

Когда пришел приказ об эвакуации, уезжали все, кроме четырех преподавателей - стариков. Шли на Южный вокзал. Ждали очереди. Несколько вагонов эшелона были предоставлены корпусу. Размещались в вагонах в тишине, без лишних разговоров. На душе у всех, как у начальства, так и у 150 кадет, было тяжело.

Поезд двинулся в день ВВЕДЕНИЯ ВО ХРАМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ, 21-го ноября. В пути, из походной кухни, выдавали пшеничную кашу или, иногда, рисовую. На станциях долгие стоянки, особенно долго в Ростове-на-Дону. Только в конце ноября приехали во Владикавказ.

По приказанию, полученному в эшелоне, корпус должен был разместиться во Владикавказском корпусе. Недалеко от города, за Малоканской слободой, в начале Военно-Грузинской дороги, несколько больших зданий составляли Владикавказский кадетский корпус. Он был открыт только в 1902 году. Директором был Генерал Голиевский.

Жители Малоканской слободы были старообрядческие сектанты, высланные из России на Кавказ. Церкви и священников у них нет, а громадная комната с партами для сидения и на возвышении стол с Евангелием. Во время молитвенного собрания старый старообрядец читает Евангелие. Они - трезвенники. Вместо частной торговли - имели кооператив с продуктами домашнего потребления.

При коммунистах, в здании корпуса была больница для тифозных. Мебель - вывезена. Служащие без семей, были помещены в громадном дортуаре без кроватей. На полу для каждого лежал тюфяк.

Во Владикавказе скончались: Полк: Ник. Викт. Быков, Подполк. Чемезов, Полк. Петр Григор. Люсин.

Наш корпус прожил во Владикавказе зимние три месяца: декабрь, январь и февраль. Было тепло, солнечно, без снега. В начале марта корпус получил приказание эвакуироваться в Грузию. В то время Грузия была самостоятельная республика.

Раньше нас на два дня ушел по Военно-Грузинской дороге Владикавказский корпус. Оконченная в I799 году дорога предназначалась для войск.

В несколько дней войска могли по неутомительному подъему подняться до Казбека, откуда начинался спуск в долину Белой Арагвы; выйдя утром из Владикавказа, мы остановились на ночлег, значительно поднявшись в течение дневного перехода. Любоваться сказочной красотой не было возможности; нельзя отстать от своих и мешать идущим сзади.

Грузины на границе своей республики пропустили нас без задержки. Мы поднялись до Казбека и начали спускаться вниз. Весь в снегах Казбек сменялся долинами с цветами. Для стоянки нам был назначен Кутаис, на реке Риони с мутной водой. Город этот был присоединен к России только в I8I0 году, т.е. всего II0 лет назад.

Жители верят в Россию и охотно берут наши "керенки" и "колокольчики". Имея грузинские деньги, мы обедали в кооперативной столовой и пили в парке воду, которую мальчик продавал по стаканчикам. Подняв кувшин на плечо, он отходит от нас и на весь парк кричит: "цивия... цивия...".

Когда мы жили в Кутаисе, Добровольческая армия отходила к Крыму. Генерал Деникин передал власть Генералу П. Врангелю; при нем был выработан план эвакуации из Крыма всех вооруженных сил армии через Черное море. Для эвакуации было собрано в портах Крыма около I50 судов. По распоряжению из Крыма, Полтавский корпус в июне I920 года оставил Кутаис и был перевезен через Поти в Ялту. Корпус расположился там в нескольких домах Орианды.

Начались последние месяцы существования Петровского-Полтавского кадетского корпуса. В октябре 20 года, прибыл из Севастополя Генерал В. Римский-Корсаков, бывший Директор 2-го Московского кадетского корпуса и в свое время учившийся в Полтавском корпусе; он был назначен Директором Крымского корпуса, который должен был образоваться из кадет Полтавского и других корпусов, при чем Полтавцы являлись самой крупной группой (около I50 кадет).

Ген. Римскому-Корсакову была поручена эвакуация нового корпуса на пассажирском и грузовом пароходе "Христи". Это был греческий пароходик, перешедший к русским. В мирное время трюм наполнялся товарами, а палуба предоставлялась пассажирам.

Настал день посадки. Часть трюма заняли продуктами, а большая часть отведена была для людей. Из служащих Полтавского корпуса добровольно остались в Ялте: Подполковники Шереметов, Чеботкевич, преподаватели: Щиголев и В. Сахаров. Все они оставили свои семьи в Полтаве и потому решили остаться в Ялте, чтобы при первой возможности возвратиться в Полтаву.

Нужно отметить здесь, с сожалением, что Подполк.Шереметов выделялся своим сочувствием партии социал-демократов, а под его влиянием был и Подполк. Чеботкевич. Дочь Щиголева (Надежда - Альфенька) в своем письме от II-I0-50 года сообщила, что ее отец был расстрелян в Крыму большевиками.

Петровский-Полтавский кадетский корпус, открытый, как видно из выше-изложенного в I840 году, был закрыт в Ялте в октябре I920 года. Открытый в период могущества России, он в последние месяцы Национальной Власти и на последнем клочке Русской земли, послужил России 80 лет.

Кадеты, окончившие корпус и позднее юнкерское училище, участвовали в войнах во второй половине I9 века и 20 лет 20-го, до конца Императорской России. Вечная память всем Полтавцам, погибшим на поле брани за Веру, Царя и Отечество.

" ДА СЛАВИТСЯ РОССИЯ, ДА ГИБНУТ НАШИ ИМЕНА ".

- - - -

Хочется сказать еще несколько слов о судьбе Полтавцев, влившихся в Крымский корпус. Генерал Врангель оставил Крым 2-го Ноября I920 года. Спокойное море помогло перегруженному пароходику благополучно прибыть в Босфор.

Здесь собрались суда с русскими беженцами. Долго пришлось ждать, пока большой пассажирский пароход смог принять корпус, для перевоза в Югославию. Мы высадились в бухте Которской на Адриатическом море.

Нас встретили приветливо, разместили не в городе, а в хороших бараках в местности, называемой Стриннице, недалеко от города Птуи в Словении. В бараках было электричество и водопровод. Вокруг бараков, сосновый лес.

Устроили церковь, организовали занятия. Прошло более года и в I922 году корпус перевезли в Белую Церковь, небольшой городок в Бонате. Сюда приезжал Генерал Врангель, для знакомства с условиями жизни корпуса.

Мы должны отметить с благодарностью имена всех тех, кто проявил внимание и заботу о корпусе. В первую очередь, конечно, Короля АЛЕКСАНДРА, Патриарха Сербского ВАРНАВУ и Генерала ВРАНГЕЛЯ.

Король АЛЕКСАНДР, как известно, был убит во Франции в Марселе 9 Октября I934 года. Патриарх Варнава и Генерал Врангель были отравлены; последний в возрасте 50 лет (I928 г.).

В Е Ч Н А Я   И М   П А М Я Т Ь

- - - -

Директорами корпуса были: Ген. Римскій-Корсаков, Ген. Промтов и, наконец, со времени переезда в Белую Церковь Сараевского корпуса, Ген. Адамович.

Настала 2-ая мировая война.

В первые годы войны Германия занимала одно государство за другим. Оккупация Югославии ставила Крымский корпус в тяжелое Положение. Но настал конец и успехам Германии: немецкая армия отступала. При эвакуации Белой Церкви было разрешено Крымскому корпусу эвакуироваться (I943 г.).

Преподаватели корпуса: Тычинин и Подполк. Трофимов, выехавшие из Полтавы в I9I9 году и служившие в Крымском корпусе в I942 году, остались в Белой Церкви. Вместе с ними остались : преподаватели Данилов, Савченко и бывший эконом корпуса Капитан Шепель, посвященный в священнический сан.

Эвакуацию Крымского корпуса в I943 году из Югославии в Австрию нужно считать концом Русских Кадетских Корпусов, оставивших Родину.

А. СКРЫНЬКА

Генерал-Лейтенант НЕЧВОЛОДОВ

Я окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (в то время Военная Гимназия) в I873 году.

В первое отделение I-го класса нас поступило около 30-ти человек. Из них до 6-го класса добрело немного. В 6-ом классе нас соединили в одно отделение вместе с поступившими с нами во 2-ое отделение того же класса, при чем, вместе с постепенно впитываемыми второгодниками, в шестом классе оказалось менее 30-ти человек.

Вместе со мной, не застрявших оборигенов нашего отделения, окончило всего 5 человек: Лишин, Северьян, Полонский, Степанов, Псиол и я. Из них в живых остался лишь я один.

Вместе со мной окончили Гимназию, кроме названных пяти, еще: Попов Михаил, Суринский, Христианович, Холодовский, Андриянов, Щербина, Фловицкий, Вильяшев, Якименко, Полонский Эраст, Скоробогатов, Черемушкин, Пржевальский, Домбровский, Белов, Христич - остальных сейчас не помню.

Первые два года пребывания моего в Гимназии оставили очень смутное воспоминание. Читал Вальтер Скотта, Майн-Рида, Купера, шалил, дрался почти ежедневно, а иногда и по несколько раз в день и быстро забыл иностранные языки, на которых болтал при поступлении в Гимназию. Я убежден, что не имей я хорошей домашней подготовки, я разделил бы участь подавляющего большинства своих товарищей, т.е. Гимназии я бы не окончил.

Дело в том, что в конце 60-х годов, как вы знаете, была тенденция преподавать без книжек. Преподаватель должен был так заинтересовать учеников и так ясно и логично читать лекцию, что все должно было укладываться в мозгу детей, не требуя пособия книжки.

Русской грамматики у нас совсем не было, французский язык изучали по учебнику Марго, при чем мы, не пройдя хорошо и 40

параграфов и не усвоив хорошо даже падежей, переходили на livre ouvert и т.д.

Может быть все это, в корне, и было справедливо, но оно требовало для этого выдающихся преподавателей, чего в действительности не было и подбора одинаковых способностей и одинаковых по подготовке и душевному укладу детей, чего в действительности тоже не было.

В конце концов, поразительное большинство даже по-русски писало безграмотно и о грамматике имело очень скудное представление.

Я окончил Михайловское артиллерийское училище в 1876 году и вышел Подпоручиком в 5-ю арт. бригаду в город Нежин, находившийся в 45 верстах от нашего имения.

В турецкую кампанию 1877 г., участвовал при взятии Никополя, в I-ой и 2-ой Плевне, при чем под 2-ой Плевной, 18 июля, был ранен ружейной пулей в ногу и, после перевязки на перевязочном пункте, остался при батарее, благодаря чему, уже 19 августа, участвовал в деле под Галевицей и с 26 августа, вплоть до сдачи Плевны, находился с батареей на позиции в районе между деревнями Гривица и Радишева.

После падения Плевны, мы сейчас же были двинуты к Орханьи и перешли за Балканы у Араб-Канака, через деревню Черногоры и Корогор, двигаясь непрерывно в течение трех суток и с легкими боями к Филиппополю, и заняли его почти без боя. Через два-три дня были двинуты по шоссе к Адрианополю, где, в виду перемирья, и остановились.

Из Адрианополя я поехал в Артиллерийскую академию, которую кончил в 1881 г., и поступил на службу в Главный арт. полигон, где пробыл 5 лет, после чего был приглашен на должность Делопроизводителя Артиллерийского комитета по отделу механики, где, кроме решения различных вопросов текущей жизни, занимался разработкой переносных железных дорог и проектировал трех-ножный подъем для груза в 240 пудов и систему подъемов на 3.000 пудов. За последние 2 работы получил Михайловскую премию.

В 1890 году читал приватные лекции по механики в Николаевском кав. училище, а с 1894 по 1904 год - лекции артиллерии в Николаевском инженерном училище. В 1905 году был назначен Управляющим делами арт. комитета и в 1914, начальником технической части и управляющим делами Артиллерийского Управления.

Я имел все по порядку русские ордена, начиная с Анны 4-ой степени с надписью на сабле: за храбрость, вплоть до Белого Орла включительно, причем Св. Станислава 3-ей степени и Анны 3-ей степени с мечами и бантом, а Станислава и Анны 2-ой степени с мечами.

Из иностранных орденов имел: Румынский железный Крест, Абиссинский орден и французскую звезду - Commandeur de l'Ordre du Grand Bénin (l'Etoile Noire de Bénin).

В Генерал-Лейтенанты был произведен в 1910 году.

В белом движении был прикомандирован к Штабу белой армии и состоял комендантом госпиталя № 14 - для больных сыпным тифом.

Там, несмотря на прививки, заразился сыпным тифом и едва оправившись был эвакуирован в Салоники, где заболел возвратным тифом.

Во Францию, еле двигающимся, прибыл в июне месяце 1920 г.

Вот, кажется, все что вспомнилось написал вам, что может вас интересовать.

Крепко целую. Генерал-Лейтенант
П. НЕЧВОЛОДОВ.

Besançon (Doubs) - FRANCE.

Выписки из письма от 6-го Августа 1934 года, адресованного Доктору Караченцеву.

ТАЛЬВИНСКИЙ (Выпуска 1894 года)

Шел год за годом, шли они медленно, не так, как бегут теперь на склоне наших последних лет.

Дошли, наконец, до 7-го класса, этой вершины кадетской жизни, год, когда выпускной кадет чувствует себя в известной степени центром внимания всех младших товарищей.

Появляются новые интересы: производство в вице унтер-офицеры, организация годового бала 6-го декабря, посещение фотографа для подготовляющегося годового альбома.

Наступил конец мая 1894 года. Для кадет 7-го класса окончились выпускные экзамены благополучно, и мы с легкой душой радостно смотрели на будущее. Наш многолетний, порой тяжелый, труд закончился успешно.

Соображения об юнкерских училищах принимают определенные виды, и каждый прикидывает в душе, какие шансы он имеет на выход в то военное училище, которое его манит и которое отвечает его возможностям, в смысле отметок и в смысле кармана. А потому знают, что их ожидает Павловское или Александровское, а цвет выпуска - Михайловское или Константиновское артиллерийские училища, или Николаевское Инженерное училище.

Это был первый год, когда Константиновское пехотное училище было переименовано в артиллерийское.

Потом выяснилось, что пять кадет вышли в Елисаветградское кавалерийское училище, а кадет Ковалевский, после конкурсного экзамена, поступил в Харьковский Технологический Институт.

ВЫСТУПЛЕНИЕ В ЛАГЕРЬ.

После молебна, 1-ая рота, 7-й и 6-й классы, была построена с винтовками и скатками перед фасадом корпуса, с духовым оркестром и под командой командира роты выступила в лагерь возле Шведской могилы. Шли мы, то под звуки песен, то под звуки марша оркестра. Проходя мимо Шведской могилы, полковник Липовко-Полавенец скомандовал:

"Смирно !... Равнение налево !... Господа офицеры !"

и мы торжественно миновали Шведскую могилу.

Корпусной лагерь был расположен на большом пространстве, в живописной местности, в густой зелени берез, лип, тополей, в пяти верстах от Полтавы и в двух верстах от реки Ворсклы, на берегу которой был песчаный пляж. В лагере все уже было приготовлено для нас. Нас сейчас же разместили по баракам и мы хорошо устроились.

В лагере занимались строевыми занятиями, военными прогулками, гимнастикой и съемками. Всем были выданы планшеты с компасами для глазомерных съемок отдельных участков местности, где расстояния измерялись шагами.

Кроме обыкновенных гимнастических приборов, были в лагере еще 2 столба гигантских шагов. Но больше всего нас привлекало купанье на реке Ворскле, куда мы часто ходили с песнями, накинув на плечи полотенца. Погода всегда была хорошая. Мы рассыпались по пляжу и бросались в воду. Место для купанья было обозначено высокими шестами до глубины по пояс. На берегу стояла лодка с веслами.

Здесь же, сбоку, на берегу была устроена площадка, с которой преподаватель гимнастики учил кадет плавать. Нужно добавить, что первая рота, в течение года, в гимнастическом зале корпуса; кроме всего прочего - обучалась приемам плаванья по способу "лягушки" в воде, - на особом станке с широкой тесьмой: кадету лежавшему животом на этой тесьме, учитель командовал: Раз, два, три, четыре, и кадет, имея свободными руки и ноги, проделывал нужные движения.

Но на берегу реки, на площадке было два способа плавания: на "удочке", так мы ее называли и окончательно, на веревке. Удочка - это шест длиной в сажень, с веревкой и поясом. Кадет надевал этот пояс, бросался в воду, а учитель держал веревку в руке и велел делать правильные движения, отпуская постепенно веревку, когда кадет плыл к другому берегу, а потом приказывал ему вернуться.

Ворскла в этом месте имела ширину около 25 сажень, была глубока. Здесь бродов на ней не было и подводы переправлялись по мостам или на паромах. Несколько дальше от нашего лагеря, на Ворскле был знаменитый Семеновский брод, которым пользовалась наша армия во время Полтавской битвы. Этот брод был каменная гряда, которая пересекала реку, при чем камни не подымались высоко, вода проходила свободно и можно было перейти реку легко в брод.

Нужно, однако, сказать, что эти уроки плаванья не всех научили плавать, а только часть. О себе могу сказать, что на второй лагерь, я уже плавал на веревочке и не только "лягушечьим способом", но и другими.

В корпусе нас обучал церковному и светскому пению учитель Иван Николаевич Ризенко. В лагере, в свободное время, отдельные группы устраивали хоровое пение.

Пели русские песни:
- Было дело под Полтавой...
- Вниз по матушке по Волге...
- Эй, дубинушка, ухнем...

или украинские :
- Реве та стогне Днипр широкий.
- Ой на гори та жници жнут...
- Ой не ходы Грицю...
- Ой ходила дивчина бережком..

или наши, кадетские:
- Прощайте иксы, плюсы, зеты ... и т.д...

По вечерам любители астрономии наблюдали созвездия на небе.

Все уже хорошо различали созвездия Большой и Малой Медведицы или Северной Полярной звезды. Некоторые разыскивали из созвездий Зодиака, например, созвездия Рыб, Рака, Весов, Козерога, Девы и др... Но для этого не было много времени: июньские дни длинные и небо ясное, звезды трудно находить, а мы были целый день в движении, устали, а потому, по звуку вечерней зари горниста или барабанщика шли спать.

Не могу забыть, что некоторые космографы повторяли известную циничную фразу: "Все изменилось под нашим Зодиаком: Лев стал Козерогом, а Дева стала Раком...".

К концу июня на наше строевое обучение и разсыпной строй роты, приехал посмотреть Командующий войсками Киевского военного Округа Генерал Драгомиров. Он остался доволен и похвалил нас.

27 июня, в годовщину Полтавской победы, была устроена заря с церемонией. При этом был дан салют из бронзового горного орудия, по преданию или легенде времен Петра I-го и названного "Единорог". Это орудие стояло на своем лафете на передней линейке перед офицерским бараком. Наш командир роты был артиллерист.

I-го июля нас распустили на летние каникулы. Мы все были довольны временем проведенным в нашем лагере, но, все-таки с удовольствием отправились по домам, где нас уже ждали с нетерпением. Мы чувствовали себя окрепшими физически, были стройны, сильны и загоревшие, просто "молодец к молодцу".

В Августе мы должны были вернуться в наш родной корпус, чтобы затем ехать по назначению в наши училища.

Т А Л Ь В И Н С К И Й

П. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО (Выпуска 1906 года).

Отрывки из повести : "ТРИ ВРЕМЕНИ ГОДА В ЧЕТЫРЕХ СТЕНАХ"

ПРИМЕЧАНИЕ: Написанная мною повесть содержит в себе 80 печатных страниц. Сообразуясь с возможностями нашего сборника, мне пришлос ее сократить до возможных пределов, можно сказать, до "пределов сжимаемости". Грустно, конечно ! Я писал ее с любовью, вниманием, и мне кажется, что она довольно правдиво отражает не только быт корпуса конца 19-го и начала 20-го века (до 1906 года - года выпуска), но частично, в маленьком поле наблюдения, и быт нашей Родины. В сильно урезанном виде, она, конечно, теряет 75 % своей занимательности. Выбираю отрывки наиболее характерные.

А в т о р .

Глава I-я

О С Е Н Ь

Как это было давно ! Боже мой, как давно ! Хочется вспомнить, с какого дня в нашей маленькой жизни начиналась осень?

Помнится с чего-то неприятного, напрягаю память и вспоминаю: с фразы мамы, услышанной сквозь утренний сон. Какое блаженство, проснувшись, знать, что можно еще вдоволь поваляться в теплой постели, поглядеть сквозь сонные ресницы на пробивающиеся через гардины лучи солнца, подумать о предстоящем "прекрасном" и интересном дне. Все дни, на каникулах, "прекрасны".

Мама разговаривает с прачкой: - "Смотри же, Горпина ! Раньше всего белье паничей, в понедельник, через неделю, их уже нужно отправлять в корпус".

Что-то неприятное, как червяк заползает в душу: через неделю... в понедельник... Прощай лето, купанье в реке Каменке, прогулки на лодках по Тетереву, друзья кадеты воронежцы Трофимовы, первые, еще робкие, попытки ухаживанья, маевки, вечерние посиделки в роще, с обязательным "кулешом".

Паничи, это я и брат Глебушка. Я перешел в 4-ый класс, Глебушка во 2-ой. У него, конечно, летом есть свой маленький и для него интересный мирок. В наш кружок старших, он не допускается.

Он слышит, что говорит мама и откровенно всхлипывает под одеялом. Итак, еще неделя и "паничи" кончаются, правращаясь в кадет 4-го и 2-го классов Петровского-Полтавского кадет.корпуса.

Отдергиваю занавески на окнах: Боже - до чего прекрасен Божий мир ! Лучи солнца врываются в комнату, на дворе все залито солнцем, стрелой носятся ласточки, украинский разгорающийся день "роскошен и упоителен".

В голову лезут мысли, как у приговоренного к казни, когда его везут на эшафот: "Еще площадь... потом длинная улица, потом ... еще площадь... О ! еще далеко !" - "Еще семь дней: завтра, после-завтра, потом еще завтра, еще после-завтра... О ! еще много дней свободы, вольности, лета, солнца."

Но, с неумолимой неизбежностью, проходят день за днем... и вот уже и день отъезда.

Чемоданы уложены; новые, пахучие кусочки мыла, зубная щетка, конверты, почтовая бумага, - все на своих местах. Шесть рублей денег спрятаны в кошелек. По три мне и Глебушке (по рублю на обед в Казатине и по 2 рубля на первый месяц). С мальчишеской зоркостью и наблюдательностью знаю, каких трудов, тайком от нас, стоило бедной маме их собрать.

Экипаж с кучером-солдатом у крыльца (до станции 7 верст). Отца нет. Он уже попрощался с нами в минувшую субботу и ушел с полком на маневры. В столовой вся семья: бабушка, мама, маленькие братишки: Федя и Миша, сестра Олечка, денщик Карпо, прачка Горпина, кухарка Матвеевна.

Традиционно все садимся, молчим, потом крестимся на образ в правом углу возле двери. - "Ну, с Богом !" говорит мама. На глазах у нее слезы. Плачет и Глебушка в три ручья, разливается чувствительная Матвеевна (больше по крестьянской традиции, чем от эмоциональных переживаний). У меня в носу что-то отчаянно свербит, но разве можно плакать кадету 4-го класса ?

Эх, эх... Целуемся со всеми по очереди, начиная от бабушки до денщика Карпо. Младших братьев, по их несмышленности, больше занимает процесс прощанья, чем горечь разлуки.

ДОРОГА.

После Бердичева проезжаем только одну станцию (вернее полустанок Глуховцы) и опять пересадка. Но какая ? Сказка, а не пересадка ! Нам, выросшим на хуторе и в деревне, проводившим целые дни в обществе деревенских ребятишек, уже наше скромное полковое собрание казалось каким-то пышным шато, и Житомирский собор - верхом великолепия. Чем же был для нас Казатинский вокзал ? О ! Это был сказочный дворец.

И, действительно, он был великолепен. Огромный зал с массой столов, накрытых белоснежными скатертями, уставленных пальмами и пирамидами вин, на-голо обритые лакеи-татары, огромный буфет с массой закусок, четыре выхода на перроны, величественный швейцар, появлявшийся время от времени в одной из дверей и каким-то особенным, утробным голосом возглашавший: "Знаменка, Одесса... Первый звонок. Поезд на втором пути...".

Все было великолепно и подавляло своим величием.

В Казатине мы должны были обедать. Новый хозяин, татарин, установил для учащихся плату: один рубль за обед из пяти блюд. Но приступить к обеду было на тек просто ! Надо было проделать то, что потом на войне называлось "ориентировкой в обстановке".

Мы, маленькие военные, обязаны были найти в зале старшего из военных и испросить его разрешения "сесть". Это было не так легко ! За столами сидело до сотни обедающих: штатских, дам, офицеров... Многие были повязаны салфетками до ушей. В те времена роскошные бороды и усы доставляли много хлопот обедующим.

Разберись тут, кто старший ? Помогли, как всегда, бойкие Псковичи. Рыков оглядывает зал взглядом Наполеона перед Аустерлицким сражением: - "Э.. ребята.. - снисходительно поясняет он. Вон там, в углу, есть завязанный салфеткой. Ну вот тот самый, у кого баки и усы. Это - генерал, я его хорошо знаю. Валим прямо к нему, хорошенько только козыряйте, он любит отчетливость".

Целая фаланга направляется к обедающему Генералу. Вперед выталкивают малышей, из которых самый маленький Глебушка. Его тыкают все время в спину, так как он беспрестанно теряет направление, столы почти на уровне его головы.

Генерал поглощен обедом, когда над его ухом раздается целый хор голосов: - "Ваше Превосходительство ! Разрешите сесть обедать" ... Генерал, слегка оторопев, снимает солфетку и оказывается, неожиданно для всех нас, совсем юным корнетом, правда с усами и баками.

Он разражается смехом и с удовольствием глядит на молодые, краснощекие мордочки, уставившиеся на него. -"Это кто-же из вас произвел меня в генералы?" грозно спрашивает он: "Ты, что-ли ?" тычет он пальцем в Глебушку, у которого от страха, уже блестят на глазах слезы.

-"Ну, ладно - садитесь, садитесь ! Впрочем, лучше спросите все-таки, вон там сидит Штабс-капитан. Кажется никого старше в зале нет."

Новый маневр, под любопытными взглядами обедающих, продолжается. Наконец и Штабс-капитанское разрешение получено и вся кампания благополучно усаживается. Начинается обед... Нет, это не обед, это пиршество Лукулла: бульон с пирожками, жареная рыба, отбивная котлета с гарниром, пирожное и чашка кофе с молоком. И все за один рубль !

Все идет хорошо, но во время обеда - инцидент, вгоняющий меня в краску: Глебка неожиданно хватает со стола звонок и резко звонит. Весь стол на него оборачивается; к Глебке подходит татарин-лакей (я с ужасом гляжу на сцену): - Что хочешь, барчук ? - "Порежьте мне, пожалуйста, мясо... Я сам не могу..."

Татарин улыбается, берет нож и вилку и исполняет просьбу. - Вот так ! Кушай на здоровье, барчук, он ласково смотрит на крошечного Глебушку. - Горчицы хочешь, принесу ? -"Мерси!" светски галантно отвечает Глебка.

После обеда шпыняю его: - Ты что-же это ... не мог попросить кого-либо из старших, раньше чем устраивать скандал на всю станцию ? -"Да он сам сказал мне: если что надо ... позвони..."

Здесь нас уже называют "барчуками". "Панычи" остались далеко на хуторе и в деревне, а еще немного, исчезнут и "барчуки"и "панычи" и останутся только кадеты.

К концу обеда, неожиданно появляется разжалованный генерал. Он, видимо, вкусно пообедал, выпил и потому настроен благодушно: - Сидите, сидите... - роняет он небрежно и сам подсаживается к нам. - Моих, кажется нет ? - оглядывает он группу. Он Аракчеевец, т.е. бывший кадет Нижегородского корпуса. На нем элегантная драгунская форма, сам он ловок, строен, крепко сбит. И, как это только мы могли принять его за генерала ? Все это самонадеянные Псковичи наделали !

- Ну-с ! А кто же из вас мечтает о Славной Школе ? (Николаевское кав. уч.). Ты что-ли ? смотрит он на Глебку. Я холодею, зная, что Глебка не изжил еще своей затаенной мечты - быть пожарным. Вдруг ляпнет ! Но Глебка надувает губы и неожиданно выпаливает -"Мерси !".

- То-то, смотри мне ! - грозит ему пальцем Корнет, в Школе вас всех приведут в христианскую веру ! Он что-то шепчет лакею и, через несколько минут, нам приносят целое блюдо пирожных.

- Лопайте, лопайте, сугубцы... объедайте бедного корнета - все равно он едет на поправку к предкам в деревню.

- Фастов, Киев - первый звонок. Поезд на втором пути.

И вот опять стучат колеса, мелькают уютные украинские станции, деревушки с чистыми белыми хатками и фруктовыми садиками.

В вагоне тишина. То справа, то слева видет диск заходящего солнца. На станциях, когда стихает грохот колес, стоит такая вечерняя тишина, что кажется слышны звуки за десять верст. Вот где-то далеко прогрохотала телега, далеко, далеко - и снова все стихло. Из открытого окна чуть тренькнул телеграф и опять - тишина, тишина.

Глебушка прикурнул носом в угол и заснул. Я выхожу на площадку вагона: как хорошо ! Какой мир и покой разлиты в засыпающей природе !

И мог ли я хоть на секунду подумать тогда, что этот край, родной мой край, населенный таким прекрасным, добрым и спокойным народом - станет для меня лишь далеким, далеким, дорогим воспоминанием, что только в редкие минуты изгнаннической жизни мелькнет в памяти белая хатка, цветущий садик, миловидная дивчина около, свисток паровоза в вечерних сумерках.

Мысленно целую каждую пядь твоей земли, моя далекая, прекрасная страна, моя Россия, моя Украйна.

ЗИМА.

Зима начинается в один из дней, когда, проснувшись, мы видим, что что-то кругом изменилось: в дортуаре стало как-то светлее, класс тоже стал какой-то новый, помолодевший, ясный. Это выпал первый снег. К вечеру он, правда, разстаивает, но через два дня начинает валить хлопьями и днем и ночью.

И,как все сразу меняется ! Полтавы не узнать ! Унылая и печальная, мокрая и грязная осенью, она вдруг, как в сказке, становится красавицей Снегурочкой из поэмы Островского: домики покрываются белоснежными шапочками, по первому снежку уже бойко и безшумно несутся извозчичьи санки с бубенцами,настроенными в терцию (очень характерная особенность полтавских извозчиков, тоже музыкальных хохлов).

Первый полтавский "лихач" - Байдала, проносится на своей паре "рысаков", когда мы выходим на утреннюю прогулку. Гуляем мы, как всегда, в одних мундирчиках, без всяких фуфаек и шарфов. Мороз уже основательно щиплет за нос и уши. На заборах - новые афиши гастролей Самойлова, украинского театра, ближе и ближе к Рождеству, т.е. к поездке домой, елке, родной семье.

Но уроки идут неумолимой чередой: педагоги перед праздниками, жмут еще сильнее, испещряя журналы двойками и тройками.

СТРАНИЧКА ПОЧТИ ИЗ ГОГОЛЯ.

Повесть о том, как поссорились Иван Францевич с Иваном Михайловичем.

Позволяю сначала, представить героев повести:

Иван Францевич Павловский, историк, автор исторических исследований (История Полтавы), гласный думы, мужчина большого роста, говорит басом, имеет собственный домик в Кабещанах - предместье Полтавы (нечто вроде Киевской Шулявки). Женат, имеет четырех детей, все девочки и все хорошенькие. Криклив, но добр до неприличия. Распустил кадет до предела. Прозвища: Солон, биндюжник (по русски: ломовой извозчик), кабещанец.

Иван Михайлович Морозов, толстяк, скрипач, дирижер кадетского струнного оркестра. Тугодум и глуповат. Прозвище: Бумага.

Дальнейшие детали в повести :

Среди кадет, от предъидущих поколений, к нам докатилось, что Иван Францевич и Иван Михайлович, давно уже находятся в непримиримой вражде. Кадетские "кумушки", а такие были, опираясь на прозвище Ивана Михайловича "бумага", выдумали глупейшую историю о том, что ссора между ними произошла из-за клочка газетной бумаги в известном месте.

Факт, однако, был на лицо: Иван Францевич и Иван Михайлович друг с другом не разговаривали. Кадетские пробные шары и попытки выяснить причину конфликта, неизменно терпели наудачу.

Легенда тлела.

Дружеский разговор с Иваном Францевичем:

I-ый кадет: "Иван Францевич ! Вы были вчера на домашнем концерте I-ой роты?" - И.Фр. - "Был".

2-ой кадет: "Не правда ли Иван Михайлович Морозов чудесно играл на скрипке ?" ("Бумага" был исключительно безталантным. Из года в год его оркестр играл одно и то-же попури из оперы Марта Флотова и вальс "Черная Роза". Сам он, выступая, неизменно пиликал французскую песенку "Ла Шасс", да и ту совсем плохо).

Ив. Фр. (корректно) -"Да, не плохо". - Голос фальшивого энтузиаста: - Нет, он играл гениально ! - Ив. Фр. (разозлясь): - "Ну, вы уж того ... ляпнули: гениально. Со словом гениально, нужно быть осторожным. Гениальные скрипачи на перечет: Паганини, Сарасате."

I-ый кад. (ехидно) - Значит, Вы хотите сказать, что Иван Михайлович бездарность ? - Ив. Фр. (еще более разозлясь): - "Ничего я не хочу сказать ! Не приписывайте моим словам, больше чем они значат. Да и вообще, довольно праздных разговоров. Приступим к уроку: в прошлый раз я вам изложил о всех шагах хитрого Миниха".

Разговор тухнет, истина остается невыясненной.

Дружеский разговор с Иваном Михайловичем.

I-ый кадет (фальшиво): - "Иван Михайлович ! Как мы всё-всетаки счастливы, что в стенах нашего корпуса, нам преподает историю, такой знаменитый историк, как Иван Францевич Павловский."

Ив. Мих. (довольно мрачно) "Чем же он особенно знаменит ?" 2-ой кад.: -"Он написал историю Полтавы". - Ив. Мих. (сдержанно): - "Я признаю его заслуги, но одной истории Полтавы мало, чтобы считаться знаменитым историком. Знаменитыми историками были Карамзин, Соловьев, вот теперь - Ключевский". - I-ый кад.: -"Значит, он по Вашему бездарность?" - Ив. Мих.: -"Не выдумывайте, пожалуйста того, чего я не говорил. Вообще ... прекратим разговоры, займемся делом. Найдите вальс "Черная Роза".

Разговор, как и в первом случае, тухнет.

Истина так и не выяснена.

Таинственная история с "бумагой", в конце концов была окончательно и бесповоротно выяснена, после того, как кадет 7-го класса Шереметьев (наш Лермонтов) не написал целую балладу.

Вот она во всей своей девственной прелести :

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Баллада

Был день осенний, монотонно
Шел дождь, я тоже шел туда,
Куда "пешком" традиционно
Цари ходили и князья.

А ты шел сзади. Шел надменно,
В руках газетой шелестя,
Шел ты, коварный, несомненно
Туда, куда же шел и я.

Вошли мы вместе, тихо, нежно
Тебе я молвил: "бон суар"
Но ты, главой кивнул небрежно,
Уткнувшись в белый писсуар.

Я помню ясно все детали,
Я помню жесты и слова,
Ты тоже их забыл едва-ли...
Картина была такова:

Ты, в вертикальной позитуре,
Я сел на "стуло" и тогда,
Когда я дань отдал натуре
Случилась грозная беда:

Я облегчался постепенно,
Но ужас... где бумагу взять ?
И я воззвал к тебе смиренно
Прося "Полтавский вестник" дать.

Ехида ! Ты лишь покривился
Моей мольбе простой не вняв,
И хлопнув дверью удалился,
Мотив веселый просвистав.

Ты отказал в клочке бумаги
Кому ? задай себе вопрос:
Тому, кто изучает "саги",
Кто - патриот и малоросс.

Меня увидеть в жалкой роли,
Скрипач, презренный, ты хотел..
Но я, своей железной волей
Коварству положил предел.

Не описать моих мучений.
Когда пришел я в 5-й класс:
Нет ни стихов и нет сравнений
Изобразить всю драму, да-с !

Бирона, Миниха измены
Я излагал, но я страдал
И лишь дождавшись "перемены",
Домой извозчика нанял.

Скрипач убогий и бездарный,
Вострепещи ! Уж мести план
Готов. Сразить врагов коварны
Павловский - педагог Иван.

О ! Если-бы Бетховен с Глинкой
Мой гнев воспели в этот час:
На фоне скрипок "под сурдинкой"
Взревел бы дико Контр-Бас.

Полтава 1906 год.

ПРАЗДНИК КОРПУСА, ПАРАД, БАЛ.

Начало зимы совпадало с двумя приятными событиями в нашей скучной жизни: корпусным праздником (6 -го декабря, день Св. Николая Чудотворца) и следовавшим за ним отпуском на Рождественские каникулы.

Подготовка к корпусному празднику началась уже давно. Она всё усиливалась по мере приближения праздника: закупались котильонные принадлежности, рисовались плакаты, эмблемы и значки для украшения зала, выбирались дирижеры танцев, шились банты для распорядителей, пышные и довольно дорогие.

Праздник начинался еще накануне и начинался довольно нелепым образом: с так называемого "ночного смотра".

В 12 часов ночи, 7-ой класс в парадных мундирах, но в туго натянутых кальсонах, украшенный аксельбантами из выдернутых лохмотьев швабры и картонными орденами, выстраивался в большой зале.

На правом фланге оркестр с трубами, не игравший на них, но завывавший дикими голосами какой-то импровизированный марш.

Принимал парад "майор", т.е. кадет, сидевший в каком-либо классе два года. Такой же майор командовал парадом. Если был - "трипль" (или триплет) майор, то все почести воздавались ему. При мне в 7-м классе был такой триплет-майор Валя Старынкевич, личность довольно замечательная и стоящая того, чтобы о ней сказать два слова.

Такая феноменальная тупица могла вырости и "процвести" только на благословенных палестинах "хохландии", где "все обильем дышет, где реки льются чище серебра".

С самых маленьких классов, совершенно героическими усилиями всех товарищей по классу, натаскивался бедный Валя на экзамены, на отдельные ответы, на письменные работы, но увы !... все было тщетно !...

Бедная Валина голова ничего не могла удержать в памяти. Интереснее всего то, что сам Валя горел дикой, неукротимой жаждой грызть "гранит науки" и к концу дня был похож на загнанную клячу. Учителя "добровольцы" (может быть они то и сыграли невольно ужасную роль, доведя Валю до полу-идиотизма), менялись ежедневно для того, чтобы вечером, в состоянии полного изнеможения, безнадежно махнув рукой, отказаться от дальнейших уроков.

Наконец, за Валю взялся "прославленный" педагог, ученик 7 класса Кравченко-Бельский, доведший Валю до того, что он почти перестал понимать человеческую речь, а сам, выбившийся из сил и "переутомившийся" Кравченко-Бельский, со 2-го ученика в классе слетел на I4-го.

Валя, конечно, так и не кончил корпуса. Он поступил в полицию, где, неожиданно, вѣроятно, и для него самого, начал делать блестящую карьеру.

Судьба столкнула меня с ним случайно, когда я был уже офицером. Подъезжая к Харьковскому оперному театру, я услыхал, знакомый с детства, козлиный тенорок, кричавший извозчикам:

- Проезжай ! Проезжай ! Не останавливайся!...

Я пригляделся: это был Валя, возмужавший, с пышными усами, весь продрогший на зимней стуже, но бравый и энергичный. Мы расцеловались, разговорились. Он былъ доволен своей судьбой:

- В будущем году получаю "базарный участок", - со стыдливой гордостью заявил он, - А там... недалеко и до пристава ! Я, ведь, все-таки с "образованием".

Но к театру подъезжали новые сани, я торопился не опоздать к началу спектакля. Валя засуетился, заорал опять:

- Проезжай, проезжай! Не останавливайся! - И мы расстались.

Вот этот самый Валя (триплет майор) и принимал парад. Он был одет в какую-то совершенно экзотическую форму, едва прикрывавшую его голое тело. Внесли его на кафедре, украшенной искусственными цветами. Перед ним, по четыре в ряд продефилировали семиклассники, под звуки исполняемого на губах марша. Валя сказал краткую речь о вреде наук (и как он только смог ее запомнить?) и тем торжество заканчивалось. Начальство смотрело на эту ночную кутерьму сквозь пальцы, она считалась "традицией".

Утро приносило совсем другое: вместо одного горниста или барабанщика-солдата, на лестнице под планом Полтавской битвы собирался, в установленный для подъема час, весь оркестр, который торжественно исполнял "утреннюю зарю". Оркестр проходил затем по всем дортуарам, где, конечно, никто уже на спал, и играл марши во всех ротах.

В то же утро, те семиклассники, которые были произведены в "вице-унтер офицеры" (а один в"вице-фельдфебеля") находили свои мундиры с золотыми нашивками. (Педагогический совет был уже накануне). До раннего утра никто еще не знал о производстве.

К утреннему чаю нам дают любимые "французские булки", а не ситный хлеб, как в обыкновенные дни. Все роты, после чая, переодеваются в парадные мундиры. В зале Иван Николаевич Ризенко уже спевается с хором, для "прочистки голосов".

В день нашего праздника, хор поет не на клиросе, а на очень высоких, под самым куполом церкви, хорах. Их два, с каждой стороны по одному. Певцы стараются превзойти самих себя; к этому дню они готовились давно, держа в секрете песнопения новой "Херувимской", "Отче наш", или "Достойно есть".

И, действительно, в этот день, то ли это особенная акустика хоров, то ли старание певцов, но хоры звучат стройно и торжественно, а Кима Сахновский, октавист, кумир первоклассников (славу кторого затмевает лишь музыкант-баритонист Кошуба из оркестра Севского полка), умудряется в этот день "пускать" октаву почти под стать октависту из архиерейского хора.

Как только кончается Богослужение, все разбегаются по дортуарам, чтобы приготовиться к параду. Музыканты разбирают инструменты, начищенные до блеска солнца. Первая рота одевает подсумки и разбирает ружья.

На парад собирается довольно много бывших кадет: тут и офицеры гарнизона Полтавы, и несколько приехавших юнкеров из Киевского и Елизаветградского училищ, и ряд помещиков-дворян, вылезших из своих медвежьих углов и натянувших на себя пахнущие нафталином дворянские мундиры, чуть ли не Екатерининских времен и Губернский Предводитель дворянства и много других лиц. В 1904 году в числе гостей был и викарный Епископ, бывший кадет.

Парад происходил в самой большой зале (дортуаре из которого вынесены кровати и который уже украшен к предстоящему балу).

Первыми прибывают в зал малыши, 4-я рота. Изо всех сил стараясь, они маршируют хоть и не очень стройно, но вдохновенно. Разбиты они на взводы и странно видеть на правом фланге взвода высоких офицеров воспитателей - бородачей в парадных мундирах, которым самый рослый из их воинов приходится им по пояс.

4-ый взвод, возглавляемый добродушнейшим пузачем Шт.-кап. Эмнихом (который своими размерами равняется минимум 4, 5-ти первоклассникам), вызывает даже некоторую сенсацию. Затянутые в мундирчики, с розовыми курносыми мордочками, на которых написан страх, благоговение и старательность, малыши, поистине, очаровательны. За 4-ой ротой прибывает 3-я, потом 2-я и, наконец, стройным маршем входит I-ая.

Как мы ею все гордимся !

Скосив глаза, все маленькие роты с явным восторгом смотрят на этих, почти уже взрослых юношей, марширующих с подсумками и настоящими ружьями.

Гремит "Преображенский марш", выносится старенькое корпусное знамя. Знамя несет всегда один из самых стройных и видных собой, кадет 7-го класса (один из только-что произведенных вице-унтер-офицеров). Ассистентами у знамени два офицера-воспитателя.

Перед началом парада директор корпуса командует:
- Старые кадеты! Под старое корпусное знамя.. Шагом... марш!
И тут всегда происходила трогательная и несколько комическая сцена: растолстевшие помещики, давно забывшие, в своих Кобеляках и Сорочинцах, о маршировке, должны были формировать два или три взвода. Старший, из бывших кадет - ими командовал. Несколько сконфуженный, он раставлял их по рядам по росту, и пыхтя, приводил в порядок эту разношерстную публику.

Раздавалась обычная команда:
- К церемониальному маршу ! По взводно ! На взводную дистанцию... Первый взвод...
Старенький отставной генерал или бывший помещик, выходил перед своим бравым взводом и доканчивал команду:
... Первый взвод ! Равнение направо! Шагом... марш !

Гремит Суворовский марш. Подтянув животы, приняв насколько можно воинственный вид, "помещичий взвод", не особенно равняясь, а часто и теряя ногу, первым проходит перед Директором.
За ним, стройно отбивая ногу, безукоризненным шагом проходит I-ая рота, за ней 2-ая и 3-я и, наконец, самая старательная 4-я, кричащая уже совсем детскими голосками: - "Рады стараться, Ваше Превосходительство !"

В один из годов (не могу точно вспомнить I904 или I905) старшим из бывших кадет оказался викарный Епископ. Ему предложили до парада, стоять рядом с директором, но он ответил:
- Нет !... Нет! ... традиция - есть традиция. Буду командовать взводом. Апостол Павел ведь тоже был воином !
И он с блеском и щеголеватьстью, удивившей всех присутствующих, выстроил свой взвод и великолепно промаршировал перед директором.

За обедом, наши же музыканты-кадеты играли для "слуха" незамысловатые песни, вальсы и попури. Обед был не такой, конечно, как на станции Казатин, но, по корпусным масштабам, роскошный: по полбутылки "Кочубеевского меда", бульон с пирожками, отбивная котлета, пирожное и по пакету дешевеньких конфект. Одновременно, в портретном зале, происходил парадный обед для всех приглашенных гостей, главным образом, особенно почетных.
Музыканты за свое искусство получали по лишнему пакету конфект. Оттрубив свои незатейливые "симфонии", они обедали уже позже всех. Сидели они важно с видом Рубинштейнов, отягощенных славой и давшим концерт, по меньшей мере, в Московском Дворянском собрании перед тысячной толпой.

Всё "после обеда" посвящалось окончательной отделке и уборке двух зал к предстоящему балу. Бал был кульминационным пунктом этого торжественного дня. Почему то над украшением зала и превращением классов в уютные гостинные, трудились всегда нетанцующие кадеты. Была всегда такая группа: их называли "биндюжниками" (по украински: ломовые извозчики), которая с увлечением бралась за самую трудную, неблагодарную работу: таскать кровати, доски, эстраду для музыкантов, делать на кухне лимонад, расставлять цветы; и все это для того только, чтобы вечером скромно стоять у стенки или в углу и любоваться каким-либо ловким семиклассником, который все время "после обеда" провалялся в кровати и, часам к шести, продрав глаза, лениво и снисходительно выползает полюбоваться сделанными работами.

- Недурно ! Недурно ! Спасибо ребята... Передайте, пожалуйста, от меня просьбу эконому: выдать вам по чарке водки !

И, довольный своим остроумием, он величественно следует в класс, где над каким-то шкапом пыхтят и трудятся бедные "биндюжники".

Франты уже запаслись флакончиками духов. В моде, помню, был какой-то Опопонакс, доставляемый нам мальчишкой-парихмахером Сенькой. Идет война с прическами: в корпусе разрешалась только одна прическа "бобрик", и, что это было за мученье, привести непокорные вихры в вертикальное положение. От жестких щеток краснели лбы, фиксатуар изводился тоннами. Малыши этих горестей не знали - их без стесненья всех стригли "под третий номер", т.е. по-просту говоря, на голо.

В самом большом зале, где происходил главный бал, разрешалось танцевать только приглашенным гостям и кадетам 6-го и 7-го классов. Все низшие классы танцевали в меньшем - "портретном".

В большом зале играл оркестр Севского полка со знаменитым на всю Полтаву баритонистом Кошубой. В меньшем - оркестр казачьего полка.

Малыши, подавленные великолепием зала, блестящим светским обществом, запахом духов, обыкновенно робко жались по углам и пытались делать такие-же робкие набеги на киоски с лимонадом и "оршадом", откуда их бедных с треском и позором изгоняли старшие кадеты, заведывавшие киосками.

До сих пор не могу сообразить, что это за таинственный напиток был знаменитый "оршад", изготовлявшийся по рецепту нашего эконома. Помню, что был он белого цвета и довольно вкусный.

Но вот приближается время бала. Прибывают музыканты: казаки приносят с собой приятный запах лошадиного пота. В большом зале Кошуба окружен восторженными поклонниками I и 2-го классов.

- Пожалуйста, Кошуба ! Когда будете играть мазурку - сыграйте "Голубку"... Пожалуйста ! А вальс "Лесную сказку" ! В мазурке "Голубка" и в вальсе "Лесная сказка", в третьей части, в так называемом трио, кларнеты и флейты делают замысловатые вариации, на фоне которых баритон ведет плавную мелодию.

И, как только, во время бала, раздаются звуки "Голубки" или "Лесной сказки", толпа поклонников Кошубы, сломя голову, несется

к оркестру и благоговейно располагается возле него. Кошуба, распустив свои тарасбульбовские усы (он вольнонаемный музыкант и у него три нашивки на погонах), с высоты своего величия косится на своих поклонников, и, когда дело доходит до трио, безподобно "бархатные" звуки вылетают из его трубы и наполняют зал. Малыши, после мазурки, пытаются даже устроить Кошубе что-то вроде овации. Слышны тоненькие голоса: "Браво, Кошуба ! Бис...", но овация быстро прекращается вмешательством воспитателя, и малыши изгоняются из оркестра. Но и разбегаясь, они еще долго и восторженно шепчут друг-другу: "О, Кошуба... это... да !"

Время движется. Скоро 8 часов и начинают приезжать первые приглашенные. Озабоченные, взволнованные распорядители с бантами на левом плече, носятся довольно бестолково по разным направлениям. К ним теперь не подступись ! Еще бы ! Они делают чуть ли не государственное дело: встречают гостей. Все барышни при встрече получают букетики цветов и значек корпуса. Это все наши полтавские: Галочки, Ксаны, Аленушки, принарядившиеся только в цветные платьица. Они так же взволнованы, как и мы !

Особенно почетных гостей встречают Воспитатели, а иногда и сам Директор. Приезжают: Предводитель дворянства - Абаза, с двумя дочерьми, с целым выводком девиц является Иван Францевич Павловский. Его дочери на балах успеха не имеют: еще-бы: дочери Солона, кабешанца, героя баллады с "бумагой" ! А жаль ! Потому что дочери его настоящие красотки, одна лучше другой, а две старшие, которым в мое время было 16 и 17 лет, впоследствии были всеми признанные полтавские красавицы.

Танцы начинаются и идут строго по вывешенному расписанию, число танцующих все увеличивается по мере приближения к его кульминационному пункту - котильону. И чего только не бывало во время котильона ?!

Каждый выпуск старался превзойти один другого и придумать что-либо оригинальное: выезжали русские тройки, запряженные третьеклассниками, с лихим кучером на облучке и с боярышней в санках. Разносились картонные щиты с сердцами, затянутыми папиросной бумагой. Барышни копьями протыкали сердца, на обратной стороне которых были фамилии танцоров. Длинными удочками ловили скрывавшихся за ширмой кавалеров. Дрались на дуэли (на рапирах и в масках) из-за прекрасной дамы, восседавшей на стуле посреди зала и ждавшей конца безкровного поединка. Чего только не придумывали молодые, изобретательные головы !

В разгаре бала появлялись, выражаясь по современному, "ведетты". Их было три. Почему они имели такой успех, совершенно непонятно. Наденька Скворцова была не такая уже и молоденькая, особенно для кадет-кавалеров, да и была некрасива к тому-же, но брала, повидимому, тем, что в уголках угощала кадет папиросками и сама тоже покуривала. Мастерица была выпить, жила в Полтаве без родных. Что она делала в этой местности, покрыто мраком неизвестности ! Часто носилась по Полтаве на лихаче Байдале.

Другая, Шурочка Нагродская, разыгрывала с кадетами роль "камрада": звала их по именам и на ты, говорила грубым мужским голосом, ругалась иногда такими отборными словами, что вгоняла в краску отчаянных ругателей кадет.

Но всеми признанной и бесспорной королевой бала, многие годы была Анна Михайловна (Анечка) Акинфиева. Была она замужем за офицером Елецкого полка. Об ее королевском первенстве никто даже не спорил. Одевалась она по тем временам довольно свободно, но держала себя, поистине, с королевским достоинством: величественно кивала головой, слегка прищуриваясь (носила лорнет). Была она высокая, худощавая, стройная, изумительно вальсировала, была белокура с удивительно нежным цветом кожи.

Неудивительно, что Анечкиными кавалерами были самые ловкие и бойкие танцоры, но удивительно, почему около Скворцовой всегда толпились поклонники, считавшие за честь протанцевать с ней вальс или мазурку, в то время, как милые и по настоящему хорошенькие барышни, например те-же Павловские, сидели без кавалеров и мало танцевали.

Бал кончался в 2 часа ночи. Весь последующий день "биндюжники" растаскивали по местам кровати, парты, столы, цветы и пр. Благородные кавалеры и танцоры отдыхали от пережитых "эмоций". Разговоры и пересуды о бале шли до самого Рождества.

КАК ПРИЯТНО БЫТЬ БОЛЬНЫМ.

Большой радостью для кадет, как это не покажется странным, была болезнь. Не какая-нибудь страшная: скарлатина, дифтерит или что-либо подобное, но так что-нибудь вроде лихорадки, инфлюенции (тогда еще не было в ходу слово грипп) - так дней на 8-9.

Какое блаженство, попав в лазарет, скинуть бушлат, брюки и сапоги и, получив взамен их халат и пантуфли, залезть в кровать в маленькой, уютной "палате", где уже нежатся два шестиклассника и два малыша из 4-й роты.

И это все население лазарета !

Начальства, кроме классного фельдшера, никакого ! Утром - обход врачей: сначала младшего, потом старшего, и целый день делай, что хочешь. Читай "Задушевное Слово", Майн-Рида, Жюль Верна, а хочешь, спи хоть целый день, вставай только во-время к обеду, чаю и ужину. И самое главное: никаких воспитателей, сигналов, уроков. Придется потом, конечно, все наверстать, но это потом, потом... а пока нирванна, блаженство !

По вечерам тихие "задушевные" беседы, при участии фельдшера, маленькие зеленые лампочки на столиках, тишина, покой. Чай со вкусными, не такими, как в ротах, булочками и искреннее огорчение, когда термометр показывает 36,2.

Расплата за "миг блаженства" наступает сразу-же по возвращении в роту: по алгебре и геометрии ушли вперед, нужно сдать сочинение по русскому языку и по истории. Другими словами нужно догнать класс. Эх ! Эх !...

В Е С Н А .

Картинки. (Краткие).

Маленькая жизнь маленького городка течет своим чередом, невидимая для нас, сидящих в четырех стенах. Но кой-какие события докатываются и до нас, через воспитателей и отпускных кадет.

Мы узнаем, что в Полтаве открылась новая гимназия, дворянская, и сразу семь классов. "Дворяне" носят черные шинели и фуражки с красными околышами. Кажется, и козыряют по-военному. Доходят слухи, что они собираются перещеголять кадет, "утереть им нос". В свою очередь взволновался и наш 7-й класс и решил будто-бы, "поставить дворян на точку". Что это значит и как будет происходить - неизвестно.

Первая встреча с "Дворянами" прозошла на вечеринке у Акинфьевых. Результат оказался самый неожиданный ! Дворяне оказались такими милыми ребятами, что сразу отпало всякое желание "ставить их на точку", а, наоборот, в этот день завязалась такая дружба, которая продолжалась потом много лет и, пожалуй, затмила нашу традиционную дружбу с реалистами.

Ходил в 4-ю роту навестить Глебку. Застал такую картину: мальчишка 2-го класса стоит с пакетом конфект. Перед ним целая очередь малышей, выстроившаяся в затылок. Каждому подходящему он отвешивает увесистую плюху и за это награждает конфектой. Стоит в очереди и Глебка.

Я, как разъяренный тигр, налетаю на владельца конфект: - Мерзавец! Сукин сын! - ору я, награждаю его тумаками. Конфекты разлетаются по полу. Подвернувшийся Глебка получает сгоряча пощечину и, растягивая рот до ушей, ревет благим матом.

- Как тебе не стыдно ? Ведь у тебя есть деньги у воспитателя ! Ты сам себе можешь купить конфект ! Да и какое безобразие, лупить своих же товарищей по морде ! Больших доказательств аморальности поступка дрянного мальчишки у меня нет. - Да, печально бормочет Глебка, но ведь это были "раковые шейки" и какие еще, Поковские. Харьковская фабрика Пока славилась на всю Россию своими шеколадными конфектами.

Ворскла разлилась сразу после ледохода. Понемногу начинает припекать солнце, снег на улицах стаял, исчезли санки с бубенцами и по обнаженным булыжникам затарахтели извозчичьи пролетки.

В этом, 1902-м, году увидели в первый раз кинематограф. Демонстрировался он в зале коммерческого собрания. Показывали фильмы Люмьера: "Приход поезда на станцию", "Поливальщик улиц", "Пьяный извозчик". Чудо ! Восторг !

КАЮЩИЕСЯ ГРЕШНИКИ.

Идет 4-ая неделя Великого поста: говеют 3-я и 4-я роты. Ими уже приготовлено трио: "Да исправится молитва моя". По средам и пятницам едим постную пищу, какие то ужасные "шуляки" (ломаные коржи с белой водичкой) и картофельные котлеты. На утренней молитве поем трижды "Кресту Твоему поклоняемся, Владыко" и трижды опускаемся на колени.

Перед исповедью, пишем на записочках список "грехов", в которых должны покаяться и тут-же кощунственно на подаваемых просфорах пишем: о здравии - "биндюжника Солона", "балды Люсина", раба Божьего "пьянчуги Зданкевича" и пр. Все равно, мол, дьякон со слепу, да и за множеством просфор не разберет !

Дни все ясней и солнечней ! По утрам на лужицах еще тоненькие корочки льда, которые так приятно разбивать каблуком, но по всему видно уже, что весна прочно вцепилась в свои права. Приближается Страстная неделя и Пасха.

Нас с Глебушкой на Пасху не берут домой. Дорого и далеко, но большинство кадет, живущих главным образом в Полтавской губернии или поблизости, готовится к отъезду. Остается из всех классов человек 40-50. Всех нас сводят в одну роту и помещают в один дортуар. Это уже необычно и потому приятно.

Там, где звучали раньше тенора и неокрепшие баски - раздаются тоненькие голоса малышей из 4-ой роты. Своей молодостью, наивностью и малолетством они невольно возбуждают нежность старших. Их балуют и ласкают старшие, ведь это они сами 5-6 лет назад.

Уроков нет, но зато церковные службы по два раза в день. В промежутках ходим гулять по расцветающей, как молодая красавица, Полтаве. Она благоухает уже расцветающей акацией, улицы постепенно превращаются в сады, в Круглом саду открываются летние будочки, торгующие квасом "Фиалкой", пивом и незамысловатыми сладостями.

Круглый сад Полтавы, это площадь Этуаль в Париже. Он него расходятся во все стороны главные улицы: Александровская, Мало-Петровская (интересно то, что Большой Петровской улицы нет вовсе), Сенная, Кобелякская и пр.

Вокруг сада сосредоточены почти все казенные учреждения: дом Губернатора, корпус, женская гимназия, Окружный Суд, полицейское управление и пр., и пр. Невольно вспоминаются слова Чеховскаого героя: "Тут и юстиция, тут и милиция, тут и полиция, одним словом "Институт благородных девиц"!

А к настоящему Институту Благородных Девиц ведет широкая, густо засаженная липами Институтская аллея, больше похожая на сад, чем на улицу. У самого института, большие чугунные ворота, всегда запертые, за ними большой двор и, в глубине, длинное здание с большой надписью золотыми буквами.

Мы симпатизируем институткам: ведь это почти девичий кадетский корпус. Но мы их видим редко... редко... только на балах: корпусном и институтском (да и то, только одних, так называемых пепиньерок), поэтому наши увлечения и дружба тянутся к гимназисткам. Гуляем (т.е. нас водят гулять парами) около института часто, смотрим на окна, в которых мелькают силуэты, а кто это и разобрать нельзя: то ли миленькая институтка, то-ли классная дама, то-ли просто сторож-ламповщик. На всякий случай помахиваем руками в виде салюта.

Регент нашего кадетскаого хора Иван Николаевич Ризенко (по кадетски Ванько) в отчаяньи: почти все хористы уехали на каникулы,и сложных песнопений Страстной седмицы петь некому.

Набранные из числа оставшихся в корпусе с бору да с сосенки мальчуганы в числе 10-ти, два раза в день собираются, чтобы одолеть "Вечери Твоея", "Да молчит всякая плоть", "Волною морскою", все то, что поется один раз в году, чтобы потом быть забытым на целый год.

"Что делать ? Что делать? - ерошит на себе волосы Ванько. - Это катастрофа ! Он делает почему то ударение на втором А - катАстрофа.

КатАстрофа предотвращается неожиданной помощью трех любителей пения: физика П.Г. Люсина, учителя чистописания Здanкевича и географа. Кое-как дело налаживается, потому что педагоги больше "любители", чем по-настоящему певцы. Плавают не меньше нашего. Зато веселые песнопения Заутрени идут довольно бойко. Спевки происходят теперь в пустой учительской комнате. Окна открыты настеж, сквозь них пробивается веселый и не очень большой шум города, и с какой-то особенной детской радостью осязаются вливаюшиеся в комнату теплые порывы ветерка, запах акаций, звуки тарахтящей где-то пролетки.

Все это смешивается, вдабавок, с запахом сигары, которым прокурил насквозь всю учительскую комнату француз Жаке, и которого нельзя выветрить никакими зефирами.

Кончаем репетицию и сразу на прогулку.

Подальше ! Подальше ! К Институтской роще, на Харьково-Николаевский вокзал, к домику Котляревского, к онастырю на берегу Ворсклы. За три часа прогулки, наглотавшись свежего воздуха, усталые, но возбужденные, возвращаемся в корпус.

И сразу - наша милая церковь, тихий голос "бати" Исаенко, возгласы дьякона, воображающего себя знаменитым басом и "бум-бум" нашего псаломщика Соловья. Духовенство в черных ризах, служба идет негромко, часто становимся на колени при чтении молитвы Ефрема Сирина: "Господи и Владыко живота моего..."

О, никогда и нигде за всю мою жизнь не приходилось мне с таким напряжением, с таким ожиданием, ждать разрешения этих грустно-радостных дней, как в те детские годы.

Когда после тихо-печальных служб в темных ризах, длинных чтений и особенно после чтений Деяний (ученики 7 класса), ночью в темной церкви перед Плащаницей в полном одиночестве, когда все спят и когда только тоненькая свечка озаряет тусклым светом Плащаницу и текст Деяний, и когда даже с несколько жутким чувством глаза бегают по священным строкам, и, вдруг... все разрешается великолепным ночным Богослужением.

Зажигаются все церковные люстры, духовенство сияет блестящими светлыми ризами, одетые в парадные мундиры офицеры и их семьи в белых платьях с цветами в руках, наполняют церковь. Окна раскрыты, летняя ночь благоухает запахом степных трав, распускающейся акацией, и как это все гармонирует с радостно ликующим тропарем:

Христос Воскресе из мертвых,
Смертию смерть поправ...

После Заутрени всегда был перерыв. Уже похристосовавшись, мы (певчие) спускались в столову, где нам, по обычаю, давали гоголь-моголь и где уже шли приготовления столов к нашим розговенам: 2 яйца, кусок ветчины, по куску кулича и сырной пасхи.

Быстро проходит Литургия, еще быстрее наши скромные розговены, и через четверть часа наш дортуар погружается в сладкий сон.

До возвращения с каникул еще неделя. И какая неделя !

Сияющие солнцем полтавские дни, благоухающие улицы, веселая праздничная южная толпа, вечеринки у Акинфьевых. Теперь уже наши

прогулки не прерываются возвращением в корпус к Богослужениям, и мы целые дни проводим на воздухе, разгуливая по Полтаве.

На одной из прогулок произошло маленькое событие, которое на современном языке можно назвать "уличными безпорядками": сводная рота, шествуя на прогулку по Александровской улице встретила на перекрестке сестру красавицы Анички Акинфьевой - Шурочку. Она была не так красива, как ее сестра, но была миловидна и всегда весела.

Шедшие во главе старшие кадеты загородили ей дорогу и с энтузиазмом закричали: "Христос Воскресе, Шурочка !" - "Воистину Воскресе !" - ответила она и облобызалась с первыми тремя. Но, когда она увидела, что на нее надвигается с криком и смехом целая рота, с намерением ее облобызать и безсилие воспитателей остановить мощный порыв, она дико и испугано взвизгнула и подхватив юбки, легкой серной пустилась наутек.

Прощай, прощай, далекое невозвратное детство. Прощай Корпус, Круглый сад, вся та прелесть раскрывающейся жизни, на которую смотришь наивными детскими глазами.

Никогда не увидать нам родных полей, рощ, милых садиков, белых хаток. Не испытать того старого, наивного уклада жизни, неторопливого и беззлобного. И, как не поблагодарить судьбу, позволившую сохранить в памяти этот дорогой утонувший мир.

П. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО (вып. 1906 года).

Военная Быль (1958/59 годы). №№ 32,33,34,35,36,37 и 38.
Издание Обще-Кадетского Объединения.

К О Б Ы Л И Н С К И Й

ПОЛТАВСКИЕ ТОРЖЕСТВА 1909 ГОДА

Полтавские торжества, как известно, состоялись 27 июня 1909 года.

Писавши воспоминания о корпусе, я только вскользь упомянул, что Государь Императора НИКОЛАЙ II снимался в общей группе с кадетами Полтавского корпуса. (Эта группа имеется в комнате Обще-Кадетского Объединения в Париже).

Дело в том, что Государь не приезжал специально видеть кадетский корпус, а приехал на торжества по случаю 200-летия Полтавской победы и для принятия парада войсковых частей, участников боя со шведами.

Парад должен был состояться на месте бывших боев.

Государь остался жить в Царскомъ поезде недалеко от места парада, где Его охранять было, конечно, легче, чем где-бы то ни было в Полтаве, где всегда был несколько революционный "душек" и жили несколько поднадзорных революционеров.

Например, на нашей Троицкой улице жил писатель Короленко, человек далеко не монархического образа мыслей и еще какой-то

Коваленко. Кроме того было много неблагонадежных людей, главным образом в Губернском Земстве.

К Царскому приезду городу был сделан "туалет", т.е. провели по главным улицам электрическое освещение, до этого было лишь спиртовое и керосино-калильное. Поправили мостовые и даже перестроили Куракинскую улицу от аптеки на углу до Сенной площади в сторону Киевского вокзала. Половина Троицкой улицы от церкви до Константиновской улицы была замощена. В городе было возведено два памятника: эти памятники открывал Государь и по этому поводу, конечно, был парад.

На поле битвы, на местах знаменитых "Петровских редутов", были поставлены обелиски с надписями и названиями редутов. В общем параде войсковых частей участвовала I-ая рота корпуса.

Я на этот парад не попал, а стоял в шпалерах при выходе из церкви, на так называемых "Шведских могилах", где, конечно, были похоронены не шведы, а русские воины, павшие в бою. Могилы шведов, павших в сражении, находились несколько в стороне. По преданию, сам Петр участвовал в постройке первой деревянной часовенки на месте погребения павших воинов.
На фотографии, снятой во время выхода Государя из церкви, на первом плане были Великие Князья, а потом Государь.
Часть нашей шпалеры засняли: Подполк. Чемезов и кадет Фролов. Эта фотография есть в моей коллекции открыток, как и группа кадет с Государем на плацу.

Государю было благоугодно утвердить за кадетами нашего корпуса право на ношение юбилейной медали: светло-бронзовая на Андреевской ленте. Это была наша первая декорация на военной службе. Потом я получил еще вторую юбилейную медаль в память 300-летия дома РОМАНОВЫХ, к которому, судя по родословному древу, хранившемуся у моей тетки в Москве, принадлежали и мы Кобылинские, считающие того же КАМБИЛА своим предком.

После знаменитого парада на поле боя, был прием Государем делегаций города Полтавы, куда привезли Государя на тройке. Затем был сервирован завтрак в стенах корпуса, так как в городе не было более подходящего и обширного для этого обеда помещения.
Все кадеты-Полтавцы помнят, что наша корпусная кухня была внизу у столовой под сводами и не очень блистала красотой; поэтому в бель-этаже корпуса, другими словами в дортуаре, где мы обыкновенно парадировали 6-го декабря, и напротив него, со двора, была устроена столовая, где собственно и был на завтраке Государь, а в дортуаре были столы для приглашенных особ I-го и 2-го классов.
На этот завтрак приглашен был и мой отец, так как он был уже отставным генералом. Мой отец был разочарован, т.к. Государь был сильно утомлен всеми церемониями и, вопреки обычаю, приглашенных не обходил.

Так вот, для этого высокого обеда, со двора вдоль стены из нижней кухни была сделана деревянная лестница, по которой проносились к завтраку блюда под колпаками, а уже чины гофмаршальской части принимали их и разносили по столам и за Царский стол.

Не помню меню, но вин было много. Часть гостей подвыпила и вела себя довольно шумно, что страшно возмутило моего отца.

На параде были устроены трибуны для публики; на этихъ трибунах видела весь парад и моя мать.

Наш знаменитый преподаватель истории Иван Францевич Павловский издал книгу о "Полтавской битве", которую удостоился лично поднести Государю, и наверное получил какую-либо награду.

Вот и всё, что я хотел добавить к моим воспоминаниям о приезде Государя в Полтаву. Разве добавлю еще два слова о глазах Государя: таких грустных и не забываемых. По легенде-преданию, Ему, от Преподобного Серафима Саровского, была известна Его грядущая судьба...

О наших чувствах преклонения, почитания Государя писать не приходится. Мы его обожали, как Царя и Вождя Российской армии.

Вечером 27-го июня городом был устроен грандиозный и богатый фейерверк. Я, конечно, бегал его смотреть. Была замечательно сконструирована огненная фигура Императора Петра на коне и, конечно, много всяких пиротехнических затей.

К О Б Ы Л И Н С К И Й

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ.

Из письма к сестре ОЛЬГЕ КОНСТАНТИНОВНЕ, Королеве Эллинов, от II Мая I900 г.

("Военная Быль" № 5, Апрель I953 г., стр. 6).

... "В Полтаве особенно сильно проявилась привязанность кадет, верно от того, что туда попал 6-го в Субботу, а так на другой день был тоже праздник, то мне нужно было остаться и на третий день, чтобы видеть занятия.

За эти три дня мы с кадетами успели сильно привыкнуть друг к другу.

В свободное время, они положительно меня осаждали, выпрашивая у меня окурки, таскали спички, носовые платки и т.п. Я же, в свою очередь, благодаря хорошей памяти на имена и лица, очень многих успел узнать и запомнить.

Был в Полтаве бедный маленький Дехтерев I3-ти лет, которому прошлой осенью, пришлось отнять ногу выше колена, чтобы спасти его от туберкулеза. Когда я услыхал его рассказ о том, как, после ампутации, он узнал о своем несчастии и заплакал, меня самого чуть слеза не прошибла и я поцеловал маленького, который теперь преловко ходит с помощью деревяшки. С тех пор убогий мальчик ходит за мной, как тень.

Трогательно видеть, как другие дети, не только взрослые, но и маленькие, его оберегают, поддерживают, в толпе смотрят, чтобы его не ушибли.

Сегодня в 6 часов утра был на подъеме кадет, теперь иду

на уроки. После обеда еду в Орел, оттуда в Полоцк, а там в Вильно, Псков и домой."

Полковник ШЕРЕМЕТЬЕВ М.Н. (вып. 1905 г.)
"Военная быль" № 10, 1954 года.

Мне шел двенадцатый год. Стало-быть давно это было. Я учился во втором классе корпуса. Год тек своим порядком, без особых происшествий и только к весне совершилось большое событие: было объявлено о назначении Великаго Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА Начальником Военно-Учебных Заведений.

Приказ читался перед завтраком, по приходе из церкви, потому что в тот день был большой праздник, Благовещение.

Помню, что ни я, ни кто-либо из моих товарищей, не придали особого значения этому приказу. Мы были еще малы и нам не вполне было ясно, что значит "Главный Начальник Военно-Учебных Заведений". Нашего Директора нам было вполне достаточно, а что дальше него, то уже было что-то не свое. А потому о приказе скоро забыли.

Но не прошло и месяца, как из Петербурга каждому классу прислали портреты Великого Князя с его собственной надписью какому классу портрет предназначается. Это показывало внимание, а потому и произвело большое впечатление, большее чем недавний приказ. Нас, построили и каждому классу выдали по портрету, уже в раме и под стеклом. Портрет принимали "старшие" в классах. У нас старшим был Глоба-Михайловский. Он хорошо учился, хорошо себя вел и во всех торжественных случаях играл первую роль.

На портрете Великий Князь был в парадной генеральской форме, при всех орденах.

Василий Алексеевич, наш воспитатель, обратил наше внимание на орден Св. Андрея Первозванного: лента, звезда, крест и особая нагрудная цепь. Это был высший орден Империи, учрежденный Петром Великим. Василий Алексеевич добавил, что Великий Князь пишет хорошие стихи, но в сравнении с лентой и звездой - это показалось нам мало значительным.

Прошло еще несколько дней и вдруг разнеслась неожиданная весть: Великий Князь предпринимает объезд южных корпусов и в Мае будет у нас.

Немедленно весь корпус, снизу доверху, начал чиститься, скоблиться и мыться. У нас и так всё было достаточно хорошо, но теперь всё должно было стать еще лучше, светлее и торжественнее.

Нас одевали во все новое. Все свободное время уходило на примерки и пригонки, и чем ближе надвигался день приезда, тем тревожно-радостнее и приподнятее становилось настроение.

Мы уже знали, что такое "главный начальник". Он вошел в нашу жизнь, наше сознание, он весь наш обиход сделал другим, не буднично-серым, а ярким и праздничным.

Со времени АЛЕКСАНДРА II-го у нас не было Высоких Гостей. Теперь же ожидался не только Великий Князь, дядя Царствующего

Императора, но и наш Августейший Начальник. Момент безусловно был исторический и к нему готовились с чрезвычайным усердием.

Мы даже начали, наконец, интересоваться стихами, и Василий Алексеевич, прийдя, однажды, с маленькой книжкой, прочел нам:

" Растворил я окно, стало душно не в мочь,
" Опустился пред ним на колени.
" И в лицо мне пахнула весенняя ночь
" Благовонным дыханьем сирени...".

Помню, даже нам, мальчишкам, показалось это красивым. Воспитатель добавил, что Великий Князь пишет стихи под инициалами "К.Р.".

Но наши основные желания направлялись не к этому. Нас больше интересовал "Великий Князь", свита, парад, Андреевская лента... Интересовала, кроме того, и самая историчность события. Историчность заключалась в том, что последним Главным Начальником корпусов, из лиц Императорской Фамилии, был Вел. Князь Михаил Павлович, сын Императора Павла. В корпусе был его бронзовый бюст с крупной надписью в одно слово: "Благодетелю".

Такие названия, как Благодетель, Радетель, Старатель были в духе того отдаленного времени. О "Благодетеле" среди нас ходили самые жуткие легенды. Все виды наказаний, порка, отдача в какие-то кантонисты... И, как это ни странно, мы эти легенды любили, к ним нас влекло, их всячески разукрашивали. К тому-же "Благодетель" имел трудно произносимое звание Генерал-Фельдцейхмейстера всей Российской артиллерии.

Как артиллерист, он получил в подарок те пушки, из которых стреляли по "декабристам" на Сенатской площади. Он их поставил на крыльцо своего дворца.

Наш корпус он посетил однажды, о чем свидетельствовала пожелтевшая мраморная доска в главном зале. А, кроме того, в музее хранилось кресло, на котором сидел Великий Князь. Протого вида, обитое красной кожей, оно хорошо сохранилось, и многих из нас влекло посидеть на нем. Но это было невозможно.

И вот теперь, на наших глазах, история повторяется: Начальником у нас опять Великий Князь.

Конечно, времена уже не те, но, все-таки, в этом назначении чудился отзвук далеких лет, на которые время наложило свою романтику (ведь была не только порка) и воскресило угасшие традиции былых, лучших, более ярких эпох. Но если-бы даже опять порка и шпицрутены - то мы, пожалуй, согласны и на это.

И, вот с этим настроением, как то не вязались слова:

"Растворил я окно, - стало душно не в мочь
"Опустился пред ним на колени..."

Великий Князь ожидался 6 мая. Он действительно прибыл в этот день к полдню. Это был день рождения Государя Императора. В церкви была торжественная служба. Мы в новых парадных мундирах. Масса публики. Особенное значение приобретают слова в молитвах и возгласах, в которых упоминается имя Великого Князя.

Он сам уже едет к нам, Он сам уже где-то близко. Директор и еще некоторые лица вышли из церкви до окончания службы. Ясно - поехали встречать.

Для Великого Князя был нанят один из лучших извозчиков, Байдала. Были еще две фамилии, также известные в этом миру: Петлюра и Пупко. Выбор остановился, однако, на Байдале.

Программа встречи была такая: Великий Князь, по прибытии сейчас-же обойдет все роты, здороваясь и знакомясь с кадетами, в их помещениях. Попутно, представление городских властей и высших воинских чинов. Затем, общий завтрак.

Вопрос осложнялся нами, младшими, четвертой роты. У нас были хорошие классы, но очень плохой, полутемный коридор. Наш зал, маленький, сводчатый, с окнами на дровяной двор, тоже не подходил для приема Высокого Гостя. Поэтому, было решено, что мы представимся в коридоре среднего этажа, возле столовой. Большой, светлый, широкий, с отличным паркетом - это был лучший коридор во всем корпусе. Мы должны были сначала спрятаться в нашем помещении; как только Великий Князь пройдет к старшим, нам сейчас-же перейти наверх, в названный коридор.

Согласно этому плану, мы, по окончании церковной службы, ушли к себе и оставались в томительном ожидании. Было строжайше воспрещено подходить к окнам на улицу, но некоторые, все-таки, заглянули и передали, что перед корпусом масса народа и полиции. Донесшиеся скоро с улицы крики "ура" известили нас о прибытии Князя.

Построились, без команды, в одну минуту. Ротный командир начал делать последние указания: не выглядывать из строя, не оборачиваться, стоять смирно, на вопросы отвечать кратко, ясно, ни в коем случае не задавать вопросов самим...

Появившийся, в этот момент, на пороге, один из старших кадет, звонко доложил Ротному командиру: "Господин Полковник, четвертой роте на верх".

Мы, разумеется, никогда еще не ходили в таком идеальном порядке, как в тот раз. А, по пути, как нарочно, встречались препятствия. При повороте на главную лестницу, нас чуть не сбила с ног группа старших кадет, они быстрым шагом несли из музея кресло "Благодетеля". Затем на площадке, новое препятствие - губернатор и архиерей. Губернатор в ленте, в звездах, с золотым ключом назади, в руках треуголка, окаймленная пышным черным страусом. Владыка-преосвященный в шелковой муаровой рясе, тоже при звездах, а на клобуке алмазный крест - высокая награда за труды по благоустройству братской могилы, на поле Полтавской битвы.

Вот коридор... Немного страшно, но еще интереснее. Нас больше сотни, но в просторном коридоре наш строй кажется маленьким и потерянным. Великий Князь где-то у старших.

Вдали, в открытые двери, видно много людей. Поклоны, шпоры, кого-то представляют. Затем вся группа вдруг сразу двинулась к нам. Впереди свободной широкой походкой шел Великий Князь. Какой он высокий.. и какой худой. Сколько орденов... и лента Андрея Первозванного.

- Здравствуйте, дети !

Тысячу раз учили ответ и грянули радостно, звонко, от души, хотя и было немножко обидно, что назвал нас детьми.

- Здравия желаем, Ваше Императорское Высочество !

Для ясности ответа, нас учили свободно и широко открывать рты. И вот, мне - Он вложил палец в рот, но сейчас же отдернул руку. - Тебе, я вижу, в рот пальца не клади? - смеясь сказал Он, потирая прикушенный палец. Затем, идя по фронту, одного повернул кругом, другому, щелчком, сбил фуражку, самого последнего, т.е. самого маленького, как перышко, поднял на воздух.

Строй зашевелился, слышались взрывы смеха... Нам делали знаки, строили страшные глаза, но это было ни к чему. В то же время, в коридор начали входить другие роты, направляясь в столовую, к завтраку. Как хорошо они шли...

Великий Князь оставил нас и замешался среди них.

Такой встречи никто не ожидал. Вся официальность сразу пропала, и любопытство сменилось по настоящему праздничным настроением.

В столовой, Великий Князь сел за один из кадетских столов и продолжал держать себя всё с той же шутливостью: отнимал хлеб, подталкивал под руку, одному, зазевавшемуся, подсыпал в тарелку целую ложку соли. С других столов ему делали знаки, звали к себе.

Вечером большой концерт. Нас пустили украшать уже готовую эстраду. Перед ней ряды стульев и в первом ряду, посредине, на особом коврике, кресло Великого Князя Михаила Павловича.

Всем хочется посидеть на нем. Около толкотня. Оказалось, что подушка легко отделяется и ее можно пускать по паркету, как по льду. Но, легкий свист, шопот и все разбегаются, как мыши. Только двое неуспевших, усердно поправлеют, ковер и кресло. В дверях вице-фельдфебель Орановский, краснощекий блондин, подозрительно оглядывает нас.

- Что вы здесь делаете ? - Поправляем... Смотрим, чтобы никто не трогал... - Хорошо. Будьте здесь все время. У Великого Князя, въ швейцарской, на шинели, отрезали все пуговицы. Наверное третья рота.

Великий Князь пробыл у нас три дня. Всё своё свободное от официальных приемов время он проводил среди кадет и уходил к себе только вечером, когда все роты ложились спать.

Его комната была при лазарете и заботы о ней взяли на себя корпусные дамы. Они нанесли туда массу мебели, и в течение всего дня туда посылались беспрерывно свежие цветы.

Великий Князь неизменно завтракал и обедал вместе с нами, причем никто не мог предугадать, за какой стол он сядет.

Весь день проводя среди кадет, он своей неутомимостью и подвижностью, утомлял своего адъютанта. Последний жаловался нам, что под конец дня он не чувствует под собою ног, и так бывает в каждом корпусе.

В то время Великому Князю было едва за сорок. Он только начал седеть и производил общее впечатление здорового, крепкого человека, несколько худощавого, но стройного, с подвижной, юношеской гибкой фигурой.

"Второй класс, первое отделение. Кадет по списку 36. В лазарете - один, на лицо 35". Этот рапорт учили и по французски, т.к. Великий Князь ожидался к нам, именно на урок французского языка. Рапортовать будет старший - Глоба, но, на всякий случай, учили все.

Всё, сколько нибудь небрежное, по части учебников и тетрадок, было заменено новым. Парты тщательно осмотрены. Мы сами тоже. В карманах ничего не должно быть, кроме носового платка. Всякого рода трещетки, рогатки и прочее богатство кадетского обихода было отнесено к "всякой дряни" и безжалостно выброшено.

Были проделаны репетиции, как вставать, садиться, как отвечать и прочее. Предполагалось, что Великий Князь сядет на первую парту, ближайшую от дверей. Когда минувшей зимой в класс вошел Генерал Драгомиров, то он сел именно на эту парту. Поэтому была сделана извинительная перетасовка, и на крайнюю парту был посаже тот же Глоба. Класс проветрили и вспрыснули каким то составом под названием "Лесная вода". В самом деле запахло лесом.

Ждали Князя на французский, а он пришел на арифметику. С этого и началось. Раздалась команда: "Встать! Смирно!" Класс вскочил, вытянулся. Глоба устремился навстречу, растерялся и забормотал: - Votre Altesse!... Высочество... Второй класс...

Но Великий Князь ласково отстранив его, сказал всем: "садитесь!" и, окинув парты взглядом, направился ко мне.

- Ты один, пожалуй, скучаешь? - сказал Он.

- Никак нет, Ваше Императорское Высочество ! Не мог же я сказать, что скучаю, когда в классе шло объяснение простых дробей.

- Все равно, подвинься.

Подвинуться нужно. Он опять был в парадной форме и его звездам и орденам за партой было тесно. Они частью примялись и завернулись. Я начал поправлять их, приглаживая и выравнивая. Особенно не давалась мне цепь Андрея Первозванного. Отдельные знаки были плоские, тонкие, ювелирной работы и я боялся их поломать. Но мне все-таки хотелось извлечь цепь наружу, так, чтобы она легла на парту.

- Оставь. Пусть будет так, сказал Он.

Некоторое время Он внимательно слушал. Его густой эполет давил мне плечо. - Что ты делаешь ? - опять тихо спросил Он.
- Ничего. - А ты бы делал что-нибудь. Тетрадка у тебя есть?

Я быстро выхватил из парты тетрадку. Но в тетради ничего интересного не было - она была совершенно новая, только что выданная. - Она у тебя всегда такая ? - Так точно.

Он улыбнулся и затём задал несколько вопросов ближайшим из кадет. Отвечали старательно, сильно волнуясь. Смущала и большая группа сопровождающих Князя лиц, занявших почти всю переднюю половину класса, а у доски, как нарочно, самые неудачники: Комиссаров, Капнист, Куценко...

Однако, на сей раз, обычно у доски скромные и молчаливые, теперь, вдруг, они заговорили. С отчаянья может быть. Правда,

не все ответы соответствовали вопросам, но все были громкие, моментальные, без особого раздумья. Матус-Кориченко даже не хотел садиться, пока его не дернули сзади.

Вообще в классе установилось бодрое, смешливое настроение, рассеявшее атмосферу сухости, которую хотели на нас нагнать.

Затем Князь встал и, поблагодарив всех, направился в соседнее отделение. Все бросились ко мне. Я был героем дня. Было сделано только замечание за "вольную поправку ордена", но это было ничто, по сравнению с ошибкой в рапорте Глобы.

Последний день пребывания, 8-го мая, прошел очень шумно. Уроков не было. Просто галдели по классам.

Великий Князь захотел говорить с каждым кадетом в отдельности. Для этого наш класс поставили в спальне у кроватей. Моя кровать была у окна. Я вскочил на подоконник и распахнул раму. Белые сережки черемухи и клейкие листочки тополей закачались передо мной.

Но уже шел Великий Князь. Он был в белом кителе, по домашнему, даже без шашки. Так начал Он обход нашего класса. Князь умел разговаривать с каждым и находить нужные слова для робеющих и волнующихся. Он сильно картавил и Его общий, гортанный выговор, по началу, производил несколько странное впечатление. У нас уже многие подражали Ему.

Меня Он спросил об отце. На вопросы об его службе, я бойко отвечал: "... в боях у Эни-Загра и Эски-Загра. В Забалканском отряде фельдмаршала Гурко... Знаете, Ваше Императорское Высочество?

- Слыхал, слыхал . я тоже немножко, сказал Он.

Он "немножко"... На груди у Него белел Георгиевский крест.

После обеда, на плацу, Великий Князь все время оставался с нами, но к Нему было трудно протиснуться.

Его характерной особенностью было то, что Он из всего имел создать интерес, и разговор возле Него не умолкал. В этом Его внимании к каждому из своих собеседников, как бы таковой ни был мал, заключалась значительная доля Его обаятельности.

Президент Академии Наук, Он с полным вниманием мог вести разговор о резиновых мячах, о свойстве рогатки, о лучшем способе плавания, и т.п.

Что касается начальства, то оно держалось в стороне и мы были совершенно свободны в обращении и разговорах с нашим "Главным Начальником".

Он уезжал вечером, когда уже надвинулись мягкие вечерние сумерки. К экипажу его вынесли на руках, на том же историческом кресле. Раздалось непрерывное "Ура".

На улице собралась масса народа. Губернатор не мог протиснуться и издали размахивал своей нарядной треуголкой.

Байдала, рослый красавец, чисто-русского типа в синем армяке, с павлиньим пером на шапке, сдерживал горячившихся лошадей и улыбался Князю, с которым за эти дни тоже успел "ознакомиться".

Он потом рассказывал: - Ни копеечки не взял... За такую честь да брать деньги ?

На вокзал, для проводов, собрались военные и гражданские

власти. Перед вокзалом, на площади, выстроились мы. Первая рота с винтовками и оркестром.

Великий Князь еще раз обходил ряды, разговаривая, шутя и обещая скоро вернуться. Уходя, Он поблагодарил директора за прекрасное состояние корпуса, обнял и поцеловал его.

Когда вскоре, в просвете вокзальных зданий, потянулись вагоны отходящего поезда, мы кричали "Ура" до тех пор, пока можно было думать, что нас слышно.

Затем всё оборвалось. Большой яркий праздник был окончен. Сразу наступили скучные будни.

Стемнело. Возвращались вялые, утомленные. Наша рота совсем отстала и от звуков оркестра к нам доносились лишь глухие удары барабана. Обгонявшие нас лица из числа провожавших, многих брали к себе в экипажи. Это было стыдно, но завидно.

К концу мая мы были отпущены по домам на большие летные каникулы.

М. ШЕРЕМЕТЕВ

"Военная Быль", Июль 1954 г. № 10, стр. 1-ая.

Примечание: М. Шереметев - Полковник Шереметев М.Н. скончался в Тунисе. После него остались его воспоминания о Петровском-Полтавском кадетском корпусе. В нашем распоряжении их нет. Печатаемый выше отрывок, является частью этих воспоминаний. (Мы думаем, что при наборе журнала "Военная Быль", вкралась описка - автором является М. ШереметЬев, т.е. с мягким знаком).

САБО (вып. 1917 года)

В 1914 году, перед самым Рождеством, посетил наш корпус Великий Князь Константин Константинович.

Все Его интересовало: уроки, строевые занятия, хоры, оркестр, наша пища, а в свободное от уроков время, окруженный кадетами, шутил с ними. Он в то же самое время изучал не только их психологию, но, даже своми вопросами, их семьи.

Начальство держалось в стороне, что позволяло кадетам чувствовать себя свободно в разговоре с Великим Князем, а за одно кадеты изощрялись, чтобы получить что-нибудь от него на память, хотя-бы окурок, а более ловким даже срезать пуговицу.

Привыкший к подобным озорничествам, Великий Князь должен был иметь с собой, либо запас пуговиц, либо мундиров и шинелей, а, вернее, и тех и других, иначе в первый же день вид его былбы весьма непрезентабельным.

Каждый Его приезд вносил особую струю воздуха, вызывавшую пертурбации в регулярно налаженной жизни кадет и корпуса, и уже это одно было весьма ценно.

Мы старались ему показать всё то, что мы умели и знали делать. Например в зале 1-ой роты, оркестр ему сыграл "Увертюру 12-го года".

Великий Князь внимательно слушал, а затем улыбаясь спросил: - "Что это? Как будто мне немножко знакомо, что-то напоминает ?" - "Ваше Высочество! Да, ведь, это "Увертюра I2-го года". - "Что ты говоришь? Ну, да, да, верно, вы правы... теперь я вспомнил!". (Конечно после петербургских оркестров)...

Во время его пребывания в корпусе, Он получил телеграмму. Прочтя ее, Он нам сказал: - "Хочу поделиться с вами моей радостью. Мне сообщают телеграфно, что Мой сын Олег награжден орденом Св. Георгия 4-ой степени". От Него скрыли, что Его сын, корнет Л.-Гв. Гусарского полка, был смертельно ранен, но был еще жив, когда была послана телеграмма.

Он умер по дороге в Петербург, в Киеве.

Посещая корпус, Великий Князь, перед отъездом, давал кадетам трехдневный отпуск.

На этот раз, Он, уезжая накануне Рождества, спросил окружавших Его кадет: - А до какого числа вас отпускают на праздники? (Обыкновенно в корпус мы должны были вернуться 6 января). - Мы еще не знаем, Ваше Императорское Высочество, - ответил лишь один кадет.

Дядя Государя понял намек и с улыбкой спросил: "Кто это сказал ? - Я, Ваше Императорское Высочество... Сабо. - А ты, брат, далеко пойдешь, - сказал он, глядя на меня.

На этот раз мы приехали в корпус 9-го января.

С А Б О

Архиапископ ИОАНН
(Кадет МАКСИМОВИЧ, вып. I914 года).

ОТЕЦ КАДЕТ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ.

Великий Князь Константин Константинович по праву заслужил именование: Отец Кадет. Называли его так, хранящие о Нем светлую память.

Воспитанники Российских кадетских корпусов обычно вспоминают Его доброту, доступность, ласку и заботу, которую Он проявлял к ним, посещая кадетские корпуса. Он забавлялся и шутил с мальчиками, задушевно говорил со старшими, был всем доступен. Не только подбадривал и своей похвалой побуждал еще больше стараться хороших, но заботился и о тех, кого считали совершенно безнадежными и, которых за дурные успехи и поступки, удаляли из корпуса.

Многих спас Он от нравственной гибели и житейских неудач своим вмешательством в их судьбу и вдохнул в них нравственные силы, чтобы стать на правильный путь и на новом месте загладить прошлое, вырости хорошим и добродетельным человеком.

Та вера в добро, находящаяся в глубине души каждого юноши, сделали Его для военно-учебных заведений тем, кем для духовных учебных заведений и вообще молодежи, был Его великий современник, Митрополит АНТОНИЙ.

Но не только за те добрые качества и поступки заслужил наименование Отца Кадет, Великий Князь. Вся деятельность Его, можно сказать, вся жизнь Его с той поры, как Он возглавил Военно-Учебные Заведения, была стремлением вдохнуть в юношество все самое лучшее, светлое, утвердить в них добро и сделать их способными его осуществить в жизни.

Сам глубоко верующий и православный, воспитавший так и своих детей, Он хотел ту глубокую веру и преданность Церкви передать воспитанникам. Он следил, чтобы в кадетах пробудить и развить религиозное чувство и в то же время дать им достаточно знаний о православном вероучении.

Подбор законоучителей, посещение кадетами воскресных и праздничных Богослужений и ежедневное чтение по отрывку Евангелия в классах с объяснением кадетам прочитанного и проверкой - насколько прочитанное усвоено, составляло заботу Великого Князя. Вместе с этим,Он внушал им стремление к увенчанию делания добра, проведя его в своей жизни.

Глубокие мысли, изложенные Им в своих религиозных произведениях, лучше всего изображают настроение Его души, которое Он хотел передать и другим. Сам Он был примером благочестия, а деятельная и искренняя любовь Его к ближним и особенно к подрастающему поколению, как-то незримо влияла на жизнь корпусов и оставляла след в душах воспитанников.

Будучи до мозга костей преданным Отечеству и его Верховному Вождю Русскому Царю, Он ту-же преданность и любовь к России, верность Царю и готовность служить им до последнего издыхания, старался привить кадетам.

Заботясь об их умственном развитии, Он позаботился о соответствующих программах учения и тщательно следил за подбором воспитателей и преподавательского состава, которые должны были проводить Его начинания.

Не ища личной славы, Он не делал заметным преобразований, связанных с Его именем. Все что было хорошего в корпусах до Него, Он старался лишь укрепить и улучшить. Чего не было, Он вводил мягкою и в тоже время твердою рукою. Он следил, чтобы Его распоряжения и требования не оставались только на бумаге; постоянно посещал и ближние и отдаленные кадетские корпуса, Он проверял, насколько они проводятся в жизнь, и как отражаются на кадетах.

Посещая корпуса, Он останавливался в самом корпусе, имея самое близкое общение с кадетами, вел иногда их жизнь, словно был с ними равный, допуская их до невинных шалостей, так что, чувствуя раскрытое для них сердце Великого Князя, и кадеты широко раскрывали перед Ним свои детские души.

Но в то же время Он умел остановить во-время, если при этом появлялось что-либо нехорошее и повлиять на тех, кто в чем-то уклонились от должного.

Влияние Великого Князя ощущалось всюду среди кадет, как непосредственное, так и через предпринятые Им мероприятия, почему не только по названию, а в действительности, Великий Князь был воспитателем кадет в свое время.

Уход Его ощутился сразу и всюду.

Не Его вина, если не на всех кадет своего времени, Он смог наложить свою внутреннюю печать - и среди I2-ти Апостолов один оказался предаталем.

Но большинство не смогут не сознать влияния Великого Князя на свою личность и всегда с благодарностью вспоминают Его, стараясь, чтобы вложенное в них передалось и дальше и хранилась о Нем вечная память.

А душа, да почиет в обители вечной радости и небесной славы.

Архиепископ И О А Н Н

Владимир Пронгинстанович ГАБАЕВ
Староста корпусного оркестра. (Вып. I9II г.).

Доктору Караченцову.
Париж.

В наше время, как Ты помнишь, Директором корпуса был ген. Попов. Он обращал внимание на представительность и престиж корпуса.

Кроме корпусного праздника 6-го декабря, когда устраивался бал, устраивались и ротные вечеринки. Устраивались и концерты, на которых выступали: хор Славянского, Архангельского, знаменитый артист Давыдов, скрипач,- фамилии не могу вспомнить, и т.д.

Генерал Попов был строгим, но поставил корпус прекрасно во всех отношениях.

На наших балах и вечеринках играли оркестры Севского или Елецкого полка. Помню замечательного баритониста, вольнонаемного Кошубу, кажется Севского полка.

При ген. Попове обучение наукам, особенно математике, было поставлено очень высоко: когда я был в 7-м классе (I9I0-II года) у нас ввели высшую математику - проба в восьми лучших по математике корпусах.

В мое время наш корпусный оркестр был лучшим в Полтаве по своему концертному репертуару. Я был старостой оркестра 3 года: два года в 6-м классе (единственный случай в истории корпуса, так как старостой всегда назначался кадет 7-го класса), так что на Полтавских торжествах в I909 году управлял оркестром я.

Оркестров было два: I-ой и 2-ой роты.

Концертный оркестр состоял, главным образом, из кадет I-ой роты и лучших музыкантов 2-ой, а всего: 45 человек. На военную прогулку, по субботам, я добавлял кадет музыкантов из 2-ой роты, что составляло оркестр почти в 60 человек. При мне, благодаря содействию полковника Никушкина, отличного, знающего музыканта, были выписаны из Германии новые инструменты.

В I9II году приезжал к нам в корпус Великій Князь Константин Константинович и слушал нашу концертную программу. Остался очень доволен, особенно концертной полькой "Два зяблика" для двух корнетов. Помню, первую партию играл я.

В нашем же выпуске окончил корпус и сын Великого Князя - Игорь Константинович.

Еще забавный слуай: наш 6-ой класс был очень дружен с параллельным 2-м классом институток и вот, в один прекрасный день, до вечерних занятий, мы получаем посылку, довольно большую. Распечатываем и находим кусок зеленой материи от институтского платья, на котором надпись: "6-му от 2-го" и ... чай и сахар !

После такого подарка - срочное совещание нашего класса, на котором было решено послать пять фунтов лучших шеколадных конфект от знаменитого Кандыбы, со вложением куска нашего черного сукна с надписью: "2-му от 6-го". Передано это было через мать институтки Любы Косабуцкой (может быть помнишь?).

Это произвело на наших друзей-институток прекрасное впечатление - "фурор" и мы оказались кадетами-джентельменами.

В 1911 году, на Инвалидном концерте (5-я наделя Великого поста), наш оркестр, балалаечный оркестр и хор, выступали в Полтавском театре и имели хороший успех. Из-за болезни капельмейстера - управлял я.

Можно было-бы еще многое вспомнить, но нет времени писать.

В. ГАБАЕВ

8.2.65. Нью-иорк.

Всеволод ВЕРБИЦКИЙ (вып. 1914 г.)

К 125-ЛЕТИЮ ОСНОВАНИЯ ПЕТРОВСКОГО-ПОЛТАВСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА.

1914 год, положивший начало событиям, потрясшим весь мир и вызвавшим Российскую трагедию, в личной моей жизни был годом расставания с корпусом. Семь лет прошло с тех пор, как впервые я с гордостью одел кадетские погоны.

Как часто в последующие годы, вспоминая об этом времени, в душе воскресало чувство благодарности корпусу за беззаботное время, которое уже не вернется никогда.

Ушли детские шалости и события в размеренной жизни корпуса. Самым значительным из них, за время моего пребывания, было празднование 200-летия Полтавской битвы.

Подготовка к нему началась задолго до юбилейного дня - 27 июня 1909 года. Весь состав корпуса, возбужденно и радостно переживал предпраздничные дни. Всем хотелось представиться возможно лучше, и парад в присутствии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА приобретал значение совершенно исключительное.

Кроме свиты, ожидался приезд многочисленных бывших воспитанников корпуса, и это еще больше усугубляло желание не ударить лицом в грязь перед своими старшими однокашниками, представлявшими за малыми исключениями, все роды оружия.

Накануне всем были выданы, пожалованные, на Андреевской ленте, бронзовые медали с портретом Императора Петра Великого

и с надписью: "А о Петре ведайте, что жизнь Ему не дорога - жила бы Россия". 1709-1909. И эта медаль для всех нас, первая в жизни, стала источником гордости от сознания того, что и мы, как бы приобщились к тем, кто мог эту медаль иметь рядом с боевыми орденами.

Кадеты, окончившие корпус в 1914 году, были призваны досрочно к соответственно заранее выбранной военной дороге, и направлены по назначению. Разразившаяся война потребовала огромных усилий, где вопрос пополнения кадров занял первенствующее место.

Началась новая жизнь. Корпус отходил все дальше и дальше. Синий погон с Петровским вензелем уступил место другим.

Шли годы. В другой мир уходили люди, ставшие близкими, с которыми столько было пережито. Все туманнее рисовалось будущее, с назревшими новыми событиями, как военными, так и политическими. Четыре года прошло с тех пор, как я оставил корпус, но казалось, что ушли десятки лет.

Незаконченная внешняя война перешла в гражданскую, во всех ее трагических формах. И на темном ее фоне, я вдруг снова увидел родной мне погон. Знакомые юные лица, - я их помню еще детишками. Слишком рано, еще неокрепшими, оставили они наше Петровское гнездо. Им не дано было счастье послужить в старой Императорской армии, почувствовать полковую спайку и гордость своими частями.

Но теперь, они несли свои жертвы наряду с их старшими товарищами. Это были последние кадеты. Последняя дань корпуса своей Родине, которой корпус всегда отдавал своих сынов.

Те, кто пали смертью храбрых, записаны на черном мраморе, в нашей корпусной церкви. Но корпуса нет - и никто больше не удостоится этой чести.

Пусть же последние кадеты, в сердцах своих, несут до конца имена тех, кто смертью своею запечатлел верность своему долгу.

Всеволод ВЕРБИЦКИЙ (вып. 1914 г.)

Б. САБО (Вып. 1917 года).

ПАРАДЫ В КОРПУСЕ

Это только Доктор Караченцев может с научной точки зрения объяснить, что наше детство сохраняется в нашей памяти лучше, чем то, что было недавно.

Вспоминаю мой первый парад, в котором я участвовал. Это было 5 октября 1910 года на плацу нашего корпуса. Командовал парадом Полковник Быков, а принимал парад Директор корпуса Генерал Попов.

В Полтаве это было большое событие: вся полтавская аристократия собралась на плац до прихода кадет, и сколько кадетских сердец билось в надежде увидеть среди многочисленной публики то

прекрасное существо, которое заполняло душу молодого и чистого юноши.

И действительно, было на что смотреть и было кого обожать! Ведь в эти годы все было так чисто, так прекрасно.

Далеко от парада унесли меня воспоминания, пора и к нему вернуться.

Батальон кадет выстраивался перед зданием Корпуса. На правом фланге наш оркестр, который после двухлетних усилий талантливого кадета В.П. Габаева стал лучшим по репертуару в Полтаве.

Но вот раздается команда: "Под знамя... слушай... на краа...ул !

Оркестр играет Преображенский марш. По лестнице из корпуса медленно выходит Капитан Гончаренко, а за ним знаменщик с развернутым знаменем. Они проходят по фронту всего батальона, становятся на правый фланг и после этого, под звуки оркестра, во взводной колонне, роты двигаются на плац.

Нужно понять переживания малышей, которые в первый раз видят Знамя их Корпуса. Просто выступает холодный пот и мурашки бегают по телу! Господи! Какая сила, видимо Святая сила руководила нами.

На плацу, перед многочисленной публикой, рота выстраивается развернутым фронтом. При появлении Генерала Попова, командовалось: "Слушая... на краа..ул!" - И оркестр играл снова Преображенский марш.

Генерал Попов, обходя фронт, здоровался с каждой ротой отдельно. Обычно он произносил:

" Здравствуйте, Петровские орлята !"

Конечно орлята и отвечали, как подобает орлятам.

После этого начинался парад. Проходили два раза: во время первого прохождения, по отделениям, во время второго, по ротно, развернутым строем. Последнее было чрезвычайно трудно для малышей I-го класса, ведь и двух месяцев еще не прошло, как мы стали Петровскими орлятами. Старались так, что кровавый пот выступал, а когда услыхали: "Отлично . . 4-я!", так от радости и глазенки заблестели и ног даже не чувствовали под собой.

Генерал Попов был очень строгий и зря не хвалил !

В I9II году прибыл новый Директор Генерал Клингенберг.

Парад по этому случаю был опять на плацу. Всё, как и прежде, только встречали его Семеновским маршем, как офицера Л.Гв. Семеновского полка.

И вот, вместо: "Петровских орлят", мы услышали :

"Здравствуйте, Господа !"

После живого и энергичного Ген. Попова, нам как-то стало не по себе. Понадобилось несколько лет, чтобы мы оценили этого прекрасного человека.

В I9I6 году, в день праздника Георгиевских Кавалеров, 26 ноября, Корпус в первый раз (за мое пребывание) присутствовал на параде всего гарнизона на Соборной площади.

Вместо обычных ассистентов у знамени, Подполковников фон Кноринга и Бужинского (оба почти великаны), были назначены наши Георгиевские кавалеры кадеты Парай-Кошиц и Пузанов, которые во время летних каникул, гостя на фронте у своих отцов, приняли участие в боях и были награждены крестами.

Корпус явился к месту парада последним, но без опоздания.

Незабываемая обстановка... Раздается команда командующего парадом: "Под знамя... Слушай... на кра...ул !". Затем мы, Петровские орлята, со своим ветхим знаменем, в безукоризненном порядке, проходим вдоль фронта всего гарнизона и становимся на правый фланг.

Нам говорили наши друзья, что это было так величественно и красиво, что слезы умиления выступали на глазах.

Оказалось, что только наш оркестр был на высоте положения, поэтому он и играл в продолжении всего парада.

Парад Георгиевских кавалеров!..

Был ли хоть один кадет, который не мечтал бы быть причисленным к среде этих героев? Таково было наше воспитание...

КОРПУСНЫЙ ПРАЗДНИК 6-го ДЕКАБРЯ.

Мне лично праздник этот принес много радости: я был произведен в вице-унтер офицеры (Доктор Караченцев был правофланговым в моем взводе).

Подъем в 7 ч.30 м. и, вместо ожедневного горниста или барабанщика, оркестр корпуса проходил по спальням всех рот. Было в этом что-то радостное и великое. Великое потому, что до сих пор мы помним всё до мельчайших подробностей.

Выпускной класс имел право, по традиции, одеть выпускной жетон. Цепочка его одевалась на пуговицу под левым погоном.

Затем шли в церковь, где была торжественная служба. После нее, парад.

Вот теперь самое главное, что я хочу сказать: я разговаривал со многими кадетами других корпусов, но у них не было той красоты и величия, которые были у нас.

Парад был в здании корпуса, обычно в спальне 2-ой роты, откуда убирались все кровати. Всегда приезжали к нам к этому дню, в большом количестве, бывшие кадеты. И вот тут то и есть то красивое, что было у нас.

Батальон корпуса выстраивался, как всегда, по-ротно. На правом фланге строились все бывшие кадеты нашего корпуса. Просто глаза разбегались, смотря на эту оригинальную Роту. Тут были: гусары, уланы, драгуны, гвардейцы, скромная пехота, артиллерия и даже ... штатские лица в необычных для нас формах, каких-то придворных камергеров, губернаторов и др...

В этот момент они правращались в кадет... Разве это могло быть где-либо в мире ?

Петровские орлята, чувствуете-ли вы Это, о чём я пишу ?

Церемониальный марш проходили два раза: первый раз парад принимал Директор корпуса.

В мое время во главе сборной роты бывших Полтавцев шел Генерал-от-Инфантерии Евреинов. В этот момент, он был как-бы ротным командиром.

Принимая парад, Генерал Попов обычно благодарил:

"Спасибо, Петровские орлята!.."

И вот старые кадеты отвечали ему, как кадеты:

"Рады стараться, Ваше Превосходительство!.."

Генерал Клингенберг этого не делал, а просто, молча отдавал честь.

Во второй раз, это все бывшие кадеты, во главе с Ген. Евреиновым, принимали парад, а батальон кадет возглавлял и вел сам Директор. Чувствуете-ли вы, Петровские орлята, сколько величия и красоты было в этом ?!!

После парада Ген. Евреинов произносил речь. Потом был обед, на котором присутствовали все бывшие кадеты и весь воспитательский и педагогический персонал, а Полк. Ромашкевич читал бесчисленное количество телеграмм, полученных со всех мест необъятной России.

Вечером был бал, к которому кадеты месяцами готовились. Сотни юных женских сердец ожидали с нетерпением пригласительный билет. Лишь в довоенное время, семиклассники имели счастье поплясать их выпускную мазурку.

"ТРИ РУБЛИ".

В Полтаве, в мое время, жил на покое Генерал-от-Инфантерии Евреинов. Он был почетным опекуном всех имений Императрицы Марии Федоровны. В свое время, Император АЛЕКСАНДР III-ий относился к нему с большой любовью. Знаю я это потому, что Ген. Евреинов был моим родственником со стороны своей жены, урожденной Розальон-Сошальской.

Последние годы он всегда присутствовал на корпусном празднике и после парада, как я уже писал, произносил речь. В конце его речи, он, обращаясь к выпускному классу, говорил:

"Через четыре месяца вы покинете наше Петровское гнездо навсегда; но помните, что вы птенцы гнезда Петрова. Каждый однокашник может попасть в беду и, чтобы каждому в потребном случае можно было-бы помочь, мы создали кассу взаимопомощи. Так мало требуется от вас: только "Три Рубли" в год."

Так за ним и осталось прозвище: "три рубли".

Готовится празднование 125-летия со дня основания нашего родного гнезда. Пусть каждый внесет эти "ТРИ РУБЛИ" в память нашего корпуса.

Что Полтавцы помнят о своем корпусе, меня не удивляет. Разве можно забыть всё наше дорогое детство, наш родной край, нашу Родину ?

До сих пор я не имел возможности сказать несколько слов о Караченцеве.

В корпусе я был его отделенным командиром. Целый год наши кровати стояли рядом. Если Ты помнишь, я не был строгим началь-

ником, поэтому в наших отношениях не было никаких неприятностей, так как "черная кошка" между нами не бегала.

Много добра Ты делал однокашникам, как живым, так и мертвым. А, ведь, делал потому, что хотел.

А родному Корпусу ? Всё, что Ты делаешь сейчас, привело-бы в восхищение даже Полковника Ромашкевича.

В гражданскую войну, в моем родном Лейб-Гвардии Волынском полку было много Полтавцев: два брата Пышновых, Ржецкий, князь Вачнадзе, Пузанов, Мостовой и я. В спокойное время, к нам в гости приходил Л.Гв. Петроградского полка, Капитан Волошин-Петриченко, Федор, родной брат П.Ф. Волошина, то-же наш кадет.

Милый Федя, всегда веселый, его любили все офицеры и солдаты. Доблестный офицер,а мы этим гордились - ведь наш.

Конечно, разговоры были всё время о корпусе, так любили мы все своё Петровское гнездо.

Был у нас в полку Капитан Бирюлин. В прошлом гимназист и студент технологического института. В Петербурге, во время войны, он часто видел занятия нашей учебной команды. На него это так подействовало, что он покинул институт, пошел в Павловское военное училище, которое окончил фельдфебелем, и вышел в наш полк. Прекрасный офицер, такой-же товарищ. Живя всё время с нами, он так привык к нашим разговорам, так запомнил фамилии воспитателей и преподавателей, что,когда к нам был назначен новый командир бригады Ген. Теплов, Полтавец тоже, то, увидев у нас на груди наш знак корпуса, очень был доволен и, обращаясь к Бирюлину, спросил: "Вы тоже Полтавского корпуса?"

-"Так точно, Ваше Превосходительство", и тут же точно выложил, кто был у него воспитателем, ротным командиром и т.д.

Смеялись мы этому не мало, а когда, через несколько дней, он повстречался с Ген. Тепловым, этот последний его узнал и обратился к нему:"Здравствуйте, дорогой однокашник".

После этого случая, мы решили зачислить его в списки Полтавских кадет.

Пышнов, старший........убит на Перекопе,
Князь Вачнадзе.........убит там же,
Пузанов......................убит под Киевом,
Ржецкий......................убит во время последней войны в Сербии,
Мостовой....................по болезни ушел из полка в 1920 году,
что с ним было дальше, не знаю,
Пышнов, младший.......умер в Париже в 1962 году.

Б. С А Б О

П.Ф. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФИЗИКИ, ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ ЛЮСИН.

В течение многих лет физику преподавал в корпусе Полковник Петр Григорьевич Люсин. Он был очень высокого роста, худощав и имел прекрасный цвет лица розового оттенка. Когда он приходил в

волнение, он краснел до совершенно багрового цвета. Был он человек очень добрый, искренне любил корпус, благоговел перед всей его историей и часто писал в Полтавских газетах статьи, связанные с событиями жизни корпуса. Он был фанатик-театрал. Главным образом поклонник русской драмы. На гастролях в Полтаве таких артистов, как Самойлов, Орленев и др., он занимал одно из кресел в первых рядах и в патетических местах, на его глазах навертывались слезы.

Начал он службу в каком-то маленьком городке возле Харькова в 222 Лебединском резервном батальоне, откуда ушел и поступил в Харьковский университет на математический факультет.

Женат он был на исключительной красоты женщине, несколько полной, но величественной и приветливой. Кадеты моего выпуска 1906 года, со свойственным им в юные годы своеобразным подходом к женской красоте, не считали ее красавицей, но общее мнение в Полтаве - безусловно считало ее таковой.

Полковник Люсин, часто ездил в Петербург и Москву и, неизменно, встретив юнкера любого училища, спрашивал есть-ли в училище Полтавские кадеты ; получив утвердительный ответ, передавал им горячий привет, а часто и подарки в виде шеколада, кофект и т.п.

Он был основателем кадетской обсерватории, которой отдавал очень много своего времени и сумел увлечь довольно большое количество кадет, усердно лазивших на площадку перед куполом нашего здания.

П. Волошин-Петриченко.

Б. С А Б О

Люсина мы, конечно, любили, но пользуясь его добротой часто мучили. Преподаватели его не долюбливали, т.к.все почти были с левизной, а Люсин всегда был монархист и патриот.

На выпускных экзаменах, ассистенты-преподаватели, часто ставили Люсина в трудное положение, задавая кадетам трудные вопросы. Люсин знал, что это делается умышленно и раз, помню, сказал Бельскому, который особенно не любил Люсина: - "Я стараюсь, как могу и, если кадеты не могут ответить на Ваш вопрос, то это им не мешает быть верными слугами Царю и Отечеству".

Когда, по окончании корпуса, мы все собрались на квартире бабушки Короленко, которая постоянно жила в Полтаве, для прощального ужина, то присутствовали: Ротн. командир Полк.Парай-Кошиц, два воспитателя, Подп. Бужинский и Васильев и ... П.Г. Люсин.

Люсина мы задержали, после ухода рот. командира и воспитателей и уже по хорошему долго с ним беседовали.

Когда он уходил, мы его вынесли на руках. Бедный Люсин плакал, и среди нас не нашлось ни одного хулигана, который бы его ущипнул.

Грустно было и нам.

Б. Сабо.

А. ЗАВОДОВ (Вып. 1919 года)

МОИ ГОДЫ В КОРПУСЕ

Мой отец, морской офицер, умер, когда мне было всего лишь 6 лет. Умер он на острове Ашур-А-Де. Это была база каспийской флотилии и находилась около персидского берега. Мало кто знает даже о существовании этого пункта и на географической карте его не найдешь.

Папа, поэт, писал матери письма в стихах:

- Ты знаешь край, где все проклятьем дышет,
Где море опустилось и ушло на несколько сажень,
Где богохульство небо слышит,
Где нет зимы и царствует лишь лень.

Уголок, конечно, был замечательный: около берега была пришвартована баржа на мертвых якорях, чтобы быть пристанью, а затем, к поселку, шли мостики на сваях. К четырем часам, с юга, из камышей налетали миллиарды комаров, и не было от них спасенья даже на судах. Камыши сжигались, но ничего не помогало.

На острове была бойня и вечером закапывали в песок внутренности убитых животных, но к утру все исчезало: пожранное тиграми или шакалами, приходившими ночью с берега.

Итак, папа умер на посту. Осталось нас шесть детей. Вернулись в Севастополь, родину моей матери. Хорошо было здесь: мо море, эскадра, чудные окрестности, как Учкуевка, Инкерманн, Балаклава, Георгиевский монастырь...

Можно было пойти на Приморский бульвар и на Исторический. Во дворе, с видом на Южную бухту, я соорудил мачту и, вместе с судами, спускал и подымал флаг.

И вот из этого чудесного города, я попал "по бедности дворянской" в Полтаву. Моря там, конечно, не было, были Ворскла и Тарапунька. Пустые улицы, деревянные заборы и такие же тротуары. На главной улице, между мостовой и панелью, зеленое пространство.

Со всех сторон нашей необъятной Родины, приезжавших в корпус малышей встречал, правильнее не самих малышей, а их мамаш, Полковник Квитковский. Он был командиром 4-ой роты и по наружности, это был толстяк, с добродушным характером. Бедные мамаши, увидев его фигуру, сразу же успокаивались: таким искренним добродушием веяло от него.

И так, привезли меня в корпус 15-го Августа 1912 года. Сразу переодели в кадетскую форму. Нельзя сказать, что мы были одеты элегантно: фуражки были с обручем внутри и имели непрезентабельный вид, рубашки были в складках спереди и сзади, брюки нижней своей частью непоминали гармошку. Тем не менее, 25 Августа, это бравое воинство, с места в карьер, вывели принимать участие в большом параде.

Старшие роты на этом параде были на кадетском плацу, нас же, малышей, выстроили около церкви на Александровской улице, где всех нас начали тренировать, как отвечать на приветствие начальства.

Генерал, обходивший наш фронт, полюбовавшись нашим "бравым"

видом, поспешил, как можно скорее, закончить церемонию, тем более, что для придания нам лихости, нам, на правый фланг, поставили кадета 7-го класса, сутулого и в очках.

На генеральское: "Здравствуйте, кадеты", наш ответ: "Здравия желаем, Ваше Превосходительство", затянулся в длинную серенаду, которая только сконфузила генерала.

Когда же мы пришли на плац, мы были поражены длинными столами, уставленными вкусными вещами. Жизнь стала казаться уже более привлекательной.

Но вот кончились торжества, это было столетие Отечественной войны 1812 года, и началась обычная, обыденная жизнь: уроки, занятия, прогулки.

Нашим отделенным воспитателем был Шт. капитан Николай Александрович Чепурковский, но он пробыл лишь один год и уехал в Петербург на воспитательские и другие курсы.

Через два месяца кончилась первая учебная четверть. Отметки складывались, делились и получался средний балл, который являлся основанием распределить кадет в порядке их успешности. Я вышел 12-м, золотая серединка, не очень из-за этого волновался, но многие переживали это, особенно те, которые были в первом десятке.

Из-за болезненной полноты нашего ротного командира Полк. Квитковского, в мое время, 4-ю роту перевели на 1-ый этаж (по-французски, а по русски на 2-ой). 2-я и 3-я роты были на втором этаже по французски. В каждой роте была общая спальня на 125 - 130 кроватей. Как приятно было, в один прекрасный день, увидеть на своей кровати синюю дощечку с белой каймой, где было написано в верхней части цифра 74, а под ней большими буквами: ЗАВОДОВ. Цифра 74 относилась к моему порядку в строю, указывая мой рост, начиная с правого фланга.

В корпусе была 12-ти бальная система оценки знаний, но максимальный балл по поведению в 4-ой роте был 7.

В мое время на кадет накладывались такие взыскания:

- Оставлять без 3-го блюда, т.е. без сладкого,
- Сбавить балл за поведение,
- Ставить под часы,
- Лишение отпуска в Субботу и праздничные дни, что меня не интересовало до 6-го класса, так как я не имел в Полтаве ни родных, ни знакомых.

Вспоминается забавный эпизод с кадетом Бабенко, который был подвергнут первому наказанию. Бабенко Иван был круглым сиротой, потерявшим своих родителей при трагической обстановке: их денщик убил его отца и мать и скрылся с захваченными деньгами. Отец Бабенко был полковым казначеем.

Так вот, этот Бабенко обратился с просьбой к воспитателю, чтобы не отдавать свое сладкое служителю, как это делалось обыкновенно, а своему соседу по столу. Разрешение было дано, и тогда Бабенко проделывал ловкий трюк: отдавая свое сладкое соседу, от в то же время брал таковое от него и таким образом вовсе не терпел лишения от наложенного наказания.

За столом нас сидело по 10 человек плюс один, за старшего. Этот последний уже являлся для нас каким-то маленьким начальством.

Еженедельно, на одной из стен роты вывешивался приказ по корпусу, главными пунктами которого, являлось меню на следующую неделю, но иногда появлялись и фамилии кадет, которым сбавлялся балл за поведение. Были такие виртуозы, у которых оценка поведения был классический "кол".

Отметки по поведению набавлялись применительно к царским праздникам и корпусному, 6-го Декабря. Мы довольно равнодушно относились к этим баллам, на второй год из-за них никого не оставляли.

Третьим наказанием, как я сказал, было стояние под часами. Стоит бедняга положенное ему время, в коридоре им никто не интересуется, изредка, из дежурной комнаты выглянет голова дежурного воспитателя. Было : " И грустно и скучно
" И некому руку пожать"...

Стрелки часов над головой медленно двигаются, а сбоку висят в рамках иронические, для момента, изречения, вроде:
" Скучно жить до вечера, кому делеть нечего".

Первые два года нашего ученья тянулись без особенно ярких событий. За это время нами никто особенно не интересовался и своего воспитателя мы видели:
- ежедневно во время вечерних занятий,
- два часа в неделю во время строевых занятий и гимнастики,
- и каждый четвертый день во время его дежурства.

Нам было от 10 до 12 лет. В сущности мы были еще детьми и, по правде сказать, детьми в свободное время заброшенными.

В третьей роте было уже веселее, развивались наши мышцы особенно на ногах: вниз - вверх по лестнице на третий этаж на чай, на прогулки, на завтрак и ужин.

На больших мраморных досках, между вторым и третим этажами, мы читали: "НАУКА ПОБЕЖДАТЬ".

Но был уже 14-ый год: от пуль на фронте гибли наши отцы, братья, знакомые офицеры и не очень верилось тому, что: "Пуля дура, а штык молодец".

Набралось нас в третьем классе 90 кадет и нас разбили на три отделения. Из-за математики, появились в классе и майоры и даже дуплет-майоры, но, именно из-за них стало жить веселее.

Опереточные куплеты, распеваемые всей Россией в конце 1913-го года: ... "Об этом знает весь народ, сижу я в классе третий год"... стали в нашем третьем классе какой-то реальностью.

Появились курильщики, знатоки анекдотов, начались и до нас доходить куплеты Звериады . После обеда, полроты забиралось в спальню под кровати и тихо слушали "журчанье" какого-нибудь "трепача". Рассказывали целые фильмы, прочитанные книги, длинную и неприличную историю, яко-бы из жизни. Это были своего рода мастера. Может быть они и плохо учились, может быть преподаватели не чувствовали в них таланта, но это был своего рода аттавизм, исходящий из глубины веков. Так, наверное, в глухих медвежьих углах, в длинные зимние вечера и так же в полутьме - лилась речь с русской печки.

Со второго класса у нас был воспитателем Василий Иулианович Подполковник Шереметов. В свое время, он окончил наш корпус вице-

фельдфебелем, а Михайловское арт. училище портупей-юнкером. Был он брав на вид: грудь колесом, раздвоенная по скобелевски борода.

Единственно, что нас в нем шокировало, это наблюдать его гоняющим голубей и было неловко за него, такой тонняга, отец двух дочерей и одного сына и вдруг, стоит посреди двора, борода кверху и переживает полеты своих пернатых. Таковым он и попал в Звериаду : "... Тебе гонять лишь голубей"...

Он был также страшный любитель шеколада и по его словам, первый год его ухаживанья за будущей женой, будущая теща баловала его молочным шеколадом, но последующие шесть лет затянувшегося ухаживанья, перешла на самый обыкновенный.

Эти семь лет могли бы его охарактеризовать, как человека очень осторожного, поступавшего по пословице: "Семь раз отмерь, один отрежь", что вызвало у нас, в конце концов, к нему почет и уважение.

Тем более было для нас непонятным, что в период "безкровной революции", он, как по мановению жезла и неожиданно, стал совсем другим человеком, как будто его подменили: он, вдруг, стал представителем служащих корпуса в местном революционном комитете (был ли он выбран, или пошел туда по своему желанию, нам не известно), но факт, что он не мог быть, конечно, в одно и то же время и там и с нами. Он нас совсем позабыл... ему было не до этого, некогда...

И вот вспоминается, он с портфелем, лицо озабоченное, от военной выправки одно воспоминание, и, если для нас, кадет, наивысшим наказанием было снятие погон, то для него, это было долгожданным и радостным моментом.

Но этому демонстративному жесту мешало лишь одно: мы еще носили наши Петровские погоны, и ему пришлось проделать эту операцию в несколько приемов, по своей системе: с чувством, с толком, и с расстановкой:

- для начала, закрыл короны поперечной красной лентой,
- затем, снял и ленты и короны, оставив вензеля Петра Великого,
- после чего, снял и вензеля,
- наконец дошла очередь и до погон: они легко и просто исчезли.

Попадая изредка в корпус и посещая наш класс, он неожиданно заявил нам о том, что он, чуть ли не с пеленок, был социал-демократ.

Политически время было неустойчиво и, в период гетманщины, после Марта 1918 года, у него были "неприятности" с новым начальством, но в Августе того же года, после летних каникул, мы, будучи уже в 7-м классе, все же, по-прежнему, "имели честь" его иметь своим воспитателем.

В Киеве долго мудрили и решали, какое название дать нашему заведению: военная гимназия? гимназия военного ведомства? или, по украински, военная бурса? - все-таки остановились на старом названии: кадетский корпус.

В курс обучения была введена украинская история и ридна мова. Для двух наук, за неимением средств, выдали старые учебниеи Малороссии, но, вот, с ридной мовой ничего не получилось.

6-го Декабря, как и в прошлые годы, был выпускной бал, но на этот раз мы, наконец, смогли танцевать выпускную мазурку.

Через шесть дней, 12-го Декабря 1918 года, корпус был распущен. Красные надвигались с Севера. Слабые украинские части их частично сдерживали около Харькова. Немцев уже не было, побежденные на Западе, они подписали 11-го Ноября н.с. перемирие в Réthondes.

Публика иронически пела:

" Ще не вмерла Украина
" От Киева до Берлина,
" Гайдамаки ще не сдались,
" Дейтшланд, дейтшланд юбер аллес".

И вот, вместо того, чтобы собрать нас уезжающих и попрощаться, ведь знали наши воспитатели и ротные командиры куда мы едем... Они все исчезли и можно только сказать:

" Мы друг друга не любили,
" Они остались ... мы ушли..."

А. ЗАВОДОВ

А. БУГРЕЕВ (Вып. 1919 года)

21 Января 1964 года. Брюссель (Бельгия)

Приказ № 1 от 15 Декабря 1963 года, подписанный Председателем Полтавского объединения в Париже, Доктором Караченцевым, получил.

Вопреки главы 1-й ст. 1-й Дисциплинарного Устава, гласящей о "точном и беспрекословном исполнении", - не могу выполнить по той простой причине, что память удержала очень немного, а то, что ярко запечатлелось, вряд-ли возможно предать гласности, т.к. найдутся критики, которые не преминут использовать это для опорочиванивания нашего родного корпуса.

В появившихся уже воспоминаниях о других корпусах есть хвалебные, как Воронежца Маркова "Кадеты и юнкера" и Симбирца Ишевского "Честь", есть прохладные, как Киевлянина Графа Игнатьева "Пятьдесят лет в строю", есть и прямо отрицательные, как Ярославца Макарова "Моя служба в старой Гвардии" (1905-1917).

На прошлой неделе, лежа в госпитале, думал о проведенном времени в корпусе, и вот мое личное мнение, не претендующее ни на пристрастность, ни на безошибочность:

Наш корпус был ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНКА.

Когда мы были в третьей роте и в 4-ом классе, не помню в каком отделении, был короткое время офицер-воспитатель Шт. Кап. Пороховский, у которого была ранена правая рука и честь он отдавал левой. Был он довольно грубоват в своих выражениях, но свое отделение тянул здорово. Проверял, кто и как учится, заставлял заниматься и добился того, что все кадеты его отделения перешли в следующий класс.

Не удержавшись в корпусе, он вернулся в армию и служил с моим двюродным братом, который рассказал причину его ухода из корпуса, заключающуюся в том, что воспитатели за его отношение к кадетам, т.е. за то, что он заставлял заниматься кадет, относились к нему недружелюбно.

По его словам, кадеты были хорошими юношами, а воспитательский состав - это болото, которое относилось к своим обязанностям халатно и служба их была лишь отбыванием номера. За успехами кадет не следили, а смотрели, чтобы поведение было не очень "громкое", а остальное приложится.

Верно-ли это, судить не берусь, но мне кажется, что доля правды в этом есть. Лично я такую постановку не осуждаю: "Сами жили и другим давали жить". Хочешь, учись, не хочешь, не надо, а если хочешь большего, занимайся сам.

Наполеонов из нас не готовили, а то что требовались для будущих юнкеров - это было.

Мне, по моей натуре, больше подходило быть именно в нашем "тихом" корпусе, нежели в каком-либо другом, где требовалось "излучение энтузиазма", безразлично в каком виде.

В общем,пребывание в корпусе оставило хорошее воспоминание и упреков корпусу в чём-либо у меня нет.

В той же 3-ей роте, когда мы были в 4-м классе, т.е. 1915-1916 учебном году, к нам, в какое отделение сейчас не помню, был назначен Капитан Ломиковский, инженерных войск. Его называли "трясущийся" или "дрожащий" Капитан, сейчас не помню точно, из-за его подергиваний, вследствие сильной контузии. Это был очень воспитанный человек, чрезвычайно вежливый и мягкий, обращавшийся с нами, как со взрослыми.

Правда это или нет и из-за каких соображений, но Подполковник Шереметов нам рассказал, что контужен он был взрывом фугаса, им же самим заложенным. В общем, в нашем мальчишеском воображении, это была не жертва войны, отдавшая на алтарь Отечества свое здоровье, а что-то вроде самострела. Над ним издевались, его изводили и в один вечер решили ему устроить "бенефис". Заводиловкой был Диков. Решили всю вечернюю молитву не читать.

Я был дежурный по роте и, как таковой, молитву должен был читать, но Капитан Ломиковский окончил корпус с моим старшим братом в 1904 году и потому меня знал, вот почему мне было неудобно принимать непосредственное участие и,несмотря на эпитеты "трус", я отказался читать только одну молитву, как хотели "бенефисты", и, под видом, что у меня икота, Диков взялся читать.

Мне и сейчас, спустя почти 50 лет, стыдно, что у меня не хватило мужества воспротивиться этому, из уважения к жертве войны, хотя бы пострадавшей, если это правда и от несчастного случая или от оплошности сапер.

Вернувшись с вечернего чая, рота вошла в ротный зал левым флангом, остановилась, а затем повернулась направо и выравнялась.

По команде: "На молитву", все повернулись в сторону образа, опустились на колени, кроме иноверцев и дежурного воспитателя, как это делалось обыкновенно. Вслед за этим, дежурный кадет читал положенные молитвы, которые были наклеены на картоне, складывавшемся пополам.

Из всех воспитателей, единственный Капитан Ломиковский во время молитвы становился на колени.

Этим и воспользовались устроители бенефиса.

Диков прочел лишь одну молитву, и вся рота поднялась с колен, кроме Капитана Ломиковского. Получилось довольно нелепо... Поднявшись с колен, он подошел ко мне и спросил: "Что это значит?".

Не помню сейчас, были ли смешки, или нет, но мой ответ, что у меня икота, его не удовлетворил,и он послал меня доложить нашему ротному командиру Полк. Быкову, что в роте безпорядок.

Спустившись вниз, в учительскую,доложил, как было приказано. Помню, что Полк. Быков не задал мне ни одного вопроса, а поднялся в роту, где была полная тишина, и рота стояла выстроившись.

Пока Капитан Ломиковский рапортовал, я стал на свое место на правый фланг роты. Рота была распущена спать, а через несколько времени, был вызван Диков. О чем они разговаривали - не знаю, но помню, что пробыл он с ротным командиром довольно долго и, вернувшись, позвал меня к нему же. В это время все кадеты уже были в кроватях, я, как дежурный, должен был-бы доложить об этом дежурному офицеру, но он был с ротным командиром и с Диковым, а поэтому я не мог итти спать и ждал.

Со мной разговор был короткий: - "Почему не читал молитвы?" - "Была икотка, Господин Полковник". - "Вы врете!... Марш спать!"

Вот и всё. Никаких казуистических вопросов, ни о каких подробностях происшедшего, никаких моралей. Видно Диков выложил всё на чистоту.

Диков не был нашего отделения, и разговора об этом у меня с ним не было, мы просто на просто поссорились. На этом и кончилось мое привиллегированное положение, как раздающего. Понес-ли наказание Диков, я не помню.

Кажется, после этой истории Капитан Ломиковский был переведен в 4-ю роту, а вместо него был назначен Шт. Кап. Пороховский.

Рота отнеслась совершенно безразлично, как к происшествию, так и к судьбе действующих лиц. Вероятно, каждый в душе осуждал участников за обиду, нанесенную инвалиду. Вот, что осталось у меня в памяти о так называемом "Бунте в 3-ей роте".

Такие торжественные случаи, как парад с выносом Знамени, который бывал три раза в год: 5-го Октября, 6-го Декабря и 6-го Мая, казалось бы должны были остаться в памяти, но и этого память полностью не сохранила. Вот, что помню вообще и об одном случае в частности:

Корпус выстраивался развернутым фронтом перед зданием. Под звуки Преображенского марша выносилось знамя и проносилось перед фронтом. Корпус (батальон) выстраивался в колонне по отделениям и шел на плац. Входя на плац, роты строились во взводные колонны (дальнейшие построения улетучились из памяти). Помню, что для парада батальон выстраивался на противоположной стороне против тира. Стояли мы развернутым фронтом, или роты были во взводных колоннах, этого сейчас не помню.

Для прохождения церемониальным маршем перестраивались, т.к. затем проходили вдоль здания тира. Как и в каком порядке выходили

на линию линейных, тоже не помню. I-я рота, повидимому, если роты были во взводной колонне, двигалась прямо и на линию линейных выходила захождением правым плечом, или строила взводную колонну из развернутого строя с движением вперед и выходила тем же захождением, иначе не могло получиться такого казуса, который произошел на параде 5-го Октября 1916 года, когда мы были во 2-й роте, т.к. если это было раньше (1915), то не было бы видно свирепого лица Полк. Парай-Кошица.

Картина была такая: I-я рота, имея знамя на правом фланге, начинает движение на линию линейных, а знаменщик со знаменем остается на месте один. Почетные ассистенты при знамени идут по бокам знамени только при движении, когда же знамя стоит на линии фронта, то они находятся за первым взводом.

И вот мы видим: Парай-Кошиц, держа шашку под-высь, подбегает к знаменщику и ведет его нагонять уходящую роту. КОНФУЗ...

Попробуй написать такой случай воспоминаний... Какой гвалт подымется... Знамя "бросили"...

Вероятно дело было так: знаменщику недостаточно ясно объяснили в каких случаях его передвижение при отдельных специальных командах, относящихся только к нему, и когда он исполняет общую команду, а может быть он плохо понял и думал, что его поведет или адъютант или ротный командир.

Об уставах мы имели очень и очень ограниченное представление.

Посещение корпуса Великим Князем Константином Константиновичем, в Декабре 1914 года, ничем ярким, кроме страха, у меня лично не запечатлелось. Мы были в третьем классе и сидели на вечерних занятиях, когда Великий Князь вошел в класс. Кто Его сопровождал, не помню, - только помню, как проходя мимо меня (я сидел на первой парте), Великий Князь взял меня обеими руками за голову и, подняв мне голову, сказал: "Засмейся!".

Я так струсил, что Вел. Князь махнул рукой, пошел дальше, и это чувство страха осталось во мне во всё время Его пребывания в корпусе.

О посещении Государем Императором в Феврале 1916 года осталось только то, что корпус выходил со знаменем для встречи и стоял на пути следования, но я в строю не был, так как в этот день был, как говорили тогда: "без воздуха".

Затем корпус был собран в зале I-й роты. I-я и 2-я роты стояли с одной стороны зала, а 3-я и 4-я напротив.

Вошедшего Императора встретили пением: "БОЖЕ ЦАРЯ ХРАНИ" и "ГЕЙ СЛАВЯНЕ".

Дирижировал преподаватель пения со скрипкой в руках. Его фамилии не помню, т.к. он заменил обычного регента Ризенко, который в этот момент отсутствовал. Что говорил, и говорил ли вообще Император, не помню.

Вот всё, что сохранила память, да и за точность ручаться трудно... Прошло 50 лет и быть может что-либо исказилось в памяти или спуталось с чем-нибудь, что было позже.

9-го Марта 1964 года.

В письме к Заводову, вот что Бугреев пишет:

Не кажется-ли тебе, что, как курьез, был случай с Фиолетовым.

Ты, вероятно, помнишь, что когда мы были во втором классе, то корпус посетил Нач. Военно-учебных заведений Генерал Забелин. Он зашел на урок в наше отделение, на какой урок не помню, и сел рядом с Фиолетовым на его парту. Открыл парту и в ней обнаружил съестные припасы Фиолетова, которые и извлек оттуда, завернув их в находящуюся в парте салфетку. Если не ошибаюсь, Трещенков сидел на соседней парте и быть может он помнит подробности этого случая.

Вспоминается еще, в бытность нас в 4-м классе, приезд Генерала Сандецкого. Здесь что-то у меня путается: тогда, как помнится Полтава попала в ведение Московского военного округа и поэтому Ген. Сандецкий был в это время Начальником его, а с Апреля месяца, по воспоминаниям Наумова указано, что в 1916 году Нач. Московского округа был Ген. Мрозовский.

Ген. Сандецкий был у нас в Феврале или в начале Марта. Он был в сюртуке мирного времени, вошел, поздоровался, прошел по фронту, рота была выстроена в коридоре, приказал повернуть роту направо. Скомандовал потом: ШАГОМ МАРШ и, остановив роту, поблагодарил и ушел.

Хорошо помню ответ Подполк. Шереметова, на вопрос: "Зачем Генерал это сделал?" - "Генерал проверял, делает ли рота уставные 120 шагов в минуту".

Что Генерал проверял в других ротах, не знаю. Караченцев был в это время во 2-ой роте, быть может он помнит, что произошло у них, быть может кто-нибудь есть, кто был в 15-16 годах в четвертой или первой ротах.

Вспоминается рассказ институтки Полтавского Института, о том, как четыре кадета проникли весной в сад, где гуляли институтки и, когда они были обнаружены, Начальница послала служителей задержать их. Чтобы выбраться из сада, надо было перелезать через забор. Во время перелезания у одного из кадет штык вывалился и попал в руки преследующих. В общем - попались... Этот случай был весной 1913 или 1914 года.

Сегодня звонил мне Попов, и я просил его написать о своих воспоминаниях о корпусе, а также попросить отчима его жены Мартиненко (вып. 14 года), который живет сейчас в Америке, тоже написать. У Мартиненко есть о чем писать, так как он взял приз за гимнастику и, вероятно, помнит эту церемонию.

Попов обещал сделать и то и другое.

(Ничего не получили. Редакция).

Относительно брата, постараюсь его уговорить, но вряд-ли из этого что-либо выйдет, т.к. о корпусе у него воспоминания очень тяжелые. Ему пришлось испытать на себе "Сталинские методы", задолго до появления самого Сталина.

Брат не любит об этом говорить, а когда это случилось, мне было лет 7 или 8 и в памяти у меня осталось немного. Узнал я много позже, когда остался на второй год в 6 классе и попал в отделение к Подполк. Зиолковскому, который сказал, что брат был хороший, тихий кадет, учился без неудовлетворительных баллов (видимо в числе последних успевающих в отделении -Примеч. мое-), но ему было приказано представить определенное количество кадет для увольнения из корпуса и что в число этих,попал и мой брат.

Я слышал, что Директор корпуса, Ген. Потоцкий, был человек чрезвычайно добрый и строгих наказаний никогда не накладывал. Говорил, что кадеты - дети, что все мальчики шалят, ленятся, но, что когда вырастут, то сами исправятся, поймут, что шалить нельзя и потому их карать сильно не надо, чтобы не огорчать светлого детства. Видимо, это так и было, ибо Директор Ген. Потоцкий был уволен и на его место был назначен Полковник Попов (впоследствии произведенный в Генералы).

Я в каком то журнале читал о том, что Полк. Попов был замечен Вел. Князем Константином Константиновичем, как выдающийся начальник и что он, впоследствии, был назначен Директором Полтавского корпуса, так как последний был в плохом состоянии.

В то время, когда стало известным о предстоящей перемене Директора, кем то из кадет было написано стихотворение, часть которого удержала память:

Комитет во всем разгаре,
Громко спорят и шумят,
Дуют чай без перерыва
И без толку говорят:

"Сбавить балл за поведенье !
Нет!.. на Пасху задержать !
Исключить из заведенья !
В отпуск больше не пускать !"

Ничего не понимая,
Чай Потоцкий пьет,
Генерал приедет новый -
Он их лучше разберет.

И приехал ... и началось восстановление должного порядка. Мера была суровая и радикальная. Перед окончанием учебного года было уволено сразу более СТА человек (кажется 104).

Но, т.к. достойных попасть в это число выбрать было трудно, то было дано определенное количество на каждый из классов: для старших классов - больше, для младших - меньше. Пострадали, главным образом, 7-ой, 6-ой и 5-ый классы. Кажется мало вероятным, но это так и было, и оправдание законом предусмотрено, т.к. в дисциплинарном уставе есть параграф, что для пресечения непорядка, взыскания могут быть усилены.

А так как семья у нас большая, и в то время только один старший брат был офицером, то можно себе представить, что пережил брат, ложась лишним бременем на пенсию отца, плюс - удар по самолюбию: вышибленный из корпуса.

Правда, он вышел из положения: сразу поступив служить маленьким чиновником и вместе с тем сел за книги, чтобы подговиться к поступлению в военное училище, что ему и удалось, потеряв один год против своих одноклассников.

Генерал Попов был Директором года четыре и вышел в отставку. Жил в Полтаве и, хотя портрет его и висел в приемной комнате, но я не помню, чтобы он появлялся в корпусе 6-го Декабря.

Во всяком случае "и разобрал, и порядки навел".

Вспоминаю отрывки из стихотворения, написанного кадетом Короленко (вып. 1917 года) на постановку памятника ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ в корпусе 6-го декабря 1915 года. ("камешки в огород Полк. Ромашкевича"):

И воспитатель и кадеты,
Скривив убылкою уста,
Спешат спросить, забыв приветы:
"Когда-ж увидим мы Петра ?"

И вдруг, о радость.. о спасенье..
Прислал депешу Адамсон:
Шлем монумент без замедленья,
Готовьте место и прием.

Петру, в прихожей место дали,
Достойно встретили Царя:
Среди калош и прочей дряни -
Стоит могучу длань простря.

А. БУГРЕЕВ

Памятник Петру Великому, который стоял в корпусе, стоит теперь перед входом в музей на Шведской Могиле.

С.П. КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ (1924 Ген. выпуска)

ИЗ ДАЛЕКОГО ПРОШЛОГО

1914 год. Начало Ноября. С опозданием на два месяца, я впервые появляюсь в стенах Полтавского корпуса, а именно в третьем этаже в 4-ой роте. Это небольшое опоздание из-за болезни (операция грыжи), сразу-же, с первых моих шагов, как только закрылась за мной дверь, отразилось на моем существовании, по крайней мере, на последующие полгода.

Не успел я еще опомниться и пройти 20 шагов, как услыхал отчаянные крики: "Новичек ! новичек ! зверь ! зверь !", и сразу же был окружен целой толпой, таких же зверюшек, каким был и сам. От гама, тумаков и щипков я растерялся и потерял несколько драгоценных минут, за которые получил не один щелчок. Но за этот же промежуток времени, я вспомнил наставление моего старшего брата, который прочел мне целую лекцию, в одно из последних воскресений, перед моей отправкой в корпус, как нужно себя вести и защищаться.

Все его слова промелькнули в моей голове в одну секунду, и во мне проснулся остервенелый зверёныш, которому грозит опасность, а подмоги ждать не откуда. Весь мой страх, всё мое отчаянье и боль, от полученной трёпки, вылились инстинктивно, немедленно в действие, и в то же мгновение, мои кулаки начали действовать с молниеносной быстротой направо и налево, не видя, что они делают, т.к. глаза были закрыты, а рот выкрикивал какие-то звериные звуки.

И, когда только руки почувствовали небольшую вокруг себя свободу, я приоткрыл глаза, чтобы оценить положение вещей. Но не успел я как следует осмотреться, как получил такую затрещину и толчёк плечом в бок, что очутился на полу с какой-то обезьяной на мне, которая начала награждать меня тумаками.

Ну здесь, уже действительно катались по полу два зверёныша, сцепившиеся друг с другом, и чем бы окончилось мое крещение, не знаю, во всяком случае я вышел из него непобежденным, так как мой неприятель, так же как и я поднялся от неожиданного грозного окрика: "Встать!" с такими же синяками, как и я.

И, о ужас! Поднявшись кое-как на ноги, в растерзанном виде и разукрашенный всеми цветами радуги, я с моим противником, предстали перед холодными глазами дежурного офицера, капитана Чепурковского.

От только что пережитой травли и серьезного поединка, на мою голову, новичка, свалилась новая беда в грозных словах капитана: "Не успел еще явиться дежурного офицеру, как уже подрался и делаешь безпорядки... Ты зачем его трогал?" (Это моего-то обидчика... но, помня наставление моего брата, не поддевать, а лучше реви и ни гу-гу, мой мозг усиленно работал над тем, что бы такое смолоть, чтобы выиграть время и, отчасти, безсознательно, я выпалил Фоксу : (Впоследствии я постиг прозвище капитана Чепурковского) - однозвучную букву: "А А А", и это то А и спасло меня от могущих произойти неприятностей в моем последующем житье-бытье.

Это А, так ошеломило Чепурковского, что он даже несколько мгновений ничего не мог произнести, и только через минуту, уничтожая меня своим взглядом, он гаркнул: "Это еще, что за новость ? Что это еще за А? Ах ты, гусь лапчатый! Марш под часы и подумай там, как нужно отвечать воспитателю. Да и ты иди с ним за кампанию (это уже по адресу моего противника) и поучи этого гуся, как надо себя вести.

Под смех всех окружавших, да и самого капитана, мы, Денежников и я, с ворчанием друг на друга, отправились под часы, - вернее, впереди шел Денежников, мой противник, а сзади плёлся я. Для меня это было еще ново и я не знал, что это за птица "под часы".

Вот так произошло мое первое крещение в стенах родного корпуса, которое я выдержал хорошо, и жизнь моя, вернее осваивание с порядками и товарищами, начал постепенно входить в нормальную колею.

Бывали, конечно, и позднее схватки, но ко мне уже относились с опаской, знали, что могу ответить. К концу полугодия, я уже сам давал тумаки тому же Денежникову-мартышке, с которым я уже сидел на одной парте.

Кто из нас не помнит наш плац, на котором мы всегда гоняли, кувыркались, давали друг другу затрещины и играли во все, по возрасту полагающиеся игры.

Когда же подрастали, то восседали на заборе против Старицкой женской гимназии и занимались критикой старичанок, а гимназистов-Дворянцев просто обкладывали.

Так вот, на этом самом плацу, после летних каникул, как и всегда, мы проводили после-обеденные часы.

В одну из этих прогулок, я решил проделать вылазку домой, благо, что жили мы недалеко, против Виленского военного училища, на Коломийской № 8. Два шага до дома и сад со всевозможными фруктами в моем распоряжении, а главное было то, что потянуло меня побежать домой, это то, что я не отвык от дома после каникул, уже окончившихся.

Совершить "самодрал", всё-же вызывало одну минуту страха, ибо нужно было пролезть через дыру в заборе при полуоторванной доске со стороны Коломийской и Фабрикантской улиц, и я сразу же находился, так сказать, в своем углу.

Задумано - сделано. Бегая по плацу, я прибежал к своему углу, осмотрелся и шмыгнул в отверстие в заборе. На улице же, приняв степенный вид, пошел к своему дому.

Всё сошло благополучно, не считая только разве укора матери, что так делать нельзя. После обыденных поцелуев, я был прощен и выклянчил у мамы, чтобы она ни гу-гу моему брату, перед которым я имел определенный респект.

Наевшись всяких сладостей и наполнив карманы запасами, довольный, как налокомившийся зверёк, я побежал в припрыжку, озираясь по сторонам, обратно к забору. Подбегая к углу улиц против плаца, на мое несчастье, я увидел сидящую с корзиной семечек нашу общую квартальную знакомую, таких лет, как и я, Нину, у которой мы всегда пополняли свои карманы семечками.

Остановившись перед ней, я стал приставать к ней, чтобы она дала мне семечек, но к моему великому огорчению и негодованию, несмотря на мои уверения, что я принесу ей две копейки завтра, кредита я не получил и на все мои доводы, она расхохоталась и пропела в ответ:

"Кадет, кадет,
"На палочку надет,
"Палочка трещит,
"А кадет пищит."

Этот диалог превзошел все мои ожиданья и привел меня в ярость. Забыв, что нахожусь еще на улице, я перешел от слов к действиям и со словами: "А, так... ты мне семечек на даешь? Так и получай!", и в то же самое мгновение, моя нога толкает корзинку и переворачивает содержимое на землю, а я сам, со смехом, бросаюсь к плацу.

Довольный отомщением за нанесенное мне оскорбление, я уже высматриваю удобный момент, чтобы шмыгнуть в свою лазейку, как вдруг, слышу над своим ухом "трубный голос": "Зверь! Как Ваша кличка?". Поднимаю глаза к небу и, о ужас!.. передо мной стоит туша, в которой я узнаю благородного корнета Джунковского. Все мое спокойствие и радость от удачной моей вылазки из меня в одно мгновение вылетело, и я смог только пробормотать: "Кисель..". Благородный же корнет мне на это только и пропел: "Пулей! на плац!".

Остаток моего похождения прошел благополучно, но последствия его сказались на другой же день. Утром мы выходим на короткую утреннюю прогулку перед зданием корпуса по тротуару. Там мы уже застали I-ую роту. Гоняясь друг за другом, я вдруг наскакиваю на картину, которая заставила меня и всех забыть всё : перед моими глазами скачет благородный корнет Джунковский и на ком же вы думаете? ... На ком?.. на моем собственном родном брате.

Мы, зверьё, так и прыснули, но сразу же опомнились, зная, что сме... чки не пройдут даром,но в частности мне всё это гладко не прошло, ведь брат-то был жертвой вечерней и платил за мои выходки.

После завтрака я имел удовольствие видеть брата, который явился сам меня проведать и, конечно, наставил меня по братски.

Все эти маленькие эпизоды из нашей кадетской жизни промелькнули перед моей памятью и, вспомнил я их смеясь. Они оставили во мне самое хорошее и теплое воспоминание о далеком прошлом.

Благодарю корпус, моих сверстников и однокашников, что в свое время учили нас, зверьё, почитать и уважать традиции и старших: чем больше внушений мы имели, тем лучше получались результаты.

С. П. КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ

Докторъ Н.А. КАРАЧЕНЦЕВ (вып. 1918 года)

ТРИ ПЕРИОДА...

(Годы 1911 - 1918)

Смерть моего отца, убитого в 1909 году при исполнении служебных обязанностей, дала моей сестре и мне право на получение образования на казенный счет, причем, она могла быть принята в любой Институт Благородных Девиц, а я, в любой Кадетский корпус, включая и Пажеский. Пажеский корпус был далеко, в столице и стоил дорого. Мать, жившая в то время в Чугуеве, не только из-за денежных расчетов, но и по многим другим соображениям, остановилась на Полтаве - там были и Институт и Кадетский корпус.

Полтава, губернский город, утопавший в зелени, была исторически связана со знаменитой Полтавской битвой и с именем Великого Преобразователя России, Императора ПЕТРА I-го.

В городе, перед кадетским корпусом, в центре Круглого сада, мою мать и меня встретила величественная колонна памятника Славы.

Переступивши порог корпуса и войдя в большой вестибюль с колоннами, любой посетитель, особенно после 6-го Декабря 1915 г., сразу же проникался царящей атмосферой:

- в глубине, в правом углу, во весь богатырский рост, находилась статуя Петра Великаго. С грозным видом, Он, перстом левой руки, на что-то указывал;
- из вестибюля, поднявшись по одной из боковых лестниц на первую площадку, можно было увидеть с одной стороны огромный, во всю стену, план Полтавской битвы, а с другой - Петра Великого, окруженного своими любимцами;
- и можно было прочесть исторические слова Петра, выгравированные золотыми буквами на белой мраморной доске над входом в Церковь, на церковной площадке. второе название той же площадки.

"А о Петре ведайте, что жизнь Ему не дорога,
жила бы только Россия, благочестие, слава
и благосостояние Ее",

и ясно было, в каком духе происходит воспитание кадет в стенах этого корпуса.

В день приезда новичков в корпус, вероятно всегда можно было наблюдать одну и ту же картину: вестибюль наполнен офицерами, дамами, детьми и штатскими родственниками.

Будущих кадет, на первый взгляд можно было разделить на три категории:

- Мальчики со слезами на глазах или просто ревевшие, что вызывало слезы у почти всех их мамаш, но ироническую и снисходительную улыбку у отцов;
- Стеснявшихся слезами матерей. Эти старались держать себя подальше от юбок и смотрели на своих мамаш изподлобья или с укором;
- Наконец тех, которые имели в корпусе уже либо братьев, либо родственников. Это были самые смелые и бойкие: они сгорали от желания, как можно скорее одеть форму, ту, которую с гордостью носили их родственники. Им все казалось, что время тянется нестерпимо медленно. Их мамаши держали себя уверенно и оживленно разговаривали с другими дамами.

Моя мать и я представляли из себя редкое исключение: мы, волею судеб, попали в среду нам мало известную, но, лично меня, эта среда сразу же очаровала, потянула к себе и во мне буйно вспыхнуло желание её познать, как можно скорее слиться с ней, чтобы так же просто, но гордо и красиво носить форму корпуса и отдавать безукоризненно честь офицерам, как только что проделали это проходившие мимо кадеты. Пока-же, от моего пытливого взора не ускользали ни жесты, ни манера себя держать присутствующих офицеров, дам, кадет и штатских.

Настал момент, когда нас стали вызывать, громко произнося фамилии. Я наскоро поцеловал в щеки маму и, как только моя фамилия была произнесена, почти бегом явился перед офицером, меня вызвавшим.

Нас повели в предбанник, и нам было сказано, что деньги и часы (у кого таковые были), должны быть сейчас же сданы нашему офицеру-воспитателю, после чего мы попали в руки Каптенармуса, который, опытной рукой, в несколько секунд, каждого отделывает под машинку, т.е. стрижет под третий номер.

Затем было сказано, чтобы раздеваясь, мы должны аккуратно сложить нашу домашнюю одежду, связать ее данной веревочкой в пакет, для передачи родным после бани. Дали по кусочку мыла и МАРШ в баню.

Баня была большим помещением с маленькими, высоко-сидящими, окнами и освещена электрическими лампочками, под самым потолком. (Корпус имел свою собственную электрическую, хорошо оборудованную станцию). Скамейки в середине и вдоль стен. Медные тазы, медные краны с горячей и холодной водой. Мойся, как умеешь.

В глубине находилась парная комната с широкими ступеньками, позволявшими, для непривычных, медленно подняться до платформы, почти под потолком, обдаваемой струями пара. Парься, если хочешь, но это удовольствие придет лишь позже, с годами.

Начинаем выходить в предбанник, но там, прежде чем нам дать полотенца, неожиданная проверка: хорошо-ли вымылся? Многим пришлось вернуться обратно, а некоторым и два раза.

Вымывшимся и вытершимся полотенцами пригоняется наскоро белье и кадетская форма.

В приемной корпуса я уже заметил, что кадеты носили сильно натянутую к низу и собранную сзади белую рубаху, которая не спускалась более 15-25 сантиметров ниже сильно затянутого черного пояса.

Рубаха, которую я получил доходила мне почти до колен. Собрать ее складками сзади было совсем легко, но как я ее не собирал под пояс, чтобы уменьшить ее длину, она при каждом движении вылезала то кверху, то книзу. Лишь немного позже я постиг всю премудрость: она должна была быть внизу подшита. Это по правилам не разрешалось, но проделывалось почти всегда в отпуску мамашами кадет по их просьбе.

А так как всё корпусное обмундирование кадета носило его ранжирный номер, то после моек, это было почти незаметно и "тон" был соблюден. Затем быстро и сами научились подшивать.

Пока что, суть да дело, построили нас наскоро и повели в вестибюль корпуса на лицезрение наших родных. Предстали мы пред их очами обстриженные, облаченные в форму корпуса с пакетами, нам больше ненужного одеяния. Конечно, каждый искал глазами своих.

Мама встретила меня с милой улыбкой и поцеловала в обе щеки, мое радостное личико.

Но всему есть конец, и повели нас затем по лестнице во второй этаж (по-русски), повернули налево и мы вошли в коридор нашей 4-ой роты.

Там второклассники встречают нас неистовыми криками:

"Зверь! зверь! звери! сугубцы!"

Для меня не был вполне понятен смысл этих эпитетов, но я, с детской чуткостью, уловил, что в них скрывается какое-то презрение, насмешка. Но почему? мелькает у меня в голове. Кто мне ответит на мое недоумение? Кто объяснит? Но эту мысль я сейчас же отбросил: чего доброго за "невежество" смогу стать посмешищем... Самое лучшее найти самому ответ на все эти вопросы, возникшие в моей голове.

Я попал в первое отделение первого класса, воспитателем которого был капитан Чеботкевич. Два наших класса и два второклассников составляли четвертую роту. Всех нас было около 125 кадет.

Первое, что нам нужно было запомнить, это чин и фамилию Офицера-воспитателя, Командира роты и Директора корпуса.

Рота строилась по отделениям, второклассники на правом фланге, а затем наши, первое и второе отделения. Впервые нас построили, чтобы идти в столовую. Если всё хорошо шло у второклассников, хотевших показать себя настоящими военными, то у нас, во второй шеренге, нашлись уже такие проказники, которые, когда воспитатель не смотрел на них, наровили ущипнуть или ударить ногой впереди стоящего, принимая немедленно самый навинный вид: "Моя хата с краю, ничего не знаю".

В строю любое движение заметно, получивши удар или щипок, жертва невольно повернется и этим привлечёт на себя внимание воспитателя и получит выговор. Если же "невинно-виноватый" попытается оправдаться, то уже получит громкий окрик:

"Из строя - не говорят!"

"Поддёва... Поддёва..." шипит тихо проказник, уже знавший эту презрительную кличку от старших братьев или родственников.

Для первого раза дежурный воспитатель сам произвел расчет по столам, идя вдоль строя и считая вслух: один, два, три, четыре, пять - стол и т.д.

В дальнейшем этот расчет по столам делал дежурный кадет - второклассник.

"Смирно!" - Приказание ясное, понятное, легко-исполняемое сразу воспринимается, но уже следеющее: "Напра...во!" вызвало короткую неразбериху из-за "неграмотности" новоиспеченных первоклассников.

"Шагом ... марш! Левой! Правой! Левой! Правой!..." и мы двинулись в столовую. Там наши воспитатели следили за нами и старались сразу же выяснить, кто умеет себя держать за столом и кто нет. Последним сыпались замечания и долгое время им пришлось быть на чеку.

Вечером, после ужина, когда настал час ложиться спать, уже измотавшиеся за этот день воспитатели, показывали нам как нужно складывать одежду, как ее укладывать на табуретку в ногах кровати. Кровати были в четыре ряда, в крайних, кадеты спали ногами или к улице, или к внутренней стене, а внутренние ногами к среднему проходу.

Камин с внутренней стороны и киот с наружной, делили спальню на 4 отделения, соответствующих четырем отделениям роты. Камин и лампада киота давали ночью мягкий и слабый свет.

Моя кровать находилась в ряду с окнами. Кадетам, спавшим в этом ряду, во время больших морозов, давалось дополнительное одеяло. Я лег один из первых, но так как всё было для меня ново и меня интересовало, то, полу-лежа, я внимательно наблюдал за всем тем, что происходило вокруг меня. И вдруг грозный окрик:

"Я тебя вижу насквозь!"

Я повернул голову и увидел капитана Чеботкевича. Не понимая в чем дело, посмотрел во все стороны, но, ничего не увидя, снова на него.

"Это я тебе говорю", продолжал Чеботкевич, строго смотря на меня: "И никогда этого не забывай! Здесь спальня... лежи и не ворочайся!". Я юркнул под одеяло с чувством неожиданного и болезненного удара обуха по голове, как мне казалось, совершенно незаслуженного и оставившего надолго это неприятное ощущение.

На другой день роту построили по росту, и каждый из нас получил свой номер. Я был небольшого роста и таковым оставался до самых старших классов. В I-м классе мой номер был 104, но к 7-му классу вытянулся и мой ранжирный номер стал 37.

После обеда мы получили разрешение уйти с нашими родными в город, но с непременным условием: все наши передвижения должны происходить в закрытых экипажах. Мы еще не знали самых элементарных правил воинского поведения на улице, точных правил отдания чести и пр., из-за этого могли произойти неприятности.

Мама встретила меня с радостной улыбкой, я же был горд тем, что уже одел форму и как-бы стал настоящим военным.

Мы поехали в гостинницу, в которой она остановилась. По дороге, а затем в номере гостинницы она угощала меня пирожными и чашкой шеколада, все время расспрашивая меня до мелочей о моих первых шагах в стенах корпуса. Рассказывая ей все детали, я почему-то умолчал о том нагоняе, который получил от моего воспитателя в спальне. Лишь затем она мне сказала, что, утром, долго разговаривала с Чеботкевичем и ему оставила немного денег для меня, добавив: "Мы не богаты, не трать их зря".

Погода была прекрасная и мне очень хотелось погулять с мамой по улицам Полтавы, но мы помнили, что это пока строго запрещено. Нашли выход: извозчик вывезет нас за город, подальше от всяких встреч с начальством и военными, и там нас будет ожидать. Так как нам было всё равно куда ехать, то он нас довез до моста через Борсклу (дорога к Южному вокзалу) и там остановился. Мост, река, солнце, приятный легкий ветерок, ласковая улыбка мамы, её мелодичный голос, всё это до сих пор сохранилось в моей памяти. Для полноты картины нужно добавить, что я сам был на седьмом небе от радости. Время и всё пережитое затем, изгладили из памяти всё то, о чем мы говорили. Как всегда, в подобных случаях, время летит стрелой, настал час возвращения.

Но, едва мы сделали несколько шагов, как все наши предосторожности полетели вверх тормашками: навстречу нам, прогуливаясь, не спеша, выросла внушительная фигура генерала. На секунду я опешил, хотя отдание чести не было для меня новинкой. С детства и, особенно последнее время, живя в Чугуеве, я очень часто видел этот жест. Город был стоянкой Ингерманландского гус. п., в нем находилось Чугуевское военное училище, а рядом военный полигон, превращавшийся в муравейник во время летних военных маневров.

Но одно, после секундного сюрприза, вспомнить, что для генерала как-то останавливаются, совсем другое, это проделать самому и впервые: совершенно спокойно я остановился, как сумел и приложил руку к козырьку. Генерал с удивлением посмотрел на меня, но в этот момент к нему подошла мама и начала ему что-то говорить. Лицо генерала приняло мягкое выражение, он улыбнулся, принял мою, может быть и неуклюжую, манеру отдания чести и сказал маме: "Не волнуйтесь, сударыня, сам был таким-же", и, поклонившись ей, пошел своей дорогой.

Первые дни пребывания в корпусе были заняты раздачей книг, тетрадей и прочих письменных принадлежностей. Наряду с учеными перспективами, нас, с места в карьер, начали обучать всему тому, чему учат молодых солдат в армии: как нужно ходить, поворачиваться, останавливаться, отступать, отдавать честь, становиться во фронт, что, для меньшинства и то не надолго, было довольно замысловатым артикулом. Число начальствующих лиц, их фамилии и чины, которые мы должны были знать, постепенно увеличивалось. Ежедневно нас заставляли делать гимнастику.

В свободное время, продолжая лишь долголетнюю традицию, переданную нам второгодниками, началась между нами борьба на звание первого силача. Это не могло быть достигнутым в один день и заняло не мало недель для завоевания этого "титула". В моем отделении таковым оказался Колоколов.

Но даже в этой области можно отметить эволюцию жизни корпуса: в предшествующие года, градация "силачей" велась тщательно, пунктуально, и малыш мог, без всякой иронии, говорить о себе:

"Я двадцать третий", или "я тридцать первый" силач в отделении из 33-х кадет.

Нас подобная мелочь не привлекала; нас интересовало лишь звание первого силача и уже это одно не давало ему возможности почивать на лаврах: ему приходилось постоянно отстаивать свое положение, чтобы на свалиться со своих олимпийских высот, чего ему иногда не удавалось - временно или окончательно. Колоколов свое звание в конце концов сохранил, но это ему стоило каждодневной напряженной борьбы. Затем его обязанностью было защищать слабых.

Но уже, начиная со второй роты, началось влияние кадет, выделявшихся своими умственными способностями: выступало на сцену влияние мозгов и этот новый центр тяжести прогрессировал до окончания корпуса.

Капитан Чеботкевич назначил старшим в классе (это была официальная должность и до некоторой степени почетная) барона фон-М., а меня под-старшим, что меня удивило после того вечернего нагоняя, обрушившегося на меня в первый же день моей кадетской жизни. Он, конечно, не знал еще своих воспитанников и, вероятно, назначил барона М. старшим только потому, что он носил титул, что в те времена играло не малое значение. Меня же, вероятно, потому, что я был один из тех кадет, которому была открыта дорога в Пажеский корпус из-за смерти отца на своем посту.

Я оставался под-старшим до 6-го класса. Со старшими бедному Чеботкевичу просто не везло: Барон М. по отметкам первой четверти, оказался одним из последних в классе, поэтому и был заменен кадетом А., у которого был старший брат во второй роте, который хорошо учился и был старшим в своем классе. Он окончит корпус вице-унтер-офицером. Наш же А. был пока по учению одним из средних, с трудом он одолел 2-ой класс, а на третьем засел на второй год, получив по кадетской терминологии, майорский чин. Привлекательной наружностью ни старший, ни младший не отличались, оба были краснощеки и лопоухи.

Август 1916 года, 6-ой класс, I-я рота. На второй же день после летних каникул, Чеботкевич, произведенный уже в Подполковники, остановил меня в коридоре и, без всяких предисловий, скорей буркнул, чем сказал мне, обращаясь впервые на Вы:

"Я вас наблюдал в течение пяти лет. Назначаю Вас старшим в классе и кандидатом в вице-фельдфебеля".

"Покорнейше благодарю, Господин Полковник!"

"И поднажмите... мне будет очень неприятно, если это звание получит старший 2-го отделения".

"Постараюсь, Господин Полковник!"

"Да я и не сомневаюсь, что Вы оправдаете мое доверие".

Его доверие я оправдал, но... нашему выпуску пришлось пережить три периода:

НОРМАЛЬНЫЙ, с Августа 1911-го года по Август 1914 года, но с обновленной программой под влиянием горьких уроков войны с Японией, показавшей между прочим, что пуля далеко не дура и что вре-

мена Суворова отходят в архив военной истории, хотя бы из-за первых пулеметов и стрельбы артиллерии по невидимой цели, и немало других новшеств. Также была введена высшая математика с 1911 г.

ВОЕННЫЙ, с Августа 1914 года по 25 Февраля 1917 года.

Многие из кадет имели на войне убитыми отцов, родственников и братьев, что, конечно, не могло не отразиться на ускорении развития нашей зрелости и установить более серьезное отношение к происходящим событиям. До нас уже доходили вести с фронта о страшном и губительном пулеметном огне, о тех мерах, которые принимаются на фронте для защиты воинов от могущественного огня артиллерии: устройстве окопов с блиндажами. Вместо красивых цветных форм былых войн, уже с Японской войны, но особенно теперь форма защитного цвета с обесцвеченными погонами была введена на всех фронтах.

Мы уже понимали, что для этой войны нам понадобятся совсем другие знания, чем те, которые были в силе в Японскую войну.

С первого же года войны, перед каждым отъездом на каникулы, Подполк. Чеботкевич нам говорил о положении на фронтах. Делал это он довольно обстоятельно и, для наглядности, вычерчивал цветным мелом линии фронта на большой географической карте, повешенной на черной доске.

"Вам могут задать вопросы о войне", говорил он нам: "Необходимо, чтобы вы знали, что и как ответить". И не раз он был прав, многим пригодилась его предусмотрительность.

6-го Декабря 1915 г. состоялось открытие памятника-статуи Петра Великого, поставленного в вестибюле. Роты продефилировали перед памятником, справа и слева которого стояли по одному вице-унтер офицеру, держа винтовки на краул по ефрейторски. Это были Дубовик и Чашинский, замечательные своим физическим сходством.

В Феврале 1916 г. Государь приехал в Полтаву и посетил корпус два раза: утром и после обеда. Утром он прошел по ротам, был в лазарете, а затем в зале 4-ой роты, где собралось много раненых офицеров, находившихся на излечении в госпиталях Полтавы. Он долго оставался с ними.

Император был в защитной форме Полковника, имел вид осунувшегося, уставшего и, видимо, чем то раздраженного.

То, что нам, 2-ой роте Он сказал, был скорее, если не нагоняй, то суровое напоминание о том, чего Он и Родина ждут от нас.

Вот, приблизительно, в чем оно заключалось:

"Я знаю, что вы горите желанием, как можно скорее попасть на фронт. Об этом свидетельствуют многочисленные побеги кадет в район действующей армии. Я не сомневаюсь, что там каждый из вас вел бы себя героем... но Родине этого пока... не нужно ! Всех бегунов вернули и будут возвращать в их корпуса. Родина ждет от вас более высокой и более ответственной работы, к которой вас начали готовить с первого класса. Ваше место здесь до тех пор, пока вы не закончите и ваше образование и вашу военную подготовку, которые дадут вам зрелость умственную и физическую. Но если-бы вы понадобились Родине раньше этого срока, Я первый вас призову. Пока-же, вы должны с усиленной энергией продолжать развиваться в стенах вашего корпуса. Всё прийдет в свое время !"

Меня лично, и я уверен, что и многих других, если не всех кадет, слова Государя не могли убедить в необходимости такого нелепого и психологически позорного наказания, как болтаться, в течение месяца или больше, без погон на левом фланге роты тем кадетам, которые пытались попасть на фронт. Причем, они были в рубахах, когда мы были в мундирах и наоборот.

Их порыв не заключал ничего позорного ни для них, ни для кадетских погон, они были и оставались нашими маленькими героями. Не их вина, что у них не было возможности, как у Парай-Кошица (племянника командира I-ой роты), или как у Пузанова, поехать к их отцам на фронт на время летних каникул в 1915 году и вернуться оттуда с Георгиевскими крестами.

Младше их на год, Модзалевский, сидевший со мной не раз на одной и той же парте, был третий кадет, получивший Георгиевский крест 4-ой степени.

Полтавцы должны помнить, что церковная дверь для посторонних была на первой площадке боковых лестниц, а против нея, по прямой линии, находились: сначала вход на междуротную площадку I-ой и 4-ой рот, а затем с площадки дверь в зал I-ой роты. Направо и налево от этой двери были окна, дающие днем достаточно света на междуротную площадку, на стенах которой висели мраморные белые доски с именами Полтавцев Георгиевских кавалеров.

В зале, против двери, на стене со стороны улицы висел портрет Императора Николая II-го во весь рост. Он был в форме Преображенского полка в широких шароварах и сапогах. Этот портрет был работы нашего преподавателя рисования Василия Алексеевича Волкова.

После обеда, для встречи Императора, батальон кадет был выстроен в зале I-ой роты, пол батальона налево, пол - направо.

Войдя в зал, Самодержец, посмотрев на свой портрет, остановился около него, затем повернулся к нему спиной.

Невольно мои глаза переходили с одного лица на другое: Его усталость и осунувшийся вид были еще больше подчеркнуты. На портрете Он был в форме мирного времени, а теперь в защитной.

Часть Его свиты и раненые офицеры заполнили междуротную и церковную площадки. Встретили мы Монарха гимном, который пели стройно и с подъёмом. Прослушав гимн, Он нам сказал:

"Я уверен, кадеты, что в такое тяжелое переживаемое всей Россией время, вы будуте продолжать Меня радовать своим образцовым поведением и успехами в науках. До свиданья, кадеты !"

"Счастливого пути, Ваше Императорское Величество!", вырвалось громко, четко, как один из груди пятисот кадет.

Едва Император вышел на междуротную площадку, как Генерал Клингенберг сделал I-ой роте условный жест рукой и вот, 125 здоровых и крепких юношей-кадет бросились, чтобы вынести на руках их Царя к автомобилю. Все сразу не могли проникнуть через относительно узкую дверь, поэтому, многие, не долго думая, бросились к окнам на междуротную площадку и они разлетелись вдребезги, осыпав осколками присутствующих раненых офицеров.

Сюрпризом и легкими дополнительными ранениями некоторых, они не отделались: прыгающие через окно кадеты их смяли, оттиснули, сдавили, а некоторых и опрокинули, чтобы прорваться к выходу.

Императора Кадеты с криками Ура вынесли из корпуса на руках и посадили в автомобиль. Окруженный кадетами, автомобиль начал медленно двигаться.

Февраль месяц, мороз, разгоряченные кадеты были лишь в мундирах и им пришлось подчиниться приказу директора, оставить автомобиль.

Государь Император, улыбаясь, помахал им рукой в знак последнего привета.

Во время парада 6-го Декабря 1916 года, вместо Подполковников Бужинского и фон-Кноринга, при знаменщике вице-унтер-офицере Безпалове, впервые в истории корпуса, ассистентами при знамени были Георгиевские кавалеры: Парай-Кошиц и Пузанов.

Конечно, такое редкое явление в стенах корпуса, как присутствие кадет с Георгиевским крестом на груди, не могло не вызвать восторга и энтузиазма среди их товарищей.

А что-же должны были переживать те маленькие кадеты, которых больше года тому назад, так нелепо и оскорбительно наказали за их порыв попасть на фронт ?

Теперь, пятдесят лет спустя, невольно думаешь - кому из высших руководителей нашего воспитания, могла прийти в голову такая нелепая и идиотская мера наказания.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД, с 25 Февраля старого стиля 1917 года.

Его постепенные этапы всем известны: отречение Государя 3 Марта, Милюковщина,Керенщина, Главковерх Прапорщик Крыленко, немецкий "подарок" запломбированного вагона с Лениным и его сподвижниками для углубления "бескровной" революции и их октябрьский захват власти в Петрограде, и т.д.

В революционный период мы вошли юношами политически абсолютно неподготовленными. Нам совершенно были дики и непонятны требования взбунтовавшихся и обалдевших солдат:

"Ни анексий! ни контрибуций? ни Константинополя!"

Что за тарабарщина, когда война еще не кончена? При чем тут Константинополь и всё остальное, когда необходим национальный подъем и новые усилия, чтобы довести войну до победоносного конца?

Малейшее непочтительное выражение по адресу отрекшегося Императора вызывало у нас глубокое возмущение. Нам оставалось так же непонятным, что не нашлось ни одного генерала, чтобы пресечь в корне разрастающуюся разруху и хаос.

Мы остро чувствовали лишь одно: Родина в опасности, мы Ей нужны, Она может располагать нами, как и в прошлом, о чем свидетельствуют черные мраморные доски в нашей церкви с именами Полтавцев, павших на многих полях брани.

Но кто нам укажет, как и когда применить нашу силу ?

Пока что, внутренняя жизнь корпуса шла своим чередом.

Уже больше года, сначала в первом отделении 6-го класса, а теперь следовательно 7-го, появился новый воспитатель Подполковник Васильев, заменивший ушедшего на фронт Подполковника Эмниха. Это был блестящий фронтовой офицер, принужденный покинуть Армию иза-за тяжелого ранения в ногу. Ходил он опираясь на палку.

Охотно и умело он рассказывал нам эпизоды из жизни на фронте, и мы жадно его слушали. Ему то и пришлось быть свидетелем и принять участие в событии, происшедшем в стенах корпуса, в первой роте, 6-го Марта.

Жаль, что об этом дне нет с десяток воспоминаний, что позволило бы дать более точное описание о происшедшем. Ведь прошло уже 48 лет, а за это время, в ненормальных условиях, было затрачено столько сил и энергии для достижения положения на чужбине, что не удивительно, если детали, а они очень ценны, покрылись туманом.

Поэтому, не претендуя на безупречное изложение, вот что произошло:

- Это был уже 9-ый день революции.

- Наши нервы были достаточно взвинчены, причем, большинство переживало события в одиночку, редко маленькими группами, не превышавшими трех, четырех кадет,

-Огромная толпа солдат в перемежку со штатскими и бабами, заполнила не только всё пространство перед корпусом, но и часть прилегающего Круглого сада,

- Были ораторы, в общем - толпа митинговала и возможно с какой-то предвзятой целью собралась именно перед зданием корпуса,

- О чем там они разглагольствовали, нас не интересовало, но их присутствие и их галдеж лишь больше натянули наши нервы, и возникло подсознательное желание у многих: их разогнать,

- Затем это перешло в более практическое решение: разогнать их предварительно, или просто прорваться к Виленцам и предложить им забыть все прошлые трения между нами и присоединиться к нам для восстановления порядка в городе,

- Но это был лишь какой-то подготовительный процесс, нуждавшийся в искре для взрыва,

- Это должна была быть Суббота, или какой-нибудь отпускной день, скорей до обеда, т.к. часть кадет уходила в отпуск и решила выйти из корпуса не по одиночке, а вместе,

- Когда они появились на перроне корпуса, на них посыпались угрозы расправы и самая отборная брань,

- Возмущенные, они прибежали в роту, и их появление и их вид, вызвали тот недостающий толчек, которого не хватало для решительных действий,

- Кадеты роты не были все вместе, а в разных местах помещения, поэтому, за тот короткий срок времени, прежде чем рота начала строиться для штыковой атаки, чтобы пробиться к Виленцам, отдельными группами и не в одно и то же время, они присутствовали при разных фазах этого события, а потому у многих запечатлелись разные моменты,

-Когда раздалась команда В РУЖЬЕ, она была подхвачена и повторена некоторыми именно потому, что кадеты были в разных местах помещения,

- Следовательно многие не видели вернувшихся кадет и пока не знали, что произошло,

- При той переживаемой нервной напряженности, команда В РУЖЬЕ нашла немедленный отклик,

- Кадеты начали спешно надевать мундиры, пристегивать подсумки, разбирать винтовки примкнув штыки и строиться в коридоре,

- Раздалась первая команда вице-фельдфебеля Михайлова, затем последующие и рота повернулась, чтобы итти к выходу,

- Следующий момент имеет две версии:

а) Подполковник Бужинский, упершись ногами в притолку двери, а спиной в противоположную, крикнул: "Опомнитесь!.. что вы делаете?.. Не пущу... Что вы!.. с ума сошли?" (Сабо),

б) Подполковник Васильев, у выходной двери, опираясь на свою палку, выхватил револьвер и, приложив его к своему правому виску, спокойно, но громко произнес: "Только через мой труп вы перейдете".

Первые ряды кадет опешили и остановились; кто то из них бросил свою винтовку, которая с громом прокатилась вдоль коридора.

И, кадеты опомнились, медленно разошлись, поставили винтовки в козлы, но затем, все заревели, как дети...

И ставится вопрос: не было-ли действие этих двух офицеров в один и тот же момент у выходной двери? Один, был дежурный, а другой случайно находился в роте?

Тогда возможен и ответ: разгоряченные и затуманенные в то же время головы кадет, позволили одним слышать и видеть Подполковника Бужинского (Сабо), другим - Подполковника Васильева (Кохановскій, Караченцев), третьим - лишь шум и прокатившуюся винтовку, четвертым - Подполковника Васильева и брошенную винтовку (Караченцев), и т.д.

Если я не помню к кому, за то хорошо сохранилось в памяти, что я прошел в лазарет, чтобы поставить в известность больных кадет роты о случившемся. В палате случайно находился один из фельдшеров. Из-за политической неграмотности, мне и в голову не могло прийти, что кто-либо из персонала мог смотреть на событие иначе, чем мы и не разделял-бы наших переживаний.

Поэтому, присутствие этого фельдшера не вызвало с моей стороны никаких мер предосторожности, и я начал рассказ о только что пережитом ротой и мною. Это очень заинтересовало этого фельдшера, но, по вышеизложенной причине, не вызвало у нас никакого удивления.

Несколько часов позже, Генерал Клингерберг нам сказал:

"Если понадобится, я первый вам скомандую: В РУЖЬЕ".

И кадеты успокоились. Они знали теперь, кто им укажет правильный путь, тем более, что мы его любили и ему верили, как верному слуге Родины.

В этот ли день, или в последующий, но Подполковник Васильев поделился с нами своими впечатлениями:

"Я видел на фронте офицеров, способных вызвать энтузиазм у солдат идущих в атаку, но такого стихийного подъема и решимости, проявленной кадетами первой роты, я еще никогда не наблюдал. Я не сомневался ни на секунду, что рота разогнала бы не только эту озверевшую толпу, но и очистила бы город от этих банд. А затем ? задал он нам вопрос: "не нужно быть пророком, чтобы знать, чем бы всё это кончилось, за отсутствием организованной поддержки извне".

Память об этом дне и, чтобы в будущем мы могли узнать друг друга, были заказаны стальные черные кольца. По техническим трудностям того времени это оказалось невозможным, пришлось сделать

кольца серебрянными и зачерненными. Внутри кольца было выгравировано:

П. П. К. К. 6 - 3 - 1917.

Говоря, что мы были политически неграмотными, это значило, что у нас не было, даже в первой роте, уроков на этот предмет. Это не мешало очень малому числу самим или в их семьях получить некоторую осведомленность.

Если Зыбин и я, довольно хорошо знали французскую революцию и римское право из книг библиотеки, то мне лично и в голову не могло прийти провести какую-либо параллель между прошлым Франции и начавшимися событиями в России, казавшимися мне, как глупейшая нелепость - да к тому же и во время войны.

Но нашлись у нас и более "сознательные": это были два неразлучных приятеля, Глазков и Дерфельден. Они спрятались, когда рота начала строиться. Сделали они это, повидимому, не потому, что струсили, а в силу их убеждений, как доказала их будущая жизнь: Глазков, это будущий министр музеев СССР, Дерфельден, живя в Париже, рассматривает наше объединение, как продолжение игры в солдатики.

Наконец, Думский, сын эконома (I) корпуса, кадет 7-го класса, вошел тайком в революционный комитет в Полтаве. Совершенно случайно, вечером, преподаватель В.А. Шевелев увидел его выходящим из здания комитета. Он сразу же вернулся в корпус и сообщил об этом директору.

Действительно Март месяц был богат событиями в нашей кадетской жизни. Думский был исключен из корпуса, но, в то же самое время, ему был выдан аттестат об окончании корпуса.

Каково же было удивление кадет, вышедших в Киевское Константиновское училище, увидев его туда поступившим. Они рассказали о нем другим юнкерам. Вскоре это стало известным и курсовым офицерам, и он подвергся всеобщему бойкоту.

Если Полтавцы окончили это училище: Сабо и Колобков фельдфебелями, один младшим портупей-юнкером, остальные старшими п.-ю., Думский его окончил простым юнкером.

На на этом не закончилось происшествие 6-го Марта: Революционная власть города получила донос и отдала приказ произвести анкету.

Ими были приняты меры предосторожности:

- Приблизительно, неделю спустя в I-ю роту явился фельдшер и доложил дежурному офицеру, что таких-то и таких кадет (всего 4 или 5) вызывают в лазарет.

- Дежурный офицер приказал дежурному кадету нас собрать и отправить в лазарет,

---

(I) 18-го Августа 1965 г., в Каннах, А.А. Скрынька мне сказал, что Думский-отец был бухгалтером. Глубоко-религиозный, он, в Югославии, принял сан священника. Там он и умер. Сабо-же продолжает утверждать, что он был экономом, что, в конце-концов, не так уже важно.

- Там нас посадили, в то время пустую заразную палату, и заперли за нами дверь,

- Мы совершенно не знали причину нашего вызова,

- Нас вызывали по одному в маленькую комнату под заразной палатой, куда приходилось спускаться по узкой и крутой лестнице,

- Я был вызван первым. За небольшим столом стоял маленького роста чиновник с узкими витыми серебрянными погонами. Я его никогда не видел в стенах корпуса. Жестом он мне указал на стул перед столом, добавив: "Садитесь, пожалуйста", после чего сел и сам по ту сторону стола.

Посмотрев на меня внимательно в течение нескольких секунд, он сказал: "Директор корпуса меня назначил произвести анкету о событиях 6-го Марта". ("Врешь, дурак, понял я сразу же: после того, что Генерал нам сказал 6-го Марта и 7-го, в присутствии коменданта Гарнизона, для меня это являлось совершенно невозможным и я инстинктивно насторожился, решив, что ему нужно отвечать спокойно и уверенно").

"Расскажите мне, обо всем, что произошло в роте". - "Я не понимаю, о чем Вы меня спрашиваете". Он с удивлением посмотрел на меня, затем резко произнес: "Да что за нелепость Вы порете ?! Ведь Вы же были 6-го Марта в роте ?" - "Был". - "И Вы ничего не видели!" - "Нет". "Да Вы что, смеетесь надо мной?" - "Нет".

После некоторого раздумья и уже более мягким голосом: "Тогда объясните мне, почему Вы так хорошо помните, что ничего не произошло в роте именно в тот день 6-го Марта?" - "Да просто потому, что лишь всего несколько дней, как прошло, и потому я не мог что-либо забыть. А кроме того, в тот день у меня было расстройство желудка, что заставило меня даже отпроситься в лазарет за закрепительным". " Так, значит, это Вы были 6-го Марта в лазарете ?" - "Да, а почему, я Вам только что это объяснил".

"Кто Вас принял?" - "Дежурный фельдшер". - "Как его фамилия?" - "Не знаю, но могу Вам описать его наружность". " А в палату больных кадет, Вы заходили?" - "Заходил". - "Для чего?" - "Чтобы сообщить однокласснику какие письменные работы нам заданы". - "Кто Вам разрешил пройти в палату?" - "Тот же дежурный фельдшер, когда я ему сказал для чего". - "Сопровождал ли он Вас ?" - "С термометрами в руках он вошел со мной в коридор, а в какую затем палату он вошел, я просто не обратил внимания".

"Долго ли Вы оставались в палате?" - "Всего лишь несколько минут, т.к. у меня еще болел живот". - "О чем Вы говорили с больными кадетами?" - "Да о чем можно долго разговаривать, когда болит живот и чувствуешь, что с минуту на минуту, может быть придется снова бежать (чуть было не сказал, куда Царь пешком ходит, но, во-время спохватившись, закончил словами) в места отдаленные".

"Как о чем? Например о том, что произошло 6-го Марта. Ведь для этого, много времени не нужно, не правда-ли?" - "Я уже Вам сказал, что совершенно не понимаю в чем заключается то дело, которое Вас интересует". - "Да что Вы забыли?", крикнул он резко, "ведь я исполняю приказ Вашего Директора?" - "Нет, я не только не забыл этого, но, именно помня это, отвечал Вам на каждый Ваш вопрос коротко и точно".

Но эту скрытую иронию и насмешку над ним, невозможно было уловить в моем спокойном ответе.

"Заходил-ли в палату дежурный фельдшер во время Вашего разговора с кадетами?" - "Очень возможно, я просто мог его не видеть, стоя спиной к двери. Весь же мой разговор заключался в нескольких фразах, относящихся к заданным письменным работам". - "И это все?" - "Нет". - "А что же еще?" - быстро спросил он. - "Я уже об этом Вам говорил, у меня болел живот".

Он видимо ожидал что-то другое, но мой ответ заставил его рассмеяться. После чего, он встал и довольно долго с удивлением смотрел на мое спокойное лицо, затем, махнув рукой, сказал: "Идите в роту, но через наружную дверь".

Когда, наконец, мы собрались вместе в роте, то выяснилось, что ему не подвезло: никто из нас не промолвился ни одним словом о событиях 6-го Марта, каждый нашел собственный выход из положения.

Благодаря нам, это стало известно Директору Генералу Клингенбергу, который одобрил наше поведение и похвалил нас за хладнокровие и выдержку.

В Мае 1917 года, Ген. Клингенберг был ночью арестован и увезен в Киев. То, что это произошло ночью, а не днем, доказывает, что еще слабая революционная власть боялась вмешательства I-ой вооруженной роты.

Для нас же, это был новый и тяжелый удар. Пока Генерал был нашим Директором, жизнь корпуса вошла снова в нормальную колею.

На его место переведен был из Донского корпуса Полковник Антонов, получивший задание превратить нас в гимназистов, отчего он попал между молотом и наковальней - последней были кадеты.

О моих пререканиях с ним не буду писать, нет времени. Трещенков достаточно остановился на этом Директоре.

Мы не знали, да и кто был в курсе дела? что, когда разразилась наша "бескровная", Ллойд-Джордж заявил: "Наша первая цель войны, наконец, достигнута".

Еще несколько слов для случайного историка, чтобы ему избежать огульного и не соответствующего истине заключения, если этот юбилейный и далеко не полный, сборник воспоминаний оказался бы в его руках.

Это не значит, что никто из нас не понял или не счел нужным выяснить, как произошло и кто виноват, какой бы пост он не занимал в России, за-границей или среди наших союзников, что наш Родной Корпус, просуществовавший лишь 80 лет на Родине, а нам (последним Могиканам), приходится увековечивать его 125-летнюю годовщину, не на Родине, а за рубежом.

А.А. Скрынька прекрасно описал эволюцию в воспитании кадет и их зависимость от внутренних или внешних событий, переживаемых Россией. Ведь за 80 лет своего существования на Родине, наш корпус был и кадетским корпусом, и гимназией военного ведомства, снова корпусом, затем гимназией. и опять корпусом.

Все эти изменения отражались неизбежно на программах образования его питомцев.

Под влиянием поражений и проигранной войны с Японией (1904-1905) произошли реформы в армии, они затронули и корпуса. Было решено особенно налечь на некоторые звенья в существовавшем воспитании кадет. Для успешного проведения в жизнь этих реформ, воспитательский и педагогический персонал корпусов должен был предварительно пройти обязательные курсы в Петербурге (Скрынька).

Роль офицера-воспитателя заключалась развить, в течение 7 лет, в каждом кадете елико возможно, твердый, волевой характер и инициативу, столь необходимых для сознательной жертвенности.

Это дало ожидаемые результаты у большинства кадет и ярко проявилось в революционный и гражданской войны периоды. Кадеты не только выдержали успешно все испытания, обрушившиеся на их головы, но могли даже послужить примером для некоторых из персонала корпуса, что описано другими.

Многим из нас эта корпусная закалка пригодилась и за границей, и я лично ее получил от Подполковника Чеботкевича, Полковника Парай-Кошица и Генерала Клингенберга.

Благодаря этой закалке, мы смело можем смотреть на прошлое и мы не боимся ни теней, ни дефектов нам известных. Как говорится, в семье не без урода, и те отдельные личности, кто-бы они не были (как для неполного примера, Шереметов, Чеботкевич, или тот-же Парай-Кошиц - первые два остались в Крыму, а третий даже не покинул Полтавы), но оказавшиеся не на высоте положения, когда этого требовали обстоятельства, не могут замарать светлую память Родного нам Корпуса.

Наоборот, не скрывая их, мы придаем этому Юбилейному Сборнику большую историческую ценность.

Выше я дал имена трех кадет, Георгиевских кавалеров 4-ой степени, но на этом их список на закончен. Другие, волею судеб, не были занесены на белые мраморные доски, являющиеся гордостью и славой гнезда Петрова, как не внесены и те из них, но уже ЗА ОДНО и на доски черного мрамора в церкви, тела которых приняла Родная Земля.

Из оставшихся 22-х Георгиевских кавалеров в живых и покинувших Родину еще кадетами, их имена дал мне Михаил Дмитриевич Каратеев. Вот они:

Вовченко Николай	- 2 степени,	Станиславский Владимир	- 4 ст.,
Каратеев Михаил	- 3 ст.,	Перекрестов Георгий	- 4 "
Трофимов Михаил	- 4 ст.,	Липин Борис	- 4 "
Петров Константин	- 4 "	Лошунов Иосиф	- 4 "
Штранге Борис	- 4 "	Максимович Георгий	- 4 "
Беликов Евгений	- 4 "	Кунаков Евгений	- 4 "
Брешко-Брешковский Владимир	- 4 "	Осташевский Георгий	- 4 "
		Роговой Алексей	- 4 "
Бертельс-Меньшой Андрей	- 4 "	Финне Борис	- 4 "
		Миокович Сергей	- 4 "
Шокотов Николай	- 4 "	Белявский Борис	- 4 "
Васильев Всеволод	- 4 "	Козловский Алексей	- 4 "

За неимением лучшего, эти строки им заменят белые мраморные доски Корпуса..

Есть и лругие примеры:

- В Мае 1917 года, Сабо и др. могли выйти в Михайловское артиллерийское училище, но прием был лишь 1-го Октября. Они решили выйти в Киевское пехотное, чтобы уже 1-го Октября иметь возможность послужить Родине и из 12-ти, ДЕСЯТЬ погибли на поле брани.

- Со мной, в пулеметной команде Белорусского гусарского полка, прошло более 30-ти кадет, в большинстве Полтавцев, в живых покинули пределы Родины всего лишь ПЯТЬ.

Это, конечно, далеко не все, но так существенно, что не нуждается в комментариях, они сами собой вытекают...

Доктор Н. К А Р А Ч Е Н Ц Е В

А.Н. З А В О Д О В (вып. 1919 года)

ДВЕ РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОЕЗДКИ НА ЮГ.

Декабрь 1917-го года.

Кадетам, как и вообще всем учащимся, которым нужно было ехать больше 125 верст, давалось 25 % скидки со стоимости билета. Для этого, в корпусе заполнялись особые проездные листы с литерами, которые присылались Главным Управлением железных дорог. Были они напечатаны на русском языке и, конечно, еще по старой орфографии. Первый отрывающийся лист для скидки служил уезжая, второй - для возвращения, а третий являлся корешком.

Была Петлюровщина, но мы еще носили наши погоны и в Севастополь нас ехало трое: Фролов Павел, Данилов Михаил и я.

На Южном вокзале, во втором из трех окошек налево от входа, сидела какая-то остроносая тыловая крыса. Она долго осматривала наши листы с литерами и, вернула обратно, при чем заявила: "Нема". Нема, так нема, на нет и суда нет, поэтому ей и говорим: "Тогда дайте, пожалуйста, нам три билета 3-го класса до Севастополя". - "Яж це буде по украински?".

Вот же бес! Притворялся незнающим русского языка, смотря на наши литеры, продолжает ломать комедию, а время идет и вот уж третий звонок, так что, недолго думая, вскочили мы в пустой вагон, так и не договорившись с "крысой" и не купивши билетов.

Кондуктор поезда, на наше счастье, несмотря на вылитый портрет Тараса Бульбы, но без оселедца, говорил и понимал по-русски. За безбилетное вторжение в вагон и, несмотря на наши объяснения, припаял нам двойную плату, так что нам еле-еле хватило презренных денег, чтобы купить у него билеты лишь до Лозовой.

Под стук колес идущего поезда осталось нам в утешение лишь воспоминания: - билет Полтава-Севастополь стоил 7 рублей 20 копеек, цифра для меня легко запоминаемая просто потому, что поезд из Севастополя на Север отходил в 7 ч. 20 минут, а кроме того была еще и песенка с этими же цифрами: 7 и 20.

25 % скидки давали мне I рубль 80 копеек карманных денег и сколько чудесных вещей и приятных удовольствий можно было на них себе позволить: IO штук папирос Ливадия стоили I2 копеек, были и дешевле, как пачка сногшибательных Малина за три копейки, ученический билет в кинематограф стоил I6 копеек, можно было и кутнуть, выпив газированной воды или купив таких чудесных лакомств, как халва, мороженое и, наконец, вафли...

Приехав в Лозовую, нужно было найти выход, чтобы купить билеты до Севастополя. Обратились к случайному офицеру, повидимому тоже ожидавшему поезда, который, выслушав нашу историю, помог нам деньгами для покупки необходимых билетов.

В общем, это пока были цветочки, ягодки будут впереди, и не для нас одних: через полтора года, в августе I9 года, находясь снова в Полтаве, я узнал, что какой-то офицер из Белой Армии убил этого станционного кассира, не знаю почему, наверное, тоже никак не могли понять друг друга и, вспоминая где-то читанное, но подходящее, как нельзя лучше к этому случаю:

"Царство ему Небесное,
"Сволочь был покойник..."

В Севастополе-же не весело проходили праздники Рождества Христова и Нового Года: в конце декабря I9I7-го года были первые Варфоломеевские ночи, но избивали представителей всех религий по произволу и капризу "власть имущих".

Началось это после приезда делегации матросов Балтийского флота. Конечно, местный революционный комитет встретил своих товарищей по флоту очень радушно. Подогретый же советами приехавших, он наложил на город контрибуцию в два миллиона рублей, пригрозив, что за невнесение этой суммы, будут взяты и расстреляны заложники. Собрали им лишь половину, а заложниками матросы не удовлетворились, вошли во вкус, расстреляв значительно больше.

Несмотря на это, жизнь текла своим чередом, кончились каникулы, надо было возвращаться в корпус, но поехал я туда лишь в мае I9I8 года и вот почему: было у меня два старших брата, оба кадеты Вольского кадетского корпуса.

Самый старший, Сергей, из-за смерти нашего отца, стал балаганить, курить, больше чем ухаживать за женщинами и, несмотря на свои способности, познакомился со всеми гимназиями и реальными училищами славных городов Севастополя и Симферополя. Побывал и в Морском корпусе и в Орловском Бахтина и, наконец, в I9 лет, засел на второй год в 5 классе Вольского корпуса. Началась война, не захотев сидеть на парте, он пошел вольноопределяющимся и попал в плен под Ковелем. Последние известия от него были из Пургшталя, где-то под Веной. Бежал оттуда два раза на итальянскую границу и погиб, где и как - неизвестно.

Второй брат, Георгий, с группой севастопольцев выдержал экзамен в Одесский корпус в I909 году, но был направлен в Вольскую школу, которая была переименована в Вольский кадетский корпус. В I9I5 году, весь шестой класс, перейдя в 7-ой, вместо каникул поехал в Действующую Армию.

При возвращении в корпус, в начале августа, их вагон застрял на станции Киев-товарный. Толкали их вагон туда-сюда до

тех пор, пока не свалилась с верхней полки кадетская корзинка с авиационной бомбой. Погибло пять кадет, в том числе и мой брат.

Движимый патриотическим чувством, я, в свою очередь, вместо того, чтобы вернуться в корпус в январе 1918 года, решил биться до последней капли своей собственной крови, защищая свое Отечество.

Для подъемного капитала продал матросам флотского экипажа шинель моего брата,из сукна которого, они делали себе морские фуражки и, 5-го января, вместо поезда на Полтаву, влез на пароход, идущий в Одессу.

Был "крещенский вечерок", когда-то девушки гадали, но в эту ночь, на Карабельной стороне, кому не было лень, все в воздух лишь палили. Пароход снялся с якоря, а когда пришел в Одессу, я перешел на пароход, идущий в Измаил, так как желал попасть на Румынский фронт. Мы приплыли в Измаил лишь вечером и на пароходе проверяли документы у тех, кто сходил на берег, но таких было немного.

Когда же дошла очередь до меня, я был задержан за отсутствием соответствующих документов и вышло:

" Как? кто? почему? по какому случаю?
" Одного тебя люблю, а других я мучаю..."

Что ответить мне матросам? Еду, мол, разыскивать брата.

- "А! брата? так гони монету". И обобрали меня по первому классу, как липку, и спустили на берег.

На берегу уже не было ни одной души, было и темно и холодно, вокзал пристани был уже закрыт. Куда пойдешь? Кому слово скажешь? Положил тут же на пристани я свою корзинку прямо на снег под голову, что-б ненароком не сперли, закрылся кадетской шинелью и заснул.

Наверное снились мне Суворов, Измаил, я в этом уверен. Но, часа через два, разбудил меня морской офицер, взял меня в охапку и потащил на свой катер. Там я и переночевал. Но на утро, когда все еще спали, я ушел в город. Бродил, искал отправления на фронт, но таких учреждений больше не существовало и от меня шарахались, как от чумы.

Впервые в жизни купил поесть. Это был кусок сала: несмотря на его желтый цвет и запах стеарина, я его съел, что вызвало рвоту и боли, и пропал аппетит на несколько дней.

Наконец, приютил меня командир канонерской лодки не то Терец, не то Кубанец, и разъяснил мне всю сумасбродность моей затеи, посоветовав взять первый же пароход, идущий в Одессу. Я пробыл на этой канонерской лодке с неделю и смог таким образом отдохнуть, отоспаться и отъесться, после него решил следовать его совету.

Для этого вечером, забрался в трюм Ефрата. Утром меня выставила на палубу сестра милосердия. Оказалось, что эвакуируют больных венериков. Прибыв в Одессу, перешел на Трувор, идущий в Севастополь. Во время обеда примкнул к пассажирам, которым раздавали борщ. Комиссар парохода, конечно, матрос, заинтересовался моими документами и, прочитав, что я есмь кадет, пришел в бешенство и пожелал меня выкинуть за борт:

"Мы с кадетами на Дону воюем, а ты тут борщи рубаешь !"

И вот, меня, раба Божьего, внука героя Севастопольской обороны - Ивана Матвеевича мичмана Манто, сподвижника Нахимова в Синопском бою, командира батареи № 35, а затем батареи № 120 на 4-м бастионе, и в то же время правнука Подполковника Манто, отца 1-го, бывшего защитником Балаклавы, и вот меня, этот верзила, этот вершитель судьбы земли русской, схватил и потащил на из кубрика.

Но, если есть чудесное слово "однокашник", то оказывается есть и слово "одноборщник": кто-то побежал к командиру, кто-то двинул в морду комиссару, открыли для меня каюту 2-го класса, где накрыли меня матрасом, чтобы никто не видел, и таким образом, я доплыл благополучно до Севастополя, где, ночью, на ялике, меня, как адмирала, спустили на Графскую пристань, которую я покинул месяц тому назад. В общем, я навоевался...

На морде появились прыщи от соприкосновения ли с тяжело больными на Ефрате, или просто от тех переживаний на снегу со всеми другими лишениями. Смотря на меня, милые барышни декламировали:

" Воздух был холоден,
" Солнце лениво сияло
" И, расцвести не успев,
" Увяла фиалка,
" Разве не жалко?"

И долго, долго я не мог избавиться от этих "фиалок" на видном месте.

В конце февраля 1918 года повторились Варфоломеевские ночи 17-го года. На утро, около Графской пристани, в барже, в неописуемом беспорядке, были трупы расстрелянных.

Вопрос о поездке в корпус отпал сам собой из-за террора и мне пришлось даже снять кадетскую форму. Осталось нас в семье пять душ. Стояли мы все в очередях с раннего утра за подсолнечным маслом, за керосином, за хлебом и т.д.

После Брест-Литовского мира 3-го марта 1918 г. с Советской властью, немцы начали занимать юг России, и в конце апреля уже подходили к Перекопу.

В это же время, совершенно случайно, мне удалось подслушать на корабельной стороне, разговор двух матросов:

"А как же так, товарищ? Ведь идут Украинцы, наши братья?"..

Даже в местной газете, на первой странице, было крупно напечато:

"Знаете-ли вы украинскую ночь ?
"О, вы не знаете её, но скоро узнаете".

Даже после прихода немцев, мы не увидели ни одного украинца и не узнали никакой украинской ночи. Пока же, при приближении немцев, "краса и гордость реболюции", т.е. заплечных дел мастера, спешно грузились, особенно на пловучую мастерскую Кронштадт.

Жутко было видеть, когда эскадра, с потушенными огнями, уходила в море и в этот же момент, с Мекензиевых гор, немцы открыли артиллерийский огонь по судам, но это были лишь "комариные укусы" для уходящей эскадры.

Немцы пришли, стали по казармам. Это были баварцы, такие

маленькие, тихие и безобидные, а я в это время закапывал винтовку около Георгиевского монастыря.

Появились хлеб, масло, керосин. Стало чище, спокойнее. Появился и Гебен на пустынном рейде. Публика на Приморском бульваре стояла, как вкопанная. Заиграл справа немецкий оркестр:"Дейтшлянд, Дейтшлянд юбер аллес!" Многие начали плакать. Доигрались в общем!...

Германский гимн, так естественный в честь их крейсера Гебен, больно отразился на чувствах местного населения... Горе побежденным...

Так в ненастные дни
Занимались они
Делом...

И вот настал май. Открылось движение по железной дороге на север. Оказалось, что корпус всё еще существует и ждет не дождется всех нас, а меня в частности. Оказывается, что не исчезли еще ни тригонометрия, ни всякие там древние и новые истории, что нужно сдавать экзамены. Вернулся я в корпус.

Перетаскивали нас, желающих, в следующий класс всеми способами, и я остался даже в корпусном лагере. Ходили мы с Тимофеем Волошиным каждые две недели в город, чтобы сдавать наши 3-ю, а затем 4-ую четверти. Преподаватели встречали нас тепло, не по казенному, кое-что спрашивали, ставили нам отметки, и в конце каникул мы перешли в 7-ой класс.

Об этом лагере 1918 года есть кое-что рассказать.

Из окончивших корпус было два кадета: Богаевский и Зыбин. Это были два совершенно противоположные типа. Деваться им было, вероятно, некуда, и они невольно попали в лагерь. С Богаевским мы пололи, выкапывали картошку из воспитательских огородов, за что нам платили кое-что, чего нам хватало на табак и спички.

Зыбин занимался ухаживаньем, у него на это было время, а нам было не до этого. Был он начитаннее нас, говорил слова, которые для нас были китайской грамотой.

Однажды зашел разговор об итальянской забастовке: "Что это такое?", спрашиваем мы его. - "Да вот... вы приходите на работу и ничего не делаете, сидите, сложа руки". - "А для нас, которые не работают, что можем мы сделать?" - "Как пример, мы можем отказаться от пищи". - "Хорошо, попробуем".

Так и началось. К слову сказать нас в лагере отлично кормили, а кроме того, каждому кадету, перешедшему в 7-ой класс, в день его дежурства, ему полагалась фельдфебельская двойная порция. Это было большим преимуществом: во-первых,можно было покомандовать, изобразить из себя начальство, во-вторых, за столом приходилось сидеть за раздающего, другими словами, это было маленькое восхождение на Олимп.

И вот, с утра следующего дня, разыгралась такая картина: все сели за стол, предварительно пропев молитву, затем, отсидев положенный срок, опять пропели установленную молитву, оставивши всю пищу на столе нетронутой.

Когда читаешь о Муции Сцеволе, то думаешь: он был один, а таких Муциев у нас оказалась целая команда с двух столов.

Столы убирались, снова заполнялись и снова убирались.

На третий день без пищи мы достали на кухне соль и отправились на "охоту" на воспитательские огороды. Пекли с важным видом картошку и закончили день с подтянутыми животами. Нас никто не беспокоил, никто не расспрашивал, никто не совал в руки опросный лист. Видимо, что явление это было еще в корпусе небывалое, не предусмотренное никаким регламентом.

Начали мы сами интересоваться, чем же обычно кончается итальянская забастовка: Зыбин с важным видом заявил: "Потребуем качество, не хотим количества". Но мы не предъявили никаких требований эконому.

И вот, теперь, на склоне лет,стыдно и вспоминать наше мальчишество, и до каких глупостей можно было дойти в то переходное время.

На другой день мы уже перестали интересоваться и "качеством" и "количеством", а стали есть, как это было в доброе старое время.

От лагеря до реки Ворсклы было от двух до трех верст. На берегу, в березовой роще, около хаты сторожа, лежали две лодки вверх дном. А мы не только не катались на лодке, а даже не купались. Сидели так, на бережку. Пристал к нам сторож достать ему винтовку. Пообещал 100 карбованцев.

Для чего понадобилась она ему? Живет он здесь на отлете, вероятно боится. Хутор, не хутор, всего лишь 2, 3 хаты.

Через неделю принесли ему из немецкого обоза. Трудно представить себе, кому-нибудь, как могли мы утащить винтовку, да еще донести ее до лагеря.

Сторож оказался доволен. Смазали мы винтовку коровьим маслом, затвор щелкает, одно удовольствие. Вот только патронов нет. За арбуз принесли ему и патроны, но вот получилась маленькая неувязка: винтовка была немецкая, патроны японские, более узкие, совершенно свободно влезавшие в ствол. В общем, все напоминало, как нельзя лучше, о чем пели в те времена:

" Ах, шарабан мой, шарабанчик,
" Солдат российский,
" Мундир английский,
" Сапог японский,
" Правитель Омский..."

Мы соорудили щит, нарисовали мелом круги и прибили на березку. Моя пуля зацепили щит, но у сторожа, российского Вильгельма Телля, она не повредила ни доски ни дерева, только из ближайшей хаты высыпал народ.

Там, в это время была свадьба, сидели чинно и мирно, вдруг в окошко влетела пуля и с шумом врезалась в стену. Может быть, "целил в лукошко, а попал в окошко", а может быть и месть, как у Гоголя.

Кириус Захаров занимался продажей оружия и стал миллионером, но, конечно, не сразу. Возможно и он начал с маленького, сомневаюсь, чтобы это был арбуз. Хорошо, что Телль наш попортил

только штукатурку, а если-бы чью нибудь шкурку... Вылетели-бы мы в два счета из корпуса за один арбуз...

В августе 1918 года, мы, новоиспеченные семиклассники, начали, казалось бы, нормальный учебный год, но 12-го декабря нас неожиданно распустили на каникулы.

На станции, на этот раз был поезд составленный из теплушек и на Лозовую движение было прервано. Покатили нас, без всяких билетов, на Кременчуг, затем на Пятихатки и Екатеринослав.

Холод в теплучках собачий, зуб на зуб не попадает. Разговор в темноте: "А вот батько Махно по красной керенке своим-то платит". Из другого угла слышны вздохи, не то от цифры, не то от имени батьки.

К утру, проехав Екатеринослав, доплелись до Синельникова, конечной станции. На вокзале, народу больше чем людей, примостились с грехом пополам на скамейке, но наше присутствие было замечено и вызвали нас к коменданту. Форма у него была украинская: петлюровец? махновец?, но, слава Всевышнему, понял нас, говоривших по русски.

Самое замечательное, что на наших отпускных билетах красовалась гетманская печать в виде трезубца. Такое же изображение на погонах мы носили последние 4 месяца, но в отпуск уехали без погон.

Покачал комендант своей комендантской головой и отпустил нас с миром в зал ожиданий, как у моря погоды. Насчет провианта было плохо. Ликвидировал дядькин серебряный портсигар, всё мое богатство.

На следующий день, по распоряжению этого коменданта, потихоньку и по одному, вывел нас гайдамак задним ходом и усадил в товарные вагоны, предназначенные для возвращающихся в Туркестан офицеров из германского плена. Дико было видеть на них обмундирование мирного времени, но без погон. Эти офицеры засыпали нас соломой, на всякий случай, так мы и оставались до станции Пришиб.

При отходе длинного состава в 40 вагонов, на повороте было видно, как гайдамаки выкидывали на насыпь чемоданы, прежде чем соскочить самим, в общем "облегчение тяжести" для локомотива.

На каждой станции был свой атаман, и так до самого Пришиба перед Мелитополем, где, наконец-то поднялась в вагон фигура со знакомой и дорогой сердцу формой прапорщика в погонах.

С. З А В О Д О В

Законоучитель Петровского-Полтавского кадетского корпуса
Протоиерей отец Сергий Ч Е Т В Е Р И К О В.

В 1907 году я был законоучителем в городе Саратове. Там я получил предложение быть законоучителем в одном из кадетских корпусов. Мне предложили на выбор: Полоцк или Полтаву.

Выбрал Полтаву. Решил съездить туда, узнать, что представляет из себя кадетский корпус и подойду-ли я к нему.

Приехав в Полтаву, явился Директору корпуса Генералу Попову и с ним поехал в корпус. Это было 16 августа 1907 года.

Директор произвел на меня очень хорошее впечатление. Он сказал: "Посмотрите, батюшка, да кстати отслужите у нас молебен". Старый священник тогда умер,и корпус остался без священника. Молебен был по случаю начала учебного года. Я согласился.

Кадет я увидел здесь в первый раз. Раньше я с ними знаком не был. Служил я долго. Директор потом заметил: "Долго служите, батюшка, у нас служба идет скорей".

Приглядывался к кадетам, к порядкам, к педагогам. Решил, что это место мне подойдет. Кстати и отпуск мой кончался. Написал заявление Директору, а сам поехал в Саратов, явиться по начальству и вернуться.

До меня, после смерти их священника, служил службы ректор семинарии.

Явился в корпус в октябре. Постепенно вошел в обстановку и сразу почувствовал себя хорошо. Все новое: дежурные офицеры, рапорты дежурных по классу кадет и прочее. Я прослужил до конца корпуса - 1919 год.

Корпус оставил по себе самые светлые воспоминания, которые не изгладятся у меня до смерти. Наши праздники, порядок в церкви, пение кадетского хора, уроки, совещания с преподавателями и воспитателями.

И до сих пор, за рубежем, я держу с вами, мои дети и братья, самую тесную связь. Вы провожаете меня сейчас на Валаам. На знаю, увидимся ли мы с вами когда нибудь, но память о вас я сохраню в сердце своем до гроба.

Дай Бог, вам дожить до возвращения в Россию. Восстановите там наши старые кадетские корпуса, нашу лучшую школу и её традиции, которые не были ни в одном учебном гражданском заведении.

Доброго вам здоровья и многие лета.

Рассказ записан со слов отца Сергия на кадетском чае в Париже 16 июня 1939 г. Полковником Б.Д. Приходкиным.

СУДЬБА ЗНАМЕНИ ПЕТРОВСКОГО-ПОЛТАВСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Знамя было пожаловано корпусу 27 июня 1844 года ст. стиля. Пожалование знамени сопровождалось следующей грамотой:

"Я уверен, кадеты, что сей новый знак внимания Нашего молодым дворянам, посвятившим себя воинскому поприщу, усугубят в каждом из вас пламенную ревность сделаться верным слугой Царю Вашему и Отечеству".

НИКОЛАЙ I-ый.

29 Декабря 1929 г. Париж 14.

Ваше Превосходительство,

Глубокоуважаемый Владимир Валерьянович,

Мне было вчера очень радостно провести корпусной праздник в среде своих учеников и вместе с Вами, и очень я был тронут

избранием меня Почетным Членом Полтавского Объединения, но, в то же время, с болью душевной чувствовал, что я не заслужил этой чести.

Не время вчера было об этом распространяться и омрачать радостные минуты праздника. Но теперь, я всё-таки чувствую себя обязанным поставить себя на свое место и объяснить, почему я считаю себя не заслуживающим этой чести. Я рад объяснить это Вам, как последнему Директору Петровского корпуса и, как одному из его питомцев, и прошу Вас передать это мое письмо в архив Объединения, ибо я в нем раскрою одну из печальных страниц истории нашего Корпуса, которую лучше было-бы вычеркнуть из истории Корпуса, но, к сожалению, это невозможно.

Я хочу рассказать Вам историю уничтожения нашего Корпусного знамени, ту печальную историю, которая вот уже 10 лет, тяжелым камнем лежит у меня на сердце, и, которая была главной причиной моего добровольного ухода из корпуса в 1921 году и, которая, вероятно, до конца жизни моей не перестанет тяготить меня.

В 1919 г., мы вместе с Полковником Парай-Кошицем, сделали подробный письменный доклад тогдашнему Директору корпуса Полк. Антонову, об уничтожении знамени, но повидимому этот доклад погиб вместе с другими докладами и бумагами корпуса при эвакуации корпуса, и в настоящее время ни у кого, кроме меня, не имеется точных сведений о том, как все это произошло. Поэтому, я тем более считаю себя обязанным снова подробно и точно доложить эту историю Вашему Превосходительству.

28 января 1919 года, в понедельник (это и есть точная дата уничтожения корпусного знамени), утром в 9 часов, в мою квартиру в корпусе зашел офицер, командовавший той красной частью, которая уже три недели была размещена в здании корпуса.

Он пришел ко мне в сопровождении двух солдат, вооруженных винтовками, и предъявил мне требование в тот же день очистить помещение церкви, т.к. оно необходимо для устройства в нем читальни для солдат.

Помещение должно быть очищено к трем часам дня. Если я не имею людей, он может откомандировать в мое распоряжение своих солдат. Я спросил его, почему для устройства в помещении церкви читальни для солдат, необходимо уничтожить церковь и, разве нельзя, в крайнем случае, отделить алтарь от средней части перегородкой, - церковь достаточно просторна и для того, чтобы в ней поместить читальню и для того, чтобы в ней совершать Богослужения. Когда офицер, в ответ мне, снова подтвердил свое требование, я сказал, что должен буду об его требовании доложить корпусному начальству и Архиепископу Феофану, после чего только и могу принять то или иное решение.

По уходе офицера, я пошел к Архиепископу Феофану. Он сказал мне, что если окажется необходимость очистить церковь, то он разрешает перенести церковное имущество в Архиепископский дом, во дворе которого находилась старинная Запорожская церковь, в которой не совершались тогда Богослужения.

Одновременно с требованием очищения церкви, было предъявлено и другое требование: очистить все квартиры, в которых помещались служащие корпуса офицеры.

По этому поводу, в 12 часов дня, было назначено в помещении лазарета общее собрание служащих. Положение дел в это время было таково: Директор корпуса Полк. Антонов и три ротных командира, Быков, Ромашкевич и не помню кто третий, были в тюрьме. На свободе был командир 1-ой роты Полк. Парай-Кошиц. На собрании в лазарете председательствовал Инспектор корпуса Данков.

Когда я заявил о предъявленном мне требовании очистить церковь, одни возмущались этим требованием и находили, что церковь мы не должны очищать, пусть ее очищают сами красные, другие говорили, что лучше самим очистить церковь, нежели предоставить это дело большевикам.

Я видел, что соглашения и общего решения трудно достигнуть, что не допустить до очищения церкви мы не имеем силы, и что лучше самим очистить, нежели предоставить хозяйничать в ней красноармейцам, поэтому я предложил, опираясь на разрешение Архиепископа Феофана, самим очистить церковь, перенести её имущество в Архиерейский дом. Это предложение не встретило возражений, но, т.к. в тот же день, в 3 часа дня, должно было состоятся новое собрание по вопросу об очищении квартир, то и вопрос о церкви остался еще не разрешенным окончательно.

О знамени, которое находилось в церкви, никто не вспомнил. Может быть это объясняется тем, что все считали заботу о нем, лежащей на мне, как на настоятеле церкви.

До Мартовского переворота, Корпусное знамя помещалось на правом клиросе в клеенчатом чехле. После переворота, Директор корпуса Ген.-Майор Клингенберг нашел более удобным его хранить в алтаре. Потом, по моему предложению, для большей безопасности, знамя было спрятано в правом приделе церкви, за большим киотом Святителя Николая Чудотворца, где оно было совершенно незаметно извне. Там оно и оставалось до 28 января 1919 года.

28 января, перед началом собрания в лазарете, ко мне подошел фельдфебель Тимченко (сверх-срочный солдат на службе в корпусе) и спросил: "Как быть со знаменем при очистке церкви?"

Я ответил ему, что скажу после собрания. На собрании, где присутствовали, кроме офицеров и еще какие-то штатские незнакомые мне люди, я не решился громко говорить о знамени. Я подошел к Полк. Парай-Кошицу и, отозвав его в сторону, спросил его: "Что делать со знаменем?": Он ответил мне: "Не знаю".

Мы стали совещаться.

Чтобы понять принятое нами тогда решение, надо представить себе самый момент: Директор корпуса и три ротных командира были посажены в тюрьму. Мы сами, с минуты на минуту, могли ожидать ареста. Красноармейцы, не дождавшись очищения церкви с нашей стороны, могли сами начать очищать её, как это было в Духовном училище. Поэтому, когда я поставил вопрос: не уничтожить ли знамя и этим предотвратить возможность перехода его в руки красных, Полк. Парай-Кошиц, без возражений, принял эту мысль.

Впоследствии, Инспектор классов Данков упрекал меня, почему я не с ним советовался о знамени, а с Полковником Парай-Кошицем, но мне казалось и теперь кажется, что этот вопрос ближе касался Парай-Кошица, нежели Данкова.

Я далек от мысли оправдывать себя. Напротив, я не вижу для себя никакого оправдания. Теперь, трезво оценивая положение, я вижу, что мы могли спасти знамя. Но я вижу теперь только потому, что знаю все последующие обстоятельства. Тогда же, положение представлялось совершенно безвыходным.

После разговора с Парай-Кошицем, я вернулся в церковь и сказал Тимченко, что мы с Парай-Кошицем решили сжечь знамя. И у Тимченко не явилось никакого возражения. Знамя было вынуто из чехла и сожжено, вместе с древком, в селитренной печке. Это было сделано Тимченко в моем присутствии.

Я знаю, как больно и как обидно будет читать или слышать эти мои строки бывшим кадетам корпуса. И Вы поймете, почему с тех пор я не смею прямо смотреть в глаза нашим кадетам и почему я должен был уйти из корпуса. Но угрызения совести я стал чувствовать только несколько месяцев спустя. Первое же время, я считал, что поступил правильно. Потом, я рассказывал об этом нескольким лицам, судом которых я дорожил.

Полковник Парай-Кошиц всё время считал, что мы поступили правильно. Бывший Директор корпуса Н.А. Попов, также признал наш поступок правильным. Но я всё-таки не нахожу себе покоя. И несмотря на то, что прошло уже ДЕСЯТЬ лет с тех пор, я с такой же болью переживаю случившееся, как и в 1919 году.

В тот же день мы начали очищение церкви, и на другой день закончили. Это было первое очищение церкви. В июле того же года церковь была восстановлена и вновь освяшена после изгнания большевиков. В ноябре-же началась эвакуация корпуса и тогда все церковные ценности, утварь, облачения, иконы были отправлены в Троицкую церковь. Какова их судьба, я не знаю.

После всего сказанного, Вы поймете, как мне стыдно носить звание почетного члена объединения Полтавских кадет. В самую решительную минуту жизни корпуса, я не сумел устоять на высоте своего положения, не поддержал Корпуса, по выражению старейшего члена вчерашнего собрания.

Я всегда чувствовал и буду чувствовать безмолвный и деликатный упрек со стороны питомцев корпуса, и всегда буду переживать острую боль в сердце.

Я всегда буду другом кадет, но почетным членом их объединения мне быть не к лицу. Я благодарю их за честь, за любовь к своему законоучителю, но прошу Вас повлиять, чтобы вчерашнее постановление о моем избрании было оставлено без исполнения, как не бывшее,и не было внесено в протокол собрания.

Глубокоуважающий Вас и искренно преданный

Протоиерей С. Ч Е Т В Е Р И К О В

ПРИМЕЧАНИЕ:

- Письмо и копия его написаны по старой орфографии,
- Копия письма законоучителя Петровского-Полтавского кадетского корпуса Отца Сергия Четверикова Генералу Римскому-Корсакову, почетному члену Объединения кадет Полтавцев во Франции.
- После Крымской эвакуации, Генерал Римский-Корсаков был назначен Директором сводного Полтавского и Владикавказского

кадетских корпусов, вернее их остатков, положившим начало создания Крымского кадетского корпуса, эвакуированного из Крыма в Белую-Церковь в Югославии.

- С подлинным верно: Хранитель музея РОДНОЙ КОРПУС,
Полковник ПРИХОДКИН.

SARTOVALA - VALAMO
FINLAND

26/9 Декабря 1937 года

Кажется, Господину Полковнику, нашему Председателю, исполнилось 70-летие - многая ему лета!
Я разделяю с ним его юбилей, потому что и мне в июне исполнилось столько-же.

Дорогой Доктор !

Вот уже пять месяцев я живу на Валааме, в Финляндии, имея здесь научную работу, и приеду в Париж, если придется, только весною.

Очень жалею, что не придется быть на нашем Корпусном празднике, вместе помолиться, разделить братскую трапезу, утешиться дорогими воспоминаниями...

Передейте Господину Полковнику и всем Полтавцам мой самый сердечный, искренний привет. Всех Вас с любовью ношу в своем сердце, как весну моего пастырства.

Призываю на Вас Божие Благословение, желаю благополучия и успехов в делах Ваших на многая лета !

А всем, отошедшим от нас в иной мир - да сотворит Господь: вечную память !

Вечная слава родному нашему Петровскому-Полтавскому Корпусу ! И дай Бог, нам всем быть достойными его дорогой памяти и верными его заветам.

Любящий Вас Протоиерей Сергий ЧЕТВЕРИКОВ
Последний Законоучитель Петровского-Полтавского Кадетского корпуса

28-го Ноября 1939 года.

Дорогой Доктор !

Если в этом году состоится у вас обычный молебен и собрание Полтавских кадет, передайте всем мой сердечный привет и благословение. Душою и сердцем буду со всеми вами.

С глубоким волнением и благодарностью вспоминаю нашу последнюю встречу у Чепурковского и присутствие кадет на моем прощальном молебне и дар - Священную икону.

Да хранит вас всех Господь в добром здравии и благополучии!
Протоиерей С. ЧЕТВЕРИКОВ

Письмо на имя Председателя Объединения Петровских кадет Доктора Н. КАРАЧЕНЦЕВА.

Serge TCHETVERIKOFF - VALAMO-LUOSTARI, F I N L A N D E .

С. ТРЕЩЕНКОВ (вып. 1919 года)

ПОЛТАВСКИЙ КОРПУС В ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

"Великая и бескровная" застала меня во 2-ой роте, в пятом классе.

В дореволюционный период жизнь корпуса протекала по раз навсегда установленному шаблону: все, и кадеты и служащие, знали, что им полагается делать и что их ожидает в будущем, поэтому жизнь одного корпуса мало отличалась от других.

Революция, уничтожив существовавший порядок, заставила каждого из нас более сознательно отнестись к жизни, ибо, волей-неволей, надо было определить наше отношение к событиям и проявить иногда какую-то инициативу.

Известие об отречении Государя поразило нас, как гром среди ясного дня. Весь корпус был собран в церкви. Слушая чтение манифеста об отречении и видя, что многие наши офицеры плачут (я до сих пор помню лицо командира 2-ой роты Полк. Ромашкевича), мы, мальчишки, инстинктивно чувствовали, что произошло что-то непоправимое.

В семье, конечно, не без урода, - нашлись такие и у нас, но, к чести корпуса, надо сказать, что в массе мы революции не восприняли, относясь к ней отрицательно и тем оправдали данное нам воспитание.

До летних каникул 1917 года, жизнь корпуса текла еще по инерции, как в прежнее время. Директором корпуса был тогда ген. Майор Клингенберг. Находился он на вершине педагогического Олимпа, мы его мало видели и практически его не знали. За его немецкую фамилию и его вид прусского офицера, мы скорее его не любили и величали его, за глаза конечно, презрительной кличкой: "Немец".

И вот этот "немец" в дни революции проявил себя с неожиданной стороны и в краткий период (он был арестован и убран из корпуса летом 1917 года) завоевал любовь кадет.

В связи с событиями в Петрограде и Москве, появились кадеты из других корпусов, считавшиеся у нас прикомандированными. Среди них был и сын Клингенберга, кадет Пажеского корпуса, который, вместе с несколькими другими кадетами, вошел в местный совет солдатских депутатов. За эту полезную деятельность, по просьбе 1-ой роты, Ген. Клингенберг приказом по корпусу уволил собственного сына.

Последующие и более серьезные события, показали нашего директора с новой стороны.

Наш духовой оркестр был в те времена единственный в Полтаве и, понятно, корпус всё время получал настойчивые приглашения принять участие в парадах и манифестациях. За всё время, мы только один раз были вынуждены принять участие в каком-то параде, маршируя среди толпы разукрашенной красными бантами. Это нам сильно не понравилось и от дальнейшего участия мы отказались.

Директор наш, обвиненный местными властями в держании кадет взаперти, стал предлагать всем приходящим нас "приглашать" и пойти для этого переговорить с I-ой ротой, которая приглашения эти отклоняла, ссылаясь на то, что наше дело учиться.

Это продолжалось до того момента, когда, очень уж настойчивый очередной делегации,"слегка"помогли спуститься с лестницы.

Отношения между корпусом и городом сильно испортились. Революционные массы, одних запасных в Полтаве насчитывалось тогда около 4.000, угрожали взять корпус приступом и уничтожить это "контр-революционное" гнездо. Атмосфера была напряженной до крайности, и мы ожидали нападения с минуты на минуту.

Первая рота, вооруженная берданками, а 2-ая железными гимнастическими палками, охраняли все входы в корпус. Об исходе предстоящего боя, мы иллюзий себе не строили. Не знаю точно,что происходило в I-ой роте, но мы, кадеты 2-ой роты, написали прощальные письма родным и сложили их в укромном месте, с тем, чтобы оставшиеся в живых, отправили-бы их по назначению.

Вот в этот остро-переживаемый нами момент, пришел к нам Ген. Клингенберг и произнес речь, уговаривая нас сохранить хладнокровие и ничего не предпренимать без его ведома. - "Поверьте, что когда настанет нужный момент, я сам скомандую: В РУЖЬЕ !", были его заключительные слова.

Слава Богу, ничего не произошло. По городу распространилась весть: кадеты установили в первом этаже артиллерию и пулеметы. Улицы, прилегающие к корпусу совершенно опустели: "краса и гордость революции" не рисковала проходить мимо вооруженного "контр-революционного гнезда".

Объяснение этой вести можно найти только в следующем незначительном событии: мы, не помню уже почему, втащили в первый этаж две маленькие пушки, времен Петра Великого, всегда находившиеся в корпусе. Кто-то это видел и молва превратила их в "мощную артиллерию". Как бы то ни было, но мы мирно, благодаря этому, дожили до летних каникул.

Возвращение в корпус осенью I7 года, уже в I-ую роту, приготовило нам целую серию неприятных сюрпризов: корпус был переименован в гимназию Военного Ведомства, что было, с нашей точки зрения, гораздо хуже, чем прежние военные гимназии.

Директор наш, Ген.-Майор Клингенберг, исчез, а на его место был назначен Полковник Антонов, бывший инспектор классов Донского корпуса.

В нашей Звериаде тогда пелось:

" Мы ждали нового владыки
" Лихого чудо-казака."

встретили же мы безвольного и бесхарактерного человека, мало подходившего для роли "владыки".

Тяжело было пережить нам исчезновение берданок из I-ой роты, о которых мы мечтали уже с I-го класса. (Кавалллерийские винтовки I-ой роты были заменены берданками в августе I9I6 года. Оставили лишь 5 или 6 кав. винтовок для учебной стрельбы в тире.

Мой отделенный воспитатель, Подполк. Шереметов, оказавшийся членом партии социалистов-революционеров и сделавшийся военным

комиссаром города Полтавы, воспользовался летним отсутствием кадет и передал их для городской самоохраны.

Новые веянья стали сказываться во всём. Было очевидно, что решено уничтожить военный дух корпуса. Началось это с нашего первого знакомства с новым директором, который прийдя в столовую, стал нас поучать, что на его приветствие нельзя отвечать, как раньше:

"Здравия желаем.., а надо говорить, как он: здравствуйте". Итак: "Здравствуйте, господа!" - "Здравия желаем, Господин Полковник". - "Да нет!.. так нельзя!.. я уже вам говорил, - еще раз: Здравствуйте, господа!" - "Здравия желаем, Господин Полковник". - "Так, ведь, нельзя... вот я выйду, вернусь и еще раз поздороваюсь с вами".

На третий раз успех превзошел все ожидания: в ответ на приветствие нашего директора, поднялось что-то невообразимое:

- "Здравствуйте!.. Как поживаете?.. Как здоровье супруги?.. А детишки, как?"

Директор с нами больше не здоровался, исчезли РОТЫ, их заменили ВОЗРАСТЫ. Строиться по ранжиру было запрещено, надо было становиться парами и запрещено было ходить в ногу.

Не помню уже в какой момент, кадетский мундир превратился в черную тужурку, были сняты погоны, петлицы и галуны с воротника, медные пуговицы были обшиты черной материей. Исчезли и служители, убиравшие помещение и прислуживавшие в столовой. Для этих работ назначались кадеты. По новизне, это даже нам понравилось, в особенности субботняя уборка классов, когда все роты уходили в церковь, всегда находила массу желающих.

Ввиду полной растерянности начальства, мы взяли на себя поддержание дисциплины и порядка, чтобы не угашать кадетского духа и, надо признаться, что поддерживали мы их, несравнительно более строго, чем это было в прежние времена.

Это не мешало, однако, нам хулиганить по отношению к нашим преподавателям и воспитателям, чтобы дать им почувствовать результаты нового порядка. На их уверения, что такого у нас раньше не бывало, всегда отвечал дружный хор: - "Раньше был корпус, а теперь гимназия!".

Позже, часть ротных помещений была занята красноармейцами, на подъезде корпуса красовались часовые с пулеметами. Это породило новый вид спорта: гурьба кадет окружала часовых и заговаривала им зубы, в то время, как другие пытались стащить оружие. Иногда это удавалось, оружие исчезало в бесчисленных тайниках корпусного здания, и последовавшие за этим обыски, иногда во время уроков, не давали никаких результатов.

Так дотянули мы до лета 1918 года.

Для истории Корпуса следует только отметить, что после входа в Полтаву Петлюровских и немецких войск, большинство кадет 1-ой роты, горя желанием сражаться с большевиками, удрало из корпуса и записалось в какой-то гайдамацкий полк имени Кости Гордиенко. И только хлопоты корпусного начальства пред немецким командованием, вынудили молодых "гайдамаков" вновь занять места на партах.

Учебный 1918-1919 год принес нам новые изменения: на Украйне власть перешла к Гетману. Съезд корпусов, созванный в Киеве, вынес единогласное решение о восстановлении Кадетских корпусов.

Корпуса, находившиеся на территории Украйны, вновь вернулись к прежнему порядку, но были украинизированы. Появились погоны того же синего цвета с белым кантом, но суженные и закругленные вверху; вместо вензеля Великого Петра, на них красовался трезубец, украинский герб. Роты стали именоваться сотнями, восстановлено было производство в вице-унтер-офицеры, и введено преподавание истории и георграфии Украйны и украинского языка.

К этим новым предметам мы относились в высшей степени враждебно, и обычно преподаватели не выдерживали больше трех-четырех недель. Одно время преподавателем украинского языка был у нас священник Суворовского корпуса, но и он не оставался долго.

I-ая рота получила право курить и команда во время строевых занятий: "Стоять вольно, можно курить", приятно льстила нашему самолюбию.

Однажды был получен приказ ознакомить кадет со строевым украинским пехотным уставом. Знакомство это произошло на плацу, и, несмотря на крики офицеров, вся рота буквально валялась на земле от смеха.

В виде возмездия за вольности гимназического периода, дисциплина была введена более строгая, чем в прошлое время.

Дожили мы до декабря 1918 года. К этому времени политическое положение сильно изменилось: гетман исчез, появился Петлюра. Корпус получил распоряжение отпустить кадет по домам, так как здание понадобилось новым властителям.

Многие, в том числе и я, уехали домой, договорившись, что вся первая рота уедет в Добровольческую армию. Пробывши некоторое время дома и узнав, что Полтава уже в руках большевиков, я решил, что пора уезжать.

Пассажирского движения по железной дороге в то время не было, и оставался единственный способ передвижения на юг, отступление в составе Петлюровской армии.

Придя на вокзал, я был немедленно записан в одну сотню, в составе которой нашел 27 кадет Полтавского корпуса. Среди них были: Модзалевский, братья Затеплинские, Шавернев, наш генерал выпуска, Ходов, Крещановский и другие. Сотня эта носила громкое название: I-я сотня особого образцового батальона при штабе тыла левобережной Украйны.

Кадетская жизнь была окончена. Начался великий путь в неизвестность.

С. ТРЕЩЕНКОВ

Кадет БОГОМОЛЕЦ (вып. 1921 г.)

ЗАНЯТИЕ ПОЛТАВЫ - Середина июля 1919 года.

От Лозовой, Сводно-Гвардейский полк двинулся на Полтаву, продвигаясь с небольшими боями.

Перед Полтавой, один батальон, в котором находились Сабо,

Пышнов и др., был двинут по направлению к Харьковскому вокзалу, занятому сильным советским отрядом при бронепоезде. Последний, подвергнутый артиллерийскому обстрелу, сразу же ушел: сопротивлялись упорно лишь красноармейцы и матросы.

Другой батальон (в котором находился я), под командой Полковника Богуцкого, при двух орудиях и нескольких Люисов, подошел к городу со стороны Институтской рощи.

Полковник Богуцкий, вызвав офицеров, знающих Полтаву, приказал ее занять. Таким образом, Капитан Петровский Николай Иванович, наш однокашник, с 80-ю конными разведчиками, при одном орудии и двух Люисах, двинулся освобождать родной город. Прошли Институтскую рощу, вошли в город, тишина. Подошли к Круглому саду и спешились. Едва мы вошли в Круглый сад и дошли до памятника Славы, как, из третьего этажа корпуса, красные курсанты открыли по нас огонь.

Капитан Петровский, запретив нам стрелять по своему корпусу, выделил отряд человек в 20, при одном Люисе, с заданием проникнуть в корпус со стороны кадетского плаца, чтобы ударить красным в тыл.

Для этого нам нужно было взять улицы на углу Старого Губернаторского дома и пройти мимо Старицкой женской гимназии, чтобы обогнуть кадетский плац с его трех сторон и проникнуть во внутренний двор через ворота возле корпусной электрической станции. Во время нашего передвижения, Капитан Петровский приказал выпустить две шрапнели по баням корпуса.

Когда мы дошли до наших бань, то, увидев драпавших курсантов, открыли по ним ружейный и пулеметный огонь, нанеся им потери убитыми и ранеными. У нас никто не выбыл из строя.

Красные курсанты, находившиеся в главном здании корпуса, чтобы избежать мышеловки, принуждены были спешно его покинуть с черной лестницы I-ой роты и по Куракинской улице отойти к Киевскому вокзалу. Они не оставили ни убитых ни раненых, но, свежая кровь в спальне левого крыла 3-го этажа, указывала, что какие-то потери всё-же были.

Ротные помещения были в ужасающем состоянии: стекла разбиты, кровати и парты поломаны, клозеты загажены, электричество и канализация не функционировали, пол был так загажен, что даже паркета не было видно.

В церкви осталась только одна люстра. Иконостасы без икон.

Памятник Петру Великому в вестибюле был прострелян пулями, а вензель отбит, повидимому штыками. В те времена культа Петра Великого у Советов еще не было и красноармейцы делали всё, что им приходило в голову, особенно в провинции.

Лазарет корпуса был временно взят для больных и раненых Гвардейской дивизии.

Временным комендантом города назначен Капитан Данилов, Л. Гв. Гренадерского полка.

Два часа спустя, после исчезновения красных, город ожил и улицы заполнились, как в праздничный день.

Около сорока кадет, в возрасте от I4 до I6-ти лет, пополнили две пулеметные команды Сводно-Гвардейского полка.

На третий день был взят Харьковский вокзал, и только тогда мы увидели воочию прелестных Полтавских гимназисток.

Кадет БОГОМОЛЕЦ

Доктор Н. КАРАЧЕНЦЕВ (вып. 1918 года)

СТРОЕВАЯ РОТА.

(4-го и 14-го Октября 1919 года)

Скудность источников, отсутсвие плана Полтавы и её ближайших окрестностей того времени, всё-же не пресекли во мне желания описать Октябрьские события, где так ярко проявили себя кадеты 2-ой роты, самой старшей в то время в нашем Корпусе, где шести и семиклассники составляли лишь взвод из 15-20 кадет максимум.

2-я рота занимала помещение против I-ой, где до революции помещались самые маленькие кадеты 4-ой роты.

Все мои усилия добыть более обширный материал, не увенчались успехом: у всех, за 46 лет, почти всё изгладилось из памяти, а потому оказались часто очень ценными, то одна фраза, то дата, или фамилия, или направление, название улиц, часто имевших два названия и т.п., что заставляет думать о некоторых вкравшихся неточностях.

Но даже неполное описание происшедшего вплетает новые листья в лавровый венок Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса.

Сведения были даны: А. Бугреевым, Н. Сулимой, Ю. Геништо́й, А.А. Скрынькой, М. Дмитриевым и, наконец, почерпнуты из дневника А. Луста, написанного им в 1921 году в Галлиполи.

К сожалению, в своем дневнике, Луста часто очень лаконичен и каждая фраза, занесена, как веха, для его личных воспоминаний, дающая ему возможность их пережить. Постороннему же лицу, не принимавшему участия в описываемом им происшествии, невозможно себе представить во всей полноте картину событий, как например 4-го октября 1919 года.

Кроме того, Дмитриев, Луста и отчасти Бугреев, являясь выразителями мыслей кадет корпуса об этих событиях, рассматривают 4-ое октября, как неизмеримо более значительное, чем последовавшее отражение Шубы, десять дней спустя.

По мере возможности их редакции были сохранены, также как и всех других источников.

Н. КАРАЧЕНЦЕВ.

Необходимо предварительно напомнить некоторые данные:

- 12 декабря 1918 г. кадеты были преждевременно распущены на каникулы. Остались в корпусе лишь те, в числе 30-40, кому не́куда было ехать, и в большинстве это были кадеты 4-ой и 3-ей рот, и все они были сведены в помещение I-ой роты, как это всегда делелось во время каникул.

- 6-го января 1919 года, красные заняли Полтаву, а на другой день в помещениях 2-ой, 3-ей и 4-ой рот была размещена одна из частей Советской армии.

- 28-го января предъявлены два требования командира Советской части, находящейся в здании корпуса:
  - первое, очищение Церкви в тот же день для устройства в в ней красноармейской читальни,
  - второе, очищение всех квартир, занимаемых офицерами-воспитателями (О. Сергий Четвериков),

- В этот день, из воспитательского персонала корпуса, Директор и три ротных командира были в тюрьме. Не был арестован Полк. Парай-Кошиц, поэтому он и был самым старшим из офицеров корпуса. Это требование, очищение квартир, их ставило в тяжелое положение: куда деваться с семьями из насиженных гнезд - казенных квартир?

- Полковнику Парай-Кошицу было не до спасения знамени корпуса и его сожгли в тот же день,

- Был-ли это или нет (не удалось выяснить) со стороны Советской власти психологический подход, чтобы затем их поставить перед диллемой:
  - или квартира и всё прочее, но при условии стать курсовым офицером в проектируемой Школе советских курсантов,
  - или убираться вон?

Так или иначе, но в феврале 1919 года, открылась в помещении корпуса эта Школа, командиром которой был капитан, курсовой офицер Виленского военного училища, а почти все остальные должности заняли наши офицеры-воспитатели.

Более 300 курсантов, одетых в кадетскую форму, но без погон, были разбиты на ДВЕ роты, одна состояла из бывших старых унтер-офицеров, а другая - из недоучек: гимназистов, реалистов, семинаристов и т.п.

Оставшиеся 30-40 кадет были выгнаны из корпуса и, конечно, без погон и других знаков былой формы, нашли, около 20-го февраля, приют в здании садоводства Института Благородных Девиц на Келинском проспекте. Некоторые, как Щиголев, Шевелёв, Грюн и возможно другие, ходили туда, продолжая преподавать свои предметы.

Повидимому (это без всяких доказательств, но и без опровержений), лишь капитан Чепурковский не бросил на произвол судьбы этих кадет, среди которых 5-го и 6-го классов было не больше 8-10 питомцев корпуса.

При Советской власти у институток не произошло почти никаких изменений, они продолжали их нормальное образование.

А. Луста нам дает другие детали о жизни кадет:

Начальница Института, узнав, в каких тяжелых условиях нам приходится жить, сразу-же пошла нам на встречу: мы получили матрасы, подушки, белье и начали ходить завтракать и обедать в из столовую. Ну, как жили кадеты с институтками в то время, это, пока жив, не забуду.

Институт - младшая сестра корпуса. Велось это три четверти столетия, так что кадет и институтка - брат и сестра.

Начались путешествия в сад под окна Института. Первые с кем познакомились были институтки третьего класса: Валя Караченцева и Катя Соколова.

Время проводили очень весело: началось с того, что мы проникали в сад через забор. Обыкновенно, это было часов в II, когда их выводили на прогулку.

Прячась в кустах, стараясь быть незамеченными классными дамами. Просим вызвать в "приемную" наших друзей. Они приходили и начинался невинный, наивный разговор.

О, как дорого вспоминать это !

Они рассказывали, как они изводят "Евгешку", как она их "залопала" и т.п. В общем, та-же наша кадетская жизнь, с темиже инцидентами, с теми-же интересами.

Мы, конечно, рады стараться, кроем и их наставниц и своих зверей, вспоминаем доброе старое время, надеемся на будущее. Обыкновенно брат институтки, если такой есть, кадет, а потому они знали сравнительно нашу жизнь и даже щекотливые куплеты из нашей Звериады. Часто, как раз в разгаре разговора, приходилось "махать" через забор обратно, так как появлялась классюха.

Помню, раз под Пасху I9I9 года, мы сообразили такую вещь: под одним из окон росло дерево и один сук выходил прямо в это окно. И вот мы взбирались на этот сук и шопотом говорили по часу с институтками через окно.

Потом устроили в саду "почту", потому, что передача писем через "Марийку" возбудило у многих уже подозрение. Это было хорошо и удобно.

Помню, как мы сидели в роли глупых "Райских птиц" на дереве и при появлении "классюх", не успели сдрапать. Ну и положение было: классюхи издеваются, а институтки, некоторые подсмеиваются, а другие с таким сожеланием смотрят на нас.

Довольно часто начальница устраивала вечеринки, а иногда и целые вечера. О, как мы тогда мило проводили вечер !

Приходим в приемную. Швейцар, старый гвардеец, докладывает Начальнице. Входим в гостинную, прикладываемся к ручке, мило беседуем. - "Ну", говорит,"идите, гуляйте, веселитесь с моими обезъянками" (институтками).

Мы, конечно, рады стараться, идем прямо в классы во 2-ой этаж. Начинаются игры в кольцо, в фанты. Идем, садимся на парты, каждый к своей симпатии. Показывают альбомы, стихотворения, Звериаду. Начинаются танцы. Идем в сад, там тоже всевозможные игры, но больше ходим по аллеям.

Любили мы чаепитие, не потому, что были голодны, нет, а потому, что каждый садился визави своей дамы сердца и, на правах гостя, пользовались её вниманием. Ни о каком стеснении не могло быть и речи, да перед кем? Свои люди. Правда, при появлении "Евгешки, или "другого отродья рода человеческого", было уже совершенно не то. Приходилось и им и нам тщательно следить за собой. Потом мы уходили с обещанием быть на следующий день."

А. ЛУСТА

Но не всем так весело жилось в этот период в Полтаве.

"Несколько кадет Полтавцев, а также и других Корпусов, не задолго до прихода Добровольческой Армии, чтобы не погибнуть от голода им и их родным, работали в советской оружейной мастерской. чистили винтовки, приводили их в порядок, которые затем спешно отправлялись большевикам на фронт.

Была составлена группа из кадет и гимназистов (Дворянской Гимназии), в которой каждый член собирая винтовку, ломал у каждого третьего затвора боек, что делало ее непригодной к бою, хотя с виду она была отлична. Никогда никого не поймали - видно хранил мальчишек Бог".

Одному кадету Петровского Полтавского Кадетского Корпуса пришлось служить, по той же причине, т.е. заботясь о пропитании семьи и его самого, в штабе самого Главнокомандующего всеми вооруженными силами Левобережной Украйны, Егорова.

Это был старый кадровый офицер Царской службы, передавшийся красным, вноследствии Маршал Советского Союза и расстреляный Сталиным, кажется в деле Тухачевского. Кадет этот был устроен помощником старшего дворника одним бывшим гусарским ротмистром, служившим тоже в этом учреждении в оперативном отделении.

У кадета были две обязанности: одна, подметать рано утром коридоры и самый кабинет Главкома, а в некоторые дни, носить запечатанные конверты, самым тайным образом передаваемые ему этим же ротмистром, на Котляревскую улицу.

Это была тайная белая организация".

М. ДМИТРИЕВ.

"В мае месяце, каптенармус 2-ой роты зазывал всех встречаемых им кадет и, втихомолку, одел человек 15, выдав им рубахи, нижнее белье, брюки, шинели, не не было лишь сапог".

Ю. ГЕНИШТА

В середине июля 1919 года, Полтава освобождена от большевиков.

Почти все кадеты, жившие в здании садоводства, в большинстве малыши, поступили в части 3-ей Гвардейской дивизии: Дмитриев Лейб-Гвардии в Кегсгольмский полк, а остальные, приблизительно около 30-ти кадет, Лейб-Гвардии в Петроградский полк и в артиллерию Гвардии.

Они: "Три дня прощались с институтками. Получили молитвы, ладанки, иконки. Я получил иконку (К сожалению, эту дорогую память я, умываясь, забыл в мес. Яблонове, Полтавской губернии). Начальница благословила, перецеловала, институтки прокричали Ура и мы уехали на фронт".

А. ЛУСТА

Эта дивизия была двинута на Киев и наши юные добровольцы приняли участие при взятии этого города.

"Я был послан в деревню Н. Моисеевку, что в трех верстах от нас. Это пространство было видно "товарищам", как на ладони и обстреливалось артиллерией, пулеметами и из винтовок. Едва я выехал верхом, как зашпарят по мне, так мне небо в овчинку показалось. Пули из пулеметов взбивают песок то спереди, то сзади,

снаряды рвутся, причем головка пролетела над самым ухом лошади. Я пригнулся к луке и шпарю. И так мне пришлось ездить три раза туда и обратно. Спасли молитвы матери".

"... приказано пустить беглым огнем на картечь по снова наседающей красной пехоте и орудие, "на передок", Колька Петров (кадет 5-го класса) сел на хобот, я на щит и шпарим на М. Мотыкино, на окраине которой, собрались наши части. Вскакивая на щит, разодрал штаны и в довершение всего, на всем ходу слетела с головы фуражка и упала шагов на сто в сторону красных...

Картина такая, меня поднимут на смех, как потерявшего фуражку в бою, а с другой стороны, шагах в девятистах, товарищи бегут с винтовками, стреляя на ходу. Минута колебания ... и я, стремглав слетев со щита, бросился за ней.

Красные не подстрелили только потому, что волновались, очевидно, не меньше меня, стараясь попасть. Нагнал своих у самого Мотыкина. Перетрусил здорово, но за то с удвоенной яростью стал расстреливать из карабина наседавших большевиков".

А. ЛУСТА

После освобождения Полтавы, наши "курсовые офицеры" были посажены в Арестантские роты на Сенной площади.

А.А. Скрыньке, который пришел, вместе с другими, их навестить, они негодовали:

"Это возмутительно! Молокососы будут нас судить".

Сразу-же был реабилитирован Капитан Чепурковский Николай.

Август. Начинается съезд кадет далеко не полный и почти до 5-го класса включительно. Некоторые успели уже побывать несколько месяцев в Добровольческой армии и Петров старший, со шрамом на лице, вернулся даже с Георгиевским Крестом.

Благодаря хлопотам Полковника Антонова,Офицеры-воспитатели, хотя еще и не реабилитированные, были временно отпущены из под ареста и вступили в исполнение своих прежних обязанностей в корпусе, и жизнь в нем начала входить в нормальную колею.

Сентябрь. Приказом Ген. Деникина все учащиеся должны быть возвращены из Армии в свои учебные заведения, и нашим юным добровольцам, после взятия Киева, пришлось вернуться в корпус. Конечно, они были очень горды и многие носили на рубахах полковые значки.

3-го Октября М. Дмитриев, будучи приходящим, возвращался к себе домой на Константиновскую улицу. Но на Сенной площади, около арестантских рот:

"Я был остановлен каким-то вольнопером довольно тонного вида, который мне передал о полученных сведениях, о возможном нападении на Полтаву повстанцев и о просьбе Коменданта города кадетам-добровольцам прибыть спешно в Комендантское Управление. Я, не мало не сумняшесь, пулей к себе домой, облачился в поход, забрав винтовку, патроны и в корпус.

Кадеты возвращались с обеда, я стою около статуи Петра в приемной и слышу взволнованные голоса: "Дмитриев с винтовкой!"

Прячусь от зверей, т.к. некоторые, из зависти, косо смот-

рели на кадет-добровольцев. Лечу затем наверх, в помещение 2-ой роты. Там уже все "благородные корнеты" во главе с генералом выпуска Затурским, рядом с ними 6-ти-классники: Годунский, Лошунов старший, Кидалов, Легеза, Левицкий, Коростовцев, Белявский Сергей и более молодые, как Луста и другие.

Докладываю, Комендант требует нас.

Через четверть часа, все кадеты-боевики, удравши буквально из корпуса, шпарят взводом под командой Затурского по Александровской улице в К.У.

Я один с винтовкой. По дороге вдруг мысль: "А что, если это утка? Ведь я этого вольноопера не знаю, и поверил ему на слово". Но это была правда.

В корпусе-же, младшие и звери заметили наш драп, и воспитателям стоило много усилий их удержать.

Таким образом, до захода солнца, около пяти с половиной часов вечера, группа в 20 кадет уже была вооружена и оставлена при К.У".

М. ДМИТРИЕВ

В том же сентябре месяце, приезжает Н. Сулима в Полтаву для лечения своей контузии, полученной под Нежином. Остановился он у своей тетки на Монастырской улице. Первой его заботой было избавиться от вшей, а затем сшить себе галифе из синей диагонали для более приятного препровождения времени, как например, поплясать 3-го октября на Белом Балу, организованном городом, о чем не знал Дмитриев и, возможно, другие кадеты.

"В 20 часов, в самом радужном настроении, появился я (Сулима) на балу, где меня знали, вероятно, все гимназистки и полтавские барышни, если не лично, то по наслышке. Веселился на все I2 баллов, но не очень долго: около полуночи, при входе в зал произошло замешательство, оркестр внезапно умолк, в зал вошел комендантский адъютант, Ротмистр или Штаб-ротмистр Мариупольского гусарского полка (фамилии не удалось выяснить) и громогласно заявил: - "Все воинские чины должны немедленно явиться в К.У.".

Послышались возмущенные возгласы: - "Как?!.. Почему?.. На каком основании?.."

- "Господа Офицеры, повторил ротмистр: передаю вам приказание немедленно явиться в К.У. Бал окончен!"

"Позвольте, мы должны проводить наших дам домой".

- Это будет сейчас организовано групповым порядком".

Группу барышень, живущих на Юго-Западе от Круглого Сада, трое, в том числе и я, за 3/4 часа развели по домам, а затем "рысью" помчались на Петровскую площадь, где находилось К.У.

Здание было ярко освещено, и там уже было довольно большое количество отпускных и выздоравливающих офицеров, которые горячо обсуждали заявление коменданта: К городу подходит какая-то вооруженная банда, а в его распоряжении нет никакой воинской части. Он телефонировал в Харьков, и в ближайшие часы должны прибыть пехотные части для защиты города. - Пока-же он предлагает сформировать при К.У. роту из присутствующих, благо в подвалах комендатуры находятся ящики с английскими винтовками и патронами.

Немедленно несколько ящиков были притащены в приемный зал и вскрыты с трудом, т.к. упаковка была основательная и добротная, а инструментов почти никаких. Если патроны, по английскому обычаю, были в матерчатых патронташах, то винтовки лежали в просмоленной бумаге и в розовом жиру, вроде вазелина, в котором они буквально плавали и требовали предварительно основательной чистки.

Все, оказавшиеся под рукой тряпки, превратились в комки вазелина. Пришлось срывать портьеры, занавески и снимать чехлы с мебели для этой работы.

Первые вооруженные были отправлены в дозоры в разные места города с адресами офицеров в отпуску, чтобы их поднять и отправить в К.У.

Комендант города, Полк. Римский-Корсаков, Ахтырский гусар и очень боевой офицер, всегда ходил с ахтырской серьгой в ухе (М. Каратеев), рвал и метал: не было ни людей, ни информации.

В этот момент, закончив личное вооружение, я попросил разрешение передать оружие корпусу, на что немедленно получил благословение: "Кадет старшей роты прислать в К.У. для вооружения, а корпусное начальство осведомить о происходящих событиях".

Кстати, обратился он к своему адъютанту: "Все корпусные офицеры еще находятся в списках нереабилитированных?" - "Так точно, Господин Полковник".

(Примечание: Ответ не точный. Адъютант не на высоте положения: Капитан Чепурковский сразу же был реабилитирован.)

Командование Добровольческой Армии не считалось с чинами офицеров, бывших еще под следствием и, просто на-просто, их игнорировало, что не мешало последним, пока суть да дело, носить погоны и, например, в корпусе занять свои прежние должности.

В корпус я отправился с кадетом Белявским, 5-го класса, находившагося в этот момент в К.У. (и входившего в группу Дмитриева, о чем Сулима ничего не знал или просто теперь забыл).

Корпус спал, но видимо тревожным сном. Мой спутник провел меня боковой дверью в спальню 2-ой роты. Там им были разбужены несколько наиболее "взрослых" кадет, которым я приказал спешно одеваться, чтобы итти в К.У. за винтовками и патронами.

Дежурный офицер - воспитатель младших классов, которого я знал по виду, но фамилии не помню, лежал на койке и дремал, не раздевшись полностью. Когда я вошел в дежурную комнату, он спустил ноги с постели, разбуженный негромкими разговорами и шагами встававших кадет.

"Что происходит?", спросил он меня, смотря с недоумением на висевшие на мне английские патронташи. Я ему доложил о приказе Коменданта.

"Я должен сообщить ротному командиру и Директору корпуса о происходящем", сказал он, натянув сапоги.

- "Добавьте им также, Господин Полковник, что Комендант города не имеет никаких воинских сил для защиты Полтавы, и никто не знает, что нас ждет до прихода воинских частей из Харькова. Пока я веду первую группу одевшихся кадет в К.У. за оружием".

Мы вышли из дежурки. Прошло еще несколько минут и человек 20 кадет успели одеться и с ними я направился к выходу, крикнув другим:

- "Остальные, догоняйте!".

У выхода нас нагнал Подполковник Чеботкевич: "Подождите, Сулима, не выводите кадет на улицу; мы знаем с вечера, что в городе неблагополучно, и сейчас Директор корпуса с Полковником Парай-Кошицем отправятся за инструкциями - куда эвакуировать кадет".

- "Инструкции, Господин Полковник, я передал дежурному офицеру, и чем скорей Г-да офицеры корпуса явятся в К.У. для получения оружия, тем лучше и, если вы одеты, то присоединяйтесь к нам". - "Да, да, я присоединюсь к Полк. Парай-Кошицу". - "Ну, значит, увидимся в К.У.".

Кадеты не ждали конца разговора, были уже перед корпусом, и мы бегом направились в К.У. Там кадеты, с захваченными в корпусе тряпками, яро кинулись к ящикам с английскими винтовками. Я доложил, что приказание выполнено и I-я партия, около 20 кадет, чистят винтовки.

За время моего отсутствия, Комендант отдал приказание добыть подводы для отправки ящиков с оружием и патронами на Харьковский вокзал. Он, видимо, не питал больших надежд удержать город в своих руках, опираясь на собранных, с бору да с сосенки, отпускных офицеров, количество которых заметно уменьшилось, т.к. женатики безвозвратно увольнялись, чтобы заняться своими семьями.

Посланные за подводами пригнали двух извозчиков и отправились снова разыскивать ломовых.

Когда же комендантскому адъютанту пришла мысль выяснить: не проявляет-ли противник какой-либо инициативы, в этот момент ему попались под руки бывший юнкер Александровского училища, проживавший на Монастырской улице, и я.

"Молодежь! В разъезд на околицы города в сторону Шведской могилы". - "На чем, Господин Ротмистр?" - Распрягите извозцов, что торчат перед К.У. и дуйте!", забыв,"как полагается", сообщить дозорам, что он выслал конную разведку.

Было-бы разумнее сесть в пролетки, но выполнили приказ буквально и, несмотря на причитания извозчиков, выпрягли лошадей и,взгромоздясь на Россинантов, отправились в разведку. Пересекая город, мы быстро поняли, что удовольствие трястись без сёдел с довольно тяжелой английской винтовкой без ремня, является перспективой мало приятной и, если мы крупной рысью промчались по Александровской улице, то быстро сменили аллюр на более спокойный.

Проехав склад акцизного ведомства, после которого почти не было построек, мы сообразили, что, если в пешем строю, наша огненная сила равна двум винтовкам, то на Россинантах мы влипнем, как кур во щи и, собственно говоря, нам везет, что мы не встретили противника.

На обратном пути, у Круглого сада, нас чуть было не угробила группа офицеров дозора: услышав топанье копыт, они залегли и, подпустив нас на близкое расстояние, не потеряв хладнокровия, нас окликнули. Мы их в кустах даже не заметили и, когда выяснилось, что "свои", то нас ругнули:

"Никто не оповещен, что отправлены всадники в разъезд. Слезайте лучше с коней сами, а то чуть вас не сняли. На следующем перекрестке вас могут обстрелять: конным может быть лишь противник".

Ведя в поводу наших коней, мы зашагали в К.У.

Стало, как будто сереть, рассвет близился. Начали нам попадаться люди с вещами, часто сопровождаемые офицерами с английскими винтовками: это "женатики" эвакуировали их семьи, проехало несколько груженных извозчиков, у всех направление на Харьковский вокзал.

У К.У., с распростерными объятиями, нас встретили извозчики, которые немедленно впрягли Россинантов и получили седоков с котомками и чемоданами.

Мы доложили а нашей "разведке". - "Ну, хорошо, отдыхайте!"

Я с юнкером расположились отдыхать в приемном зале, где всё время кто-нибудь топтался, и начали серьезно подумывать, не шмыгнуть ли нам к его родителям на Монастырскую, чтобы выпить кофейку. Его родители жили напротив архиерейского сада.

Но не пришлось нам попить кофейку, т.к. часа через полтора, уже стало заметно светать и послышались всё более участившиеся ружейные выстрелы.

Н. СУЛИМА

За время их отсутствия в разведке:

-Остальные кадеты 2-ой роты, прийдя в К.У., получили вооружение.

-Пришли туда же, вероятно, Директор корпуса Полк. Антонов, Полк. Парай-Кошиц, Подполковники Чеботкевич и фон-Кноринг, может быть и другие, а также Капитан Чепурковский.

-Лишь Капитана Чепурковского принял Комендант города и назначил его командиром вооруженных кадет и, как первое приказание, в случае захвата города противником, отходить со своим отрядом к Институтской роще.

-Остальных офицеров корпуса, как нереабилитированных, Комендант отказался их принять, но приказал выдать им вооружение.

-Таким образом, благодаря Шубе и, игнорируя высшее корпусное начальство, в несколько часов, был сформирован вооруженный отряд кадет в возрасте до 16 лет под командой Капитана Чепурковского, т.к. более старшие и бывшие добровольцы, пришедшие с Затурским до захода солнца, оставались временно при комендатуре.

Тактика шубенцев, как и махновцев состояла в стремительном налете сразу же с нескольких сторон. Открыв затем безпорядочную стрельбу одновременно в разных местах, так, чтобы и сам черт не смог разобраться, и этим вызвать панику, чтобы затем, спокойно, заниматься грабежем и расстрелами. При малейшем же сопротивлении, уклоняться от боя. Это и было ими применено в это утро 4-го октября.

В ожидании войск из Харькова, на рассвете, обстановка представлялась таким образом:

-Начались спорадически раздаваться ружейные выстрелы в разных местах Северо-Восточной части города, а затем приняли более интенсивный характер.

- Наш Полтавец Четыркин старший, выпуска 1914 г., вышедший в свое время в Инженерное училище, но в Добровольческой армии служил в частях Туземной дивизии. Он был в отпуску со своим денщиком и жил у своих родных на Монастырской улице. Услышав стрельбу, он, в черкесске и с винтовкой в руках, направился к Круглому саду, где и был убит, не успев присоединиться к комендантскому отряду.

- В комендатуру поступили сведения, что какие-то вооруженные группы продвигаются по Колонийской, Монастырской и Большой Дворянской улице к центру города.

- Комендант, Полковник Римский-Корсаков, отправил человек 25 к центру города по Александровской улице на поддержку дозоров. В их числе и несколько кадет с Дмитриевым, взятых из группы Затурского, проведшей ночь в К.У.

- Остальные, с Затурским, были влиты в отряды кадет (А. Луста) под командой капитана Чепурковского и направлены на угол Котляревской и Кобелякской улиц, с приказанием, в случае необходимости, отходить по одной из дорог к Харьковскому вокзалу.

- Остальным, около 40-а, в том числе и нашим двум разведчикам, приказал сопровождать подводы с оружием на Харьковский вокзал, который нужно было, во что бы то ни стало, удержать в наших руках.

- Мне не удалось выяснить, кто и в котором часу ночи, или очень рано утром, дал приказ вести кадет 3-ей и 4-ой рот в Крестовоздвиженский монастырь. Из воспитателей их сопровождали: Чеботкевич, Зиолковский, Трофимов и, возможно, другие.

М. Каратеев, приехавший в корпус в конце октября, "когда это событие было совсем свежим, и о нём много говорили в корпусе", дал мне (20-4-65) довольно красочное резюме:

"Все восхищались доблестью Кап. Чепурковского и кадета Лошунова старшего. И, наооборот, возмущались трусостью Подполк. Чеботкевича. О нем рассказывали такой эпизод: когда он, с несколькими другими "осторожными" воспитателями вел младших кадет спасаться в монастырь, и они попали в руки к Шубенцам, последние начали их раздевать и грабить. Один бандит снял с носа у "Чижика пенсне в золотой оправе, тогда он, Чеботкевич, пытаясь говорить п украински, начал клянчить, чтобы бандит пенсне ему отдал. Бандит на чисто русском языке ответил, что очки ему, Чеботкевичу, на том свете не понадобятся, но Чиж продолжал клянчить до тех пор, пока бандит не швырнул ему пенсне, со словами: - "Да подавись ты ими, слизняк проклятый, они мне всё равно и на "палец" не налезут".

Офицерам-воспитателям угрожал расстрел, но быстрое радикаль ное изменение обстановки, благодаря маневру Капитана Чепурковского, заставили Шубенцев о них забыть.

Что-же произошло в разных местах города ?

Для этого необходимо предварительно подчеркнуть, что кадеты участники сопротивления Шубенцам в этот день, находились еще группами или в одиночке и, следовательно, в разных условиях, в разные моменты, где интервалы в несколько минут времени были решающими, а потому они, конечно, описывают события каждый по своему и не мало труда ушло на то, чтобы понять и обнять общую картину из-за кажущихся противоречий.

Как пример, может послужить первое приказание Кап. Чепурковскому, данное ночью, и замененное утром другим, а также развитие быстро меняющейся обстановки у моста через Ворсклу.

А произошло следующее: - Отряд в 25 человек, в котором находился Дмитриев, ему и слово:

"Выглядывая из-за деревьев в сторону Круглого сада и Корпуса, уже занятых Шубенцами, мы пытались что-нибудь увидеть. Наконец, когда немного просветлело, стали ясно видны бандиты, перебегающие Александровскую улицу в нашем направлении. Мы открыли, не медля, беглый огонь. Те то-же по нам. В этот момент, что-то меня рвануло назад и обожгло мускул под мышкой. Я был ранен в левое предплечье на-вылет без повреждения кости. Горд был ужасно!

Потом приказали отступать и я двинулся со всеми к Харьковскому вокзалу, но был задержан на перевязочном пункте на спуске перед мостом. После перевязки, я присоединился к отряду, спускавшемуся к Ворскле, но мы были обстреляны из окон вокзала и залегли за разными укреплениями перед мостом".

М. ДМИТРИЕВ.

"Капитан Чепурковский со своими кадетами дойдя до выше-указанного угла, наткнулся на "кавалеристов", человек 50, уже отступавших. Ему ничего не оставалось, как в свою очередь отходить, но, спокойно, отстреливаясь, к Харьковскому вокзалу.

Мы должны были под сильным огнем противника, уже занявшего монастырь, пробежать с тысячу шагов и мост через Ворсклу. Перебежали мост. Вокруг нас ужаный драп. Но вот появился верхом Полк. Польшау и крикнул: - "Кадеты, на плотину! защищать переправу!" и поскакал возвращать драпунов.

Мы заняли плотину параллельно реке Ворскле, имея направо впереди вокзал, а налево впереди монастырь, уже занятый Шубенцами и открывшими огонь по кадетам. В это время по шоссе, перед нами, мы увидели разъезд человек в 15. Мы хотели по ним стрелять, тем более, что нас отделяло расстояние около 60-ти шагов, но капитан Чепурковский проявил совершенно излишнюю осторожность, начав кричать: "Какой части?" - "Гусары", был их ответ.

"Какие гусары?". Этой перекличкой и воспользовались бандиты, начав осаживать коней и вдруг кинулись за насыпь, где они были в безопасности и с такой быстротой, что мы успели дать не более 4-х выстрелов, да и то в белый свет.

Появление этой конной разведки Шубенцев около вокзала, в то время, как их более крупные силы с пулеметами находятся у монастыря, эту обстановку учел сразу же Капитан Чепурковский и, под обстрелом, двинул, в перебежку, своих кадет от плотины в промежуток между монастырем и вокзалом.

Достигнув намеченного участка, цепь кадет залегла фронтом к монастырю и открыла огонь, что заставило Шубенцев оставаться на их позициях у монастыря.

Конные же Шубенцы, а может и не они одни, заняли Харьковский вокзал сразу же после отхода поезда на Харьков с многочисленными женатиками, их семьями и погруженным вооружением из К.У.

Их первой задачей было, ожидая подкреплений, закрепить положение, обстреляв в первую очередь мост через Ворсклу, чтобы

помешать его перейти спускавшемуся отряду, чего они и достигли. (Н. Дмитриев).

Но подкрепление им могло прийти лишь со стороны монастыря, чему не позволяли кадеты Кап. Чепурковского, пока единственная, маленькая, но боевая единица.

Они узнали раньше Сулимы, что подходит "специальный" из Харькова и, конечно, знали что это значит. Им ничего не оставалось, как постреляв еще в течении нескольких минут и по мосту и по кадетам, драпнуть затем, пока не поздно, из мышеловки, куда они сами влезли, или найти поспешно временный приют у единомышленников, как наилучший выход. Так или иначе, но они исчезли (до прихода Сулимы), но, продолжает Луста:

"И вот, то в нас стреляли спереди, а теперь и сзади. Вскоре прибежал солдат с приказанием отходить к городу через плотину. И, под огнем, с двух сторон, началась перебежка по одному. Когда я пробегал открытое пространство перед вокзалом, я ясно видел бандитов, высовывающихся из окон и стрелявших по мне.

За городом, части приводились в порядок и к вечеру город был очищен от бандитов.

Пошли с Годунским за шеколадом и тянучками и накормили всю кадетню. Этим собственно и закончилось участие кадет под командой Капитана Чепурковского. Раненым из нас был только Дмитриев.

А. ЛУСТА

Маневр Капитана Чепурковского продвинуться и залечь цепью между монастырем и вокзалом былъ решеющим своими последствиями на этом участке.

- Он задержал Шубенцев в монастыре. Последним пришлось затем открыть огонь с большой дистанции и по коменданту города на его рысаке, а затем и по "комендантским крысам" (Sic! Сулима)., что привело, конечно, к минимальному числу потерь.

- Харьковский вокзал, после отхода поезда на Харьков, был лишь, за отсутствием подкреплений, в течение нескольких минут в руках немногих Шубенцев.

- А за одно спас жизнь "осторожных" воспитателей корпуса, попавших с кадетами малышами в лапы Шубенцев.

Что же касается отряда, в котором был Сулима для охраны подвод с оружием, двинутых к Харьковскому вокзалу, Сулиме и слово

"Мы зашагали в нужном направлении и, когда вышли на рокаду, ведущую вниз к вокзалу, улица оказалась запруженной людьми с вещами, извозчиками с седоками, ручными повозками, - это был исход напуганного гражданского населения, среди которого было не мало офицеров с женами и детьми.

Слева затрещал пулемет, все ускорили шаги. На сером рысаке нас перегнал комендант. У последних зданий образовался затор: дальше дорога шла открытым полем и не было укрытия от пулеметного огня, который с довольно далекой дистанции, начал, всё лучше и лучше пристреливаться короткими очередями.

Извозчики отказывались вести седоков дальше, пешеходы жались к последним кирпичным стенам, многие направились обратно в город. Комендант приказал гнать подводы на вокзал и пустил гало-

пом своего серого рысака. По дороге за ним вскачь пошли подводы, а за ними, высунув языки, бежали мы - конвой и прочий люд, желавший попасть на вокзал.

Комендант на светлом рысаке представлял далеко видную и заманчивую цель, которую пулеметчик тщетно старался накрыть, и в первую половину нашего пути до моста через Ворсклу, мы слышали трескотню этого пулемета, но без свиста пуль.

Вторая половина пути до моста была менее приятной: пули засвистали роем, и люди начали падать. (Убитых и раненых этого офицерского отряда увезли позже в Харьков. Были раненые и в толпе беженцев). Особенно губительным оказался мост. Были даже раненые деревянными осколками, отбитыми пулями от перил моста.

У моста были купальни. Ими заведывал Иван Шепнякин, чемпион римской борьбы, женатый на маленькой итальянке. Он там преподавал и гимнастику и уроки плаванья. Будучи сам раненым в грудь, этот здоровила вынес раненого офицера и донес его до вокзала.

Задохнувшись от бега, мы выскочили после моста к первым домам железнодорожного поселка у вокзала и рассыпались в цепь влево от дороги, открыв беглый огонь по появившейся жиденькой цепи противника при двух всадниках. Попав под наш огонь, она сразу залегла. Рядом со мной в цепи лежал кадет Белявский, 5-го класса, о котором я уже писал. Стрельба постепенно затихла.

Оглядевшись, я заметил, что мы лежим на хорошо утрамбованной земле, служившей ранее угольным складом, и кучки угля являлись нашим бруствером. Легкий ветерок кружил угольную пыль. Я и мои соседи по цепи, с осевшей этой пылью на потных лицах, превратились в негров; смотря друг на друга, мы стали хохотать.

Хотелось пить, оставив дозорных на позиции в цепи, мы спустились с угольной площадки и пошли к вокзалу. Всё было заперто. Мы пошли на пути, нашли кран и, хлопая друг друга ладошами, легко выбили угольную пыль с одежды, но лица и руки с трудом отмыли без мыла. Собралось нас на перроне человек 15, да человек 5 остались в дозоре в угольной пыли.

Какой-то угрюмый телеграфист сказал нам: - "Все ваши погрузились на последний поезд на Харьков", и это он произнес таким вопросительным тоном, как будто-бы ему хотелось сказать: - "Что, мол, вы тут околачиваетесь? Других поездов на Харьков не предвидится".

- "А из Харькова?" спросили мы. - "Идёт вне расписания... Специальный", ответил он нехотя. - Где буфет?" - "Да вокзал закрыт..." - "Начальника станции сюда!", послышались недовольные голоса. - "Да ён, на стрелках, у семафора".

Человек пять направились по шпалам к семафору, подходя к которому, мы увидели медленно идущий состав. На паровозе сидели вооруженные солдаты и с ними не мало из нашего отряда при К.У., которые, погрузив наши подводы с вооружением, отбыли на Харьков, но, на первом полустанке, были выгружены и направлены по шпалам обратно. Их подобрал подошедший "специальный", который, прогромыхав на стрелках, остановился, не доходя до вокзала. Люди

соскакивали уже на ходу. Остановили же поезд, вероятно, потому, чтобы избежать "несчастного случая" от раскрепленных рельс.

Разгружавшаяся пехотная часть развернулась цепью и пошла в сторону монастыря.

Мы, "комендантские крысы", вернулись по утренней дороге обратно в город. Из разговоров в пути выяснилось, что утром из Исковки, где формировался запасный эскадрон и стояла хозяйственная часть Л.-Гв. Кирасир Ея Величества, были двинуты конные части в обход Полтавы, что налетевшая на Полтаву банда была сравнительно малочисленна, при двух пулеметах, но что она является авангардом довольно крупного скопления атамана Шубы, быть может подручного батьки Махно.

В К.У. мы всё застали в том же состоянии, в каком его оставили. Те, кто оставался в Полтаве, были в физическом отношении лучше чем мы: им удалось кое-как пропитаться, а мы валились с ног и были "голодающими индусами".

Когда комендант нас собрал и объявил, что в ближайшие 24 часа ничего более городу не угрожает и дал разрешение разойтись по домам с тем, чтобы завтра с утра явиться всем в К.У. для получения распоряжений, этого повторять ему дважды не пришлось.

Я пулей полетел на Монастырскую к моей тетке, где остановился и, наскоро поевши, завалился спать.

Н. СУЛИМА.

При вылавливании же, в самой Полтаве, замешкавшихся Шубенцев, неожиданными "союзниками" оказались жидки, лавки которых подверглись грабежу, налетевшими в это утро бандитами.

Таким образом Шуба оставил несколько "визитных карточек".

Ю. ГЕНИШТА.

"На следующий день город принял свой обычный вид.

В К.У. была сформирована рота из отпускных и выздоравливающих, был назначен командир роты (фамилии котораго не помню), взводные командиры; у кого отпуск кончался, то он автоматически был продлен и никто не имел права из отпускных покинуть город и сформированной роты.

Первый взвод этой роты состоял из нереабилитированных офицеров-воспитателей, военных чиновников и преподавателей корпуса. Взводным командиром был назначен я. Взводы, по очереди были дежурные: по ночам, по городу от дежурного взвода ходили патрули. Мой взвод считался на службе при корпусе и был освобожден от дежурств в К.У.

Н. СУЛИМА.

Капитан Чепурковский, за храбрость со своими кадетами, получил благодарственный приказ от Начальника гарнизона Генерала Кальницкаго.

Родной брат Капитана ЧЕПУРКОВСКОГО Е.А.

5-го октября все вооруженные кадеты были сведены в одну роту под командой Капитана Чепурковского, назначенного Комендантом города на эту должность, и Директору корпуса, Полковнику Антонову, ничего не оставалось, как "утвердить" его назначение, излишняя формальность с его стороны, вызванная личным самолюбием и престижем в стенах корпуса, т.к. командование Добровольческой армией игнорировало и не считалось с чинами нереабилитированных офицеров, что им не мешало носить форму и занимать их прежние посты в корпусе, за исключением строевой роты, где Полковник Парай-Кошиц (быв. командир I-ой роты) получил должность фельдфебеля, а Подполковники ф.-Кноринг и Коссарт, а также и другие, стали взводными унтер-офицерами и такими оставались до Крымской эвакуации, где Капитан Чепурковский был произведен в Полковники.

Это доказывает, что, из-за событий в России, наши офицеры-воспитатели не были реабилитированы на родной земле.

Капитан Чепурковский, участник Японской войны, где он был дважды ранен, умело, энергично, вплоть до стрельбы в нашем тире, усиленным темпом, с утра до вечера, занимаясь более чем со стами кадет строевой роты и, в несколько дней, имея дело с кадетами бывшими от 5 до 7 лет в корпусе, превращает её в образцовую и вышколенную военную единицу.

Рота самостоятельно высылает дневные и ночные патрули, и даже других рот малыши упражнялись так же в несении патрульных обязанностей.

Второе нападение Шубы было I4 октября, но, уже накануне, город с ужасом узнает о приближении партизан Шубы. Но на этот раз, все возможности защиты города были, вероятно, предвидены.

I3 октября А.А. Скрыньке сообщили,что кадеты выступят против Шубенцев. Он пришел в корпус к моменту выступления кадет и стал на ступеньках широкой корпусной лестницы, возле группы служащих корпуса. Открылись двери, и стали выходить вооруженные взводы кадет под командой Капитана Чепурковского, которые затем повернули направо по Куракинской улице, ведущей к Киевскому вокзалу. Улицы были пустынны. Город замер. Магазины закрыты. Все заперлись по домам, и только из окон смотрели на кадет стройно идущих защищать город от грабежа.

А.А. Скрынька возвращался домой по Александровской улице, уже пустынной. Недалеко от фотографа Хмелевского стояло два человека, по одежде которых, можно было думать, что это не городские жители. Когда А.А. Скрынька проходил возле них, один из них сказал: - "Вероятно, отстоят, мерзавцы!".

Строевая рота кадет прийдя на Павленки, разместилась в здании Украинской гимназии, открытой после революции нашим преподавателем истории Голобородько.

На другой день рота была двинута к железнодорожному пути по дороге на Диканьку. Пройдя железнодорожный путь и отойдя на полверсты фронтом к Мало-Будищенскому лесу, рассыпалась в цепь и залегла вдоль проселочной дороги, проходящей в выемке и образующей, таким образом, естественный окоп.

"Особый" взвод Сулимы оседлал шоссейную дорогу, имея слева роту Кап.Чепурковского, а справа залегшую цепь офицерской роты К.У.

Задача была удержать противника до прихода пехоты.

Перед цепью роты кадет находились: впереди и направо в двух стах метров - маленький хуторок, а прямо перед ним, на дистанции 700 метров, опушка Мало-Будищенского леса.

Сначала всё было тихо, но, после полудня, со стороны противника показалась пароконная тачанка, запряженная крупными лошадьми. Её приняли за пулеметную тачанку, отходившего нашего передового отряда, но, едва она скрылась за вышеуказанным хуторком, как открыла огонь по кадетской роте. Её огнем был ранен в палец Лошунов младший (Бугреев и Дмитриев).

"Первые орудийные выстрелы шрапнелью разорвались высоко между нашими цепями и городом, не причинив никому никакого вреда. Вслед за этим, перед участком офицерской роты, появилась цепь противника более густая, чем в первое нападение. К пулеметной трескотне присоединилась ружейная, но Шубенцы стреляли с большой дистанции и их пули жужжали высоко над нами.

В этот момент офицерская цепь поднялась и начала отходить. Был ли приказ, или нет, или просто решили стихийно укрыться за первыми кирпичными стенами города ? - во всяком случае, кадеты, увидев, что офицерская цепь поднялась, решили, что это атака и с громким Ура бросились вперед.

Капитан Чепурковский удержал во-время свою цепь, и она снова залегла. Офицерская цепь, остановив свой отход, залегла в свою очередь. Лишь мой взвод лежал в цепи не двинувшись с места, не получив от меня никакого приказания.

Шубенцы, услышав громкое Ура на своем правом фланге, прекратили движение вперед,и завязалась снова перестрелка, залегших цепей, не видя друг друга, их пули свистели высоко над головой.

Никак невозможно умалить того порыва и того энтузиазма, которыми горели сердца юных кадет-воинов: из бросок вперед с криком Ура, когда цепь офицерской роты поднялась для отхода, не выдержав огня пулеметной тачанки противника и цепи наступавших Шубенцев, был их победой и над противником, который залёг,и особенно психологически они "сконфузили" своих старших соратников, остановивши их отход.

Эта победа духа, проявление того воспитания и тех традиций, которые жили в стенах корпуса и впитывались в плоть и в кровь кадет".

Н. СУЛИМА.

"Противник, лучше вооруженный и более многочисленный, большим наступательным порывом не обладал. Капитан Чепурковский всё время ходил вдоль цепи кадет и сделал при всех замечание одному из подполковников корпуса, что там, где он укрылся, оттуда он не может видеть, что происходит у противника.

Около трех часов появился корреспондент какой-то газеты и присоединился к Чепурковскому. В своей газете он написал о "микроскопическом воине с детским лицом", винтовка которого была больше чем он и который был ранен в палец. Лешка Лошунов, дьявольски храбрый, был крайне возмущен этой заметкой и собирался при случае, проучить этого корреспондента.

В 4-ом взводе этой кадетской строевой роты были и дети, но физически более сильные".

А. БУГРЕЕВ.

"Когда кадеты бросились с криком Ура! в атаку, кадет Лошунов старший поднял с земли, прилипшего к ней фон-Коссарта".

Ю. ГЕНИШТА.

"Никаких других потерь в кадетской роте не было.

Около I7 часов, из города по шоссе вытянулась колонна пехоты Якутского полка, прибывшего из Харькова. Якутцы быстро развернулись вправо и влево от шоссе и, пройдя через цепи кадет и офицерской роты, пошли в атаку.

Цепь Шубенцев, не открывая огня, бегом ринулась к лесу.

Мы получили приказание возвращаться в город. Стройными рядами черные шинели кадет вливались в улицы Полтавы.

ВТОРОЕ нападение Шубенцев закончилось. Якутский полк прогнал их далеко от Полтавы, а дней через десять, прибывшие два эскадрона Кирасир Ея Величества, очистили всю Полтавщину.

На I5 октября Комендант города приказал устроить парад из участников защитников Полтавы, во время которого, Подполковники Чеботкевич и Шереметов, мне подсказывали команды.

После этих событий воспитатели настаивали на том, чтобы я сдал выпускные экзамены, а К.Г. Шиголев предложил даже мне открывать по вечерам премудрости безконечно малых и больших величин, чем я и воспользовался, сдав выпускные экзамены до эвакуации Полтавы.

Вне стен корпуса, наши офицеры-воспитатели и преподаватели производили на меня совсем другое впечатление. В большинстве это были семьянины, волнующиеся о своих семьях и, конечно, совершенно иначе, чем я, оценивали положение Белой армии и считали судьбу офицеров трагической".

Н. СУЛИМА.

"Вскоре после I4 октября, строевая рота кадет получила пулемет Люиса. Пулеметчиками были Белявский Сергей и Лошунов старший, но все кадеты упражнялись в стрельбе из пулемета в корпусном тире.

С 5-го же Октября, от строевой кадетской роты ходили дозоры по городу, которые жители встречали, как героев победителей, что нашему мальчишескому самолюбию было очень приятно. С этого момента и до эвакуации, корпус нес всё время охранную службу, ходил даже и я с рукой в косынке и с винтовкой на ремне, сам не знал для чего.

Посещали Дворянское Собрание, где нас встречали с почетом".

М. ДМИТРИЕВ.

Председателю Объединения был доверен на несколько дней один документ, возможно ставший теперь Уникой и относящийся к главе "Строевая Рота". С него снята фотография. Написан он, конечно, по старой орфографии. Это Удостоверение № I5, с подлинной подписью капитана Чепурковского и выданное А. Луста.

Вот его содержание:

ПЕТРОВСКИЙ - ПОЛТАВСКИЙ
Кадетский Корпус.
Окт. 6 1919
№ 15
г. Полтава.

Круглая печать
Корпуса.

Удостоверение

Предъявитель сего есть действительно доброволец Кадетской роты ... ЛУСТА Александр ... что подписью и приложением казенной печати удостоверяю.

Начальник Отрядя

Капитан Чепурковский.

С. КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ (Генерал выпуска 1924 года).

ДВЕ ВСТРЕЧИ

Конец 1919 года. На дворе декабрь, холодный, сырой, неприветливый. Всюду мокрый снег. Мы, т.е. Добровольческая армия, докатились до Батайска. Я, малый кадет, такой-же, как и многие другие, полетели, как стая маленьких воробьев, на призыв старших для спасения Родины.

Малые, неразумные, не разбиравшиеся ни в каких проблемах тогдашнего дня, стали на защиту добра, инстинктивно чувствуя, что красная тряпка, развевающаяся по всей нашей земле, приведет к гибели всё то, чему нас учили и в чём воспитывали. Искренне верили в то, что рано или поздно добро восторжествует над злом.

Мы с гордостью держали в руках, в два раза большие нас, винтовки и ещё с большей готовностью и святостью носили наши кадетские погоны, которые были для нас святыней и нашей иконой.

Последние часы, агония Батайска. Красные бьют артиллерией по нём без перерыва.

Помню, бегу по перрону во всю прыть своих ног, чтобы догнать свою часть куда-то ушедшую и никак не могу определить в какую сторону она отошла. В глазах растерянность и отчаянье. Что делать? Куда кинуться? Куда приткнуться?

Не отдавая отчета, ноги продолжают делать свое дело и развивают предельную скорость и куда-бы они меня занесли, одному Богу известно, если-бы, сквозь пальбу и окружающий шум, не раздался над самым моим ухом окрик, остановивший меня:

- "Кадет ! кадет ! стой ! Куда летишь ?"

Ноги останавливаются сами собой, а в мозгу мелькает какая-то уже сознательная мысль. В интонации голоса, чудится что-то знакомое и родное.

Оборачиваюсь, глаза скользят по близь стоящей фигуре, и о чудо! Вижу золотые погоны с двумя просветами, а на них близкие, родные всему моему существу вензеля: П.П. с короной и доброе смеющееся во всё лицо, знакомое с юных лет, лицо Полковника Ломаковского, того самого, которого мы, три года с половиной тому назад, в четвертой роте, довели до потери самообладания,

так что он, будучи дежурным воспитателем, выхватил шашку из ножен, и бросился за тем же Денежниковым, который и меня, в свое время, попробовал крестить.

В глазах Полковника вижу радость и какое-то выжидание. На несколько секунд наши взгляды встретились и вдруг... какое-то чувство толкает нас друг к другу и мы очутились в объятиях.

Я прижался к этому маленькому, щуплому человечку и сразу же почувствовал какую то душевную тишину и полное спокойствие всего моего существа. Были забыты все наши невзгоды, наше былое хулиганство, за которое дорого заплатил наш бедный Полковник, ведь он, после нашего бенефиса, был откомандирован в Действующую армию.

В тот момент всё отошло, всё кануло в небытие, и я чувствовал, что меня обнимает родной человек, родной отец, и я с благоговением смотрел на наш, всем дорогой нам Петровский вензель, украшенный короной.

Полчаса спустя, наткнулся на нас мой родной брат. Радость была великая, но такого чувства, какое я пережил перед этим, я уже не имел: ведь брат был, хоть и родной и любимый, но так же был, как и мой Денежников, от которого в разгаре наших странствий, я получал хорошие подзатыльники и братские наставления.

В этот торжественный для нас день, прокричим, мои дорогие Однокашники, дружное кадетское Ура! нашему славному Петровскому Корпусу и всем тем, кто носил на своих плечах небесного цвета, увенчанные короной, погоны, славным традициям, которые воспитали нас твердыми и сильными духом и помогли нам нести честно имя Императорского Кадета и Русского Офицера.

С. КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ

М. К А Р А Т Е Е В (вып. 1921 года)

ПОКИНУВ ПОЛТАВУ...

(Крым, эвакуация и лагерь Стернище в Югославии)

В августе 1920 года, вскоре после неудачного дессанта на Кубань, я, как и многие другие старшие кадеты, был откомандирован из воинской части, для окончания курса наук, в город Ялту, куда к этому времени прибыл из Грузии сводный Полтавский-Владикавказский Кадетский Корпус.

То,что уцелело от "гнезда Петрова" после трех лет революционной бури и гражданской войны, я нашел в Ориандe, в казарме Крымского конного полка. Здесь было человек двадцать офицеров и преподавателей нашего Корпуса и несколько десятков кадет младших классов. Владикавказцев было больше. Но старших кадет вначале было совсем мало: в первой роте нас, вместе с Владикавказцами, в ту пору насчитывалось человек пятнадцать.

Жизнь едва налаживалась, кормили впроголодь, занятий не

было. Малышей, чтобы поменьше хулиганили, начальство старалось занять какими-то чтениями и повторениями, а нас, старших, ввиду нашей малочисленности, предоставили самим себе. Вообще в отношении фронтовиков наблюдалась некая неуверенность: мы приезжали с оружием, многие с Георгиевскими крестами и ещё не вполне залеченными ранами. Вид и повадки у всех были независимые, и начальство явно затруднялось в обращении с нами и в выборе методов приведения нас в нормально-кадетское состояние.

И мы, пользуясь этим, что называется, прожигали жизнь с двух концов: днем до самозабвения резались в преферанс и в подкидного дурака, а вечерами, наведя красоту, отправлялись в сказочно-прекрасный ориандский парк или в Ливадию, ухаживать за местными барышнями. Но всё же свободного от этих занятий времени оставалось много и к несказанному удивлению скучающих педагогов, я попросил разрешения сдавать экстерном экзамены из шестого класса в седьмой. По поводу столь несозвучного эпохе события собрался педагогический совет, который мою просьбу уважил и к моменту эвакуации все экзамены за шестой класс были мною благополучно сданы.

Между тем, почти ежедневно с фронта приезжал кто-нибудь из старших кадет всевозможных корпусов. К концу года у нас в I-й роте, кажется, не было только ни одного Иркутянина и ни одного Донца (Донской корпус существовал отдельно), все же остальные Российские Корпуса имели своих представителей.

Когда собралось несколько сот кадет, из Орианды нас перевели в Массандру, где нашлось более удобное и обширное помещение. К этому времени директором к нам был назначен генерал-лейтенант Римский-Корсаков, - в просторечьи "Дед",- бывший прежде директором Первого Московского. По его инициативе наш сводный Корпус был переименован в Крымский, с установлением особого погона, - алого с белым кантом и с "константиновским" вензелем, но без короны, что нас особенно раздосадовало, хотя по существу было естественно, ибо буквы К-К в данном случае означали "Крымский Корпус". Нужно сказать, что эта перемена была нами встречена без всякого энтузиазма, - все мы продолжали числить себя по старым корпусам и носить свои прежние погоны. В будущем, - уже в Югославии, - начальству стоило немалых трудов приучить нас к Крымским погонам, да и то в отношении первого заграничного выпуска это практически так и не удалось: мы их одевали только в официальных случаях, а в повседневной жизни упорно носили свои.

Едва мы немного обжились в Массандре и собирались приступить к занятиям, пришла грозная весть о падении Перекопа и почти сейчас же приказ готовиться к эвакуации. I-ую роту спешно вооружили винтовками и предоставили в распоряжение ялтинского коменданта, для несения караульной службы в городе и борьбы с начавшимися грабежами. Младшие помогали паковать корпусное имущество и перевозить его в порт.

По-началу всё шло гладко. Корпусу было приказано грузиться на пришедший в Ялту большой транспорт "Сарыч", что частично уже было сделано, когда в город пришли отступающие части конницы

генерала Барбовича, и выяснилось, что этот транспорт повезет их. Нас сгрузили и всем стало ясно, что наше положение по меньшей мере незавидно: в порту в это время находился какой-то другой транспорт, поменьше, - уже до отказу набитый людьми и вскоре ушедший, - да пассажирский пароход "Константин", на который тоже грузилась конница Барбовича, вперемежку с ялтинскими "буржуями". Никаких иных пловучих средств не предвиделось и не на шутку встревоженный Дед Римский-Корсаков отправился к заведующему эвакуацией генералу Драценко, чтобы выяснить судьбу Корпуса. Для внушительности он взял с собою адъютанта и двух старших кадет, вооруженных винтовками. Я был одним из них и присутствовал при этом драматическом разговоре.

- К сожалению, ничего не могу сделать, Ваше Превосходительство, - заявил ген. Драценко. - Эвакуируются десятки, если не сотни тысяч людей и транспортов не хватает. В моем распоряжении больше ничего нет.

- Но, ведь, эвакуация кадетского корпуса была предусмотрена. Мы получили приказ к ней готовиться и транспорт нам был обещан.

- Я это знаю. Но неожиданно в Ялту отступили воинские части, которые по плану эвакуации должны были грузиться в других портах. И согласно распоряжению штаба Главнокомандующего, я должен обеспечить их транспортными средствами в первую очередь.

- Но не оставлять же здесь кадет ! Я думаю, Вы понимаете, какая участь их ждет в этом случае. Прошу Вас немедленно позвонить в штаб ген. Врангеля и добиться того, чтобы нам предоставили возможность эвакуироваться.

- Я уже звонил и докладывал обстановку. Ответили, что транспортов нет, но обещали, что если где-либо окажется недогруженный пароход или военный корабль, - его в последний момент направят в Ялту, чтобы взял кого возможно. Будем надеяться на это.

- Мне нужна не надежда, а уверенность в том, что кадеты не будут брошены. Я за них отвечаю не только перед родителями, но и перед Россией, ибо никто не защищал её с большей жертвенностью, чем они !

- Я Вас понимаю и сочувствую Вам, генерал, но изменить положение не в моей власти.

- Однако, штатскую публику, которая, оставаясь тут, рискует гораздо меньше, Вы грузите и для неё место нашли! А несколько сот вот таких мальчиков, - сказал багровый от возмущения Дед, указывая рукой на нас, - спокойно готовы оставить на расстрел, после того, как они в течение всех этих лет не жалели для Родины ни крови ни жизней. Сколько ты раз ранен, Каратеев ?

- Три раза, Ваше Превосходительство !

- А ты, Вержбицкий ?

- Одиннадцать раз, Ваше Превосходительство!

- Вот видите, генерал ! И таких у меня половина, а другая половина отличается только тем, что по возрасту своему еще не может поднять винтовку. Что же оставить их всех не расправу красным?

- Ах, Боже мой! - схватился за голову Драценко, - что же я могу сделать? Есть у мене, правда, одна баржа, но я не рисковал её Вам предложить, ибо она так ненадежна, что никто другой не захотел на неё грузиться. Если будет буря, наверняка потонет.

Словом, посудина дрянь, а команда и того хуже. Но если хотите...

- Можно её посмотреть ?

- Пожалуйста. Мой адъютант Вас проводит.

"Посудина" оказалась большой плоскодонной баржей "Хриси", которая принадлежала какому-то греку и обычно совершала мелкие рейсы вдоль берегов Черного моря, промышляя, главным образом, контрабандой. Она была снабжена машиной, позволяющей развивать скорость до пяти узлов в час и выглядела далеко не солидно. Было ясно, что пересекать на ней море в период осенних штормов рисковано, особенно при той осадке, которую она получит, когда на неё погрузится несколько сот человек, со всем корпусным имуществом. Но, отказавшись от неё, мы обрекли бы себя на гораздо больший риск и потому Дед не стал капризничать: баржа была одобрена, к большому неудовольствию её капитана, который пустил в ход всё свое красноречие, чтобы отговорить нас от нашей безумной, по его мнению, затеи. Его поддержала и команда, - человек десять всякого причерноморского сброда, глядевшего волками. Но всё это не возымело на нас никакого действия. Баржа была подана к молу, и мы начали на неё грузиться.

К вечеру 30 октября погрузка была закончена. На "Хриси", до предела заполнив её палубу и трюмы, поместилось всё имущество корпуса, его персонал и три старшие роты. 4-ую удалось пристроит на "Константин", где она не подвергалась опасностям столь рискованного плаванья, в какое пускались мы.

Загруженная сверх всякой нормы баржа осела так, что опустив руку через борт, легко можно было достать до поверхности моря. Вдабавок было свежо, ветер крепчал и вечером, когда настала пора сниматься с якоря, капитан заявил, что в такую погоду и с такой нагрузкой он отказывается выйти в море. На окраинах города в это время уже шла довольно интенсивная стрельба, - выбора у нас не было и, понимая, что капитан в сущности прав, мы всё же заставили его при помощи "наганных" аргументов переменить свое решение, - он пробурчал, что подчиняется силе.

Но время шло, а "Хриси" не двигалась с места. Наконец, кто-то отправился выяснять в чем дело и оказалось, что машина в неисправности. Мы дали полчаса на её починку, предупредив, что по истечении этого срока, один из двух механиков, по жребию, будет расстрелян. Десять минут спустя, машина работала, как новая и отшвартовавшись мы вышли в море. Во избежании дальнейших поломок, в машинное отделение были посажены два кадета с револьверами в руках и с приказанием не спускать глаз с механиков.

Было пасмурно, ветер не усиливался, но и не уменьшался. Баржу изрядно качало, но всё-же она четырехузловым ходом двигалась вперед, неуклюже вгрызаясь в темное и мрачное море. Теоретически возможного пятого узла, несмотря на всё усердие наших "погонял", механикам так и не удалось выжать из машины. Было уже близко к полуночи, когда последние огоньки русского берега погасила даль, - для большинства из нас навсегда. Но тогда об этом никто не думал, — мы были уверены, что покидаем Родину не надолго и никаких признаков уныния среди кадет не наблюдалось.

Отыскав себе местечко под лежавшей на верхней палубе шлюпкой, я уже собирался соснуть, когда меня вызвали к директору.

- Ты, кажется, старый морской волк? - пошутил Дед. - Служил во флоте ?

Я, действительно, последний год прослужил сигнальщиком на эскадренном миноносце "Беспокойный" и потому ответил утвердительно.

- Понимаешь что-нибудь в рулевом деле и в компасе ?

- Коё-что понимаю, Ваше Превосходительство. Я окончил в Севастополе школу рулевых и сигнальщиков.

- Вот и отлично, - обрадовался Дед. - Пойди-ка на мостик, да посмотри куда нас везут. Сможешь сообразить, если поглядишь на компас ?

- Смогу, Ваше Превосходительство. Только сначала надо взглянуть на карту.

Карту мне нашли и прикинув по ней приблизительно румб на Константинополь, я поднялся на мостик. Тут спало и толкалось довольно много кадет, и потому, стоявший на руле,турок не обратил на меня никакого внимания, когда я, с видом любопытствующего профана, приблизился к нему и повертевшись вокруг, взглянул на картушку компаса. Всё обстояло благополучно, мы шли правильным курсом. Я доложил об этом директору.

- Ну, слава Богу, - промолвил он. - Но всё-же надо поглядывать. Есть ли у нас еще кто-нибудь из моряков ?

- Кадет 6-го класса Перекрестов служил на крейсере "Генерал Корнилов". Правда, он был комендором (артиллеристом), но я ему объяснял устройство компаса.

- Ну, вот и хорошо, - возьми его в помощь и наблюдайте по очереди, чтобы, когда один спит, другой посматривал.

Отыскав Перекрестова, я сговорился с ним о часах дежурства и наказав разбудить меня, если рулевой переменит курс, завалился спать.

Было еще далеко до рассвета, когда меня не особенно деликатно растолкал Жорж Перекрестов.

- Мишка! Кажись, дело неладно. А ну-ка пойди погляди на компас !

Я поднялся на мостик и с первого взгляда на картушку увидел, что дело действительно неладно: мы шли прямо в Одессу.

Рулевого турка мы сгоряча хотели выбросить за борт, но он цеплялся за поручни и так орал, что на шум начал сбегаться народ. Пришел и Дед. Узнав в чем дело, он приказал арестовать рулевого, который клялся, что такой курс дал ему капитан. Затем последовало бурное объяснение с капитаном, к которому после этого тоже приставили "пикадора", а управление судном фактически перешло в наши руки.

Я стал за штурвал и как умел выправил курс. Попасть прямо в Босфор я не надеялся, но рассчитывал на то, что увидев турецкий берег, пойму в какую сторону мы уклонились. В крайнем случае можно было так или иначе получить нужные сведенья от арестованного капитана, но мое морское самолюбие решительно отвергало этот выход.

Заметив, что одна сторона мостика изрядно обуглена, - чего раньше не было, - я спросил что тут произошло. Перекрестов мне поведал, что пока я спал, на мостике вспыхнул пожар, который общими силами потушили, выбросив за борт горящие вещи и в том числе огромную бочку с бензином, которого теперь нам едва ли хватит до Константинополя.

На следующий день по виду всё шло благополучно. Ветер немного стих, машина работала без перебоев, никто из команды не высовывал из кубрика носа, а мы с Перекрестовым по-очереди стояли на руле. Вечером тучи рассеялись и на небе показались звезды. Вспомнив, что Полярная звезда испокон веков была другом и помощником всех хороших и плохих моряков, я взглянул на неё, потом на компас, и обмер: стрелка указывала на несколько градусов влево.

В том, что никакой злоумышленник не мог передвинуть Полярную звезду к востоку, я был совершенно уверен. Значит, оставалось заключить, что компас безбожно врал.

К счастью, моих познаний хватило на то, чтобы сделать относительно этого правильные предположения. Мостик был завален какими-то тюками и мешками, в одном из которых мы обнаружили полный набор железных гирь, начиная с двухпудовика. Оказывается, помощник нашего эконома, многим памятный хохол Павло Хведорович, заботливо эвакуировал кухонные десятичные весы и мешок с гирями пристроил "в куток", в двух шагах от компаса. Едва мы его убрали, картушка стремительно рванулась вправо. Теперь Полярная звезда оказалась на своем законном месте.

Но где к этому времени оказалась наша "Хриси", более суток шедшая по фантастическому курсу, было известно одному Богу. Определить точное местоположение судна я, конечно, не умел. Но заметив угол нашего отклонения от правильного курса и приблизительно зная расстояние, пройденное от Ялты, я всё же сообразил, где мы, примерно, находимся. Правда, ошибка могла быть очень велика, ибо я посчитал, что скорость нашего хода всё время была четыре узла, а она наверняка менялась; кроме того, было совершенно неизвестно сколько времени мы шли курсом на Одессу.

Но юности присущи оптимизм и беспечность, - к тому же пессимизм нисколько не приблизил бы нас к правильному решению вопроса, - и потому я бодро взялся за штурвал, а встревоженному этим новым событием Деду сказал, что для беспокойства нет никаких оснований и что, если мы не потонем в пути, то в Константинополе будем непременно.

На третий день пути выяснилось, что в цистернах нашей "Хриси" почти не осталось пресной воды и на неё был установлен строжайший рацион. В высшей степени неважно обстояло дело и с питанием. Горячей пищи мы не получали, - приготовить её было негде и не из чего; взятый с собою хлеб кончился, но была еще мука, из которой наша корпусная стряпуха, тетка Харитина, как-то умудрялась выпекать лепешки. Однако, на маленькой жаровне, пользуясь щепками от разбитых ящиков в качестве топлива, наготовить их на несколько сот едоков было чрезвычайно трудно и последние два дня пути наше бренное существование поддерживалось двумя такими

лепешками в день, да фунтовой банкой мясных консервов на четырех человек. Впрочем, когда голодная братия занялась исследованием находившихся в трюме грузов, среди них был обнаружен огромный ящик с банками спирта, который, - к ужасу и негодованию начальства, - с большим избытком возместил, нам недостающие калории.

На пятые сутки пути, утром мы увидели впереди землю, - пустынный берег и невысокие горы. Не помню уж по каким признакам удалось определить, что мы отклонились от правильного курса к востоку, и что перед нами находится Анатолия. Теперь оставалось только повернуть на запад и идти параллельно берегу, что и было сделано. Мы оказались верстах в сорока от Босфора и несколько часов спустя, добрались до него вполне благополучно, в своем святом неведеньи пройдя, - как потом выяснилось, - по еще непротраленным после войны минным полям.

На Константинопольский рейд "Хриси" вступила с такой-же законной гордостью, с какою тысячу лет назад вступали на него ладьи князя Олега. Т.к. это уже касалось моей прямой специальности, - я постарался: на наших реях, кроме "позывных", развевались сигналы: "терпим голод" и "терпим жажду".

Эти сигналы возымели свое почти немедленное действие, хотя и не такое, как мы ожидали. В простоте нашей русской души, еще не тронутой западной цивилизацией, мы думали, что нас прежде всего накормят. Но вышло иное. Часа пол спустя, после того, как мы бросили якорь, к нам подлетел нарядный английский истребитель и остановился в нескольких метрах от "Хриси". На его верхней палубе был установлен на треноге киносъемочный аппарат, рядом стоял стол, на котором высилась большая груда нарезанного кусками белого хлеба, а вокруг толпилось десятка полтора шикарно выглядевших дам и джентельменов, среди которых мы заметили одного, тоже очень импозантного, русского "земгусара".

- Вы очень голодны ? - осведомился последний.

Мы ответили утвердительно.

- Эти леди о вас позаботятся. Но сначала мы сделаем маленькую съемочку, - она будет для вас полезна: на ваше положение обратят внимание солидные круги английской общественности.

Не очень довольные таким началом и не понимая - зачем мы понадобились английской общественности, все замерли у борта, ожидая, что нас заснимут, а потом будут кормить. Но оказалось, что нас хотят фильмовать не просто, а "со значением". Английские леди с палубы истребителя начали кидать в толпу кадет куски хлеба. Кое-кто из малышей кинулся-было хватать их, но наш генерал выпуска Лазаревич крикнул:

- Не прикасаться к этому хлебу! Не видите, что-ли, что эта сволочь хочет заснять нас, чтобы потом показывать у себя в Англии "русских дикарей", которые дерутся из-за еды.

Куски хлеба сыпались на наши головы и плечи, но мы стояли неподвижно, будто не замечая этого. Тогда англичане, видя, что на хлеб русские не клюют, принялись метать в нас сигареты, но их тоже никто не ловил и не подбирал. Физиономии английских дам приняли оскорбленно-негодующее выражение, - наш образ действий казался им явно неприличным.

- Напрасно вы так, - укоризненно промолвил земгусар. - Что вам стоит доставить дамам это удовольствие? Они хотят сделать эффектные снимки, которые для вас же будут полезны...

- Скажи своим дамам, что для них будет полезно, если они скорее смотаются отсюда, да и сам убирайся с ними ко всем чертям! - крикнул кто-то из нашей толпы, - А то мы сейчас начнем не хлебом в вас швырять, а чем-нибудь потяжелее !

Земгусар что-то негромко сказал по-английски, "общественность" возмущенно залопотала, но доброго совета послушалась: истребитель дал ход и минуту спустя скрылся за кормой стоявшего поблизости транспорта.

Вся "Белая Русь" находилась уже здесь, - рейд был усеян нашими военными кораблями, пароходами, транспортами и баржами. Заметив в отдалении "Беспокойный", я взял сигнальные флажки и просемафорил туда:

- Привет господам офицерам и команде от капитана дальнего плаванья Каратеева.

- По капитану и посудина, - ответил вахтенный сигнальщик с "Беспокойного". " Куда тебя везут, Мишка ?

- Не знаю. А вас куда?

- Говорят,в Африку.

- Ну, кланяйся от меня слонам и бегемотам !

- Есть, кланяться слонам и бегемотам.

За дальностью расстояния я не разобрал, кто со мною говорил, но мне показалось, что это был наш сигнальный старшина Ознобишин, кадет Сумского корпуса.

Час спустя обед нам прислали французы. Правда, он был отвратителен, но имел хоть то преимущество, что был нам выдан без всяких издевательств. Это было варево из червивых галет и неочищенной, даже немытой картошки. Черви плавали на этом, с позволения сказать, супе, толстым слоем, - есть его было немыслимо, но мы вылавливали из него картошку, чистили ее, обмывали в воде и ели.

Выручали также "кардаши", - турецкие лодочники-торговцы, сновавшие вокруг наших судов и с предельной бессовестностью обменивавшие на хлеб, халву и инжир всё, что им могли предложить голодные люди, начиная с золотых вещей и кончая старыми шинелями. Впрочем, мы с ними довольно быстро научились обращаться: такой кардаш, прежде чем вступить в торговлю, - чтобы его не уносило течением, - бросал конец со своей лодки на борт и мы его наверху закрепляли. И вот, когда он за револьвер или за золотое кольцо, которое стоило дороже всей его плавучей лавочки, совал нам око халвы и пару хлебцев, а кольцо опускал в карман, - мы начинали за конец подтягивать его лодку кверху.

Турок сначала свирепо ругался, но по мере того, как лодка его приближалась к вертикальному положению и товары с нее готовы были посыпаться в воду, он входил в разум и принимался кидать наверх халву, хлеб и вязки инжира, пока мы, удовлетворенные полученным, его не опускали.

Директор, между-тем, куда-то ездил и вёл со власть имущими

какие-то переговоры. В результате этой его деятельности, день или два спустя определилось, что мы отправляемся в Югославию и нас перегрузили на большой пароход Добровольного Флота "Владимир".

Здесь, кроме нас, находилось еще несколько тысяч человек, но корпусу отвели два большие трюмные помещения, в которых мы расположились, хотя и не очень комфортабельно, но всё-же несравненно удобней, чем на "Хриси".

Дальнейшее наше плаванье протекало без особых приключений,- во всяком случае крупных. Мелкие были. Из них стоит отметить так называемый "голодный бунт", в котором ведущую роль с большим темпераментом и успехом, провел мой одноклассник Коля Михайлов.

Кормили нас впроголодь, а что хуже всего, - выдавали очень мало хлеба, т.к. он находился в веденьи не нашего эконома, а какого-то общего интенданта, который отпускал его всему населению парохода. Хлеба в его распоряжении было много, - он, сложенный огромными штабелями, как дрова, лежал на палубе в нескольких местах, накрытый брезентами, и чтобы его не растаскивали голодные люди, возле этих штабелей стояли наши же кадеты часовые, с винтовками в руках.

Вскоре хлеб от сырости начал зеленеть и покрываться плесенью, а мы голодали. Такое положение привело к тому, что в один прекрасный день, человек десять кадет первой роты, отправились на поиски интенданта.

Он был обнаружен на верхней палубе. Никаких определенных планов относительно методов воздействия на него у нас не было, - может быть всё обошлось бы мирно, но увидев перед собой развалившуюся в лонгшезе упитанную фигуру военного чиновника, в шинели под генеральскую, - голодный, как волк, Михайлов сразу озверел. Интендант, на беду, тоже попался гоноровый. Между ними произошел такой диалог:

- Это Вы главный интендант парохода ?

-Я. Но, к вашему сведенью, у меня есть чин: тайный советник, титулуемый Превосходительством. Что вам угодно ?

-Угодно знать, для кого Вы бережете хлеб ?

- Я вам не обязан давать в этом отчет.

- Вы так думаете? А Вы никогда не видели, как из тайного советника делают явного покойника?

- Это бунт! - заорал "советник", вскакивая с кресла. Михайлов выхватил наган. Мы их окружили, готовые в случае недобности удержать от крайностей рассвирепевшего "Джонхая" (прозвище Михайлова), но вместе с тем угрожающе рыча на интенданта.

- Я бы на Вашем месте согласился раздать хлеб, - вкрадчивым голосом порекомендовал ему Миша Трофимов, мужик солидный и уравновешанный. - А то долго ли до греха... Будет жаль, если зря погибнет такой шикарный советник, титулуемый Превосходительством.

- Хорошо, я распоряжусь, - пробормотал перепуганный чиновник.

В это время на палубе появился предупрежденный кем-то из пассажиров Дед, который нас немедленно разогнал.

Этот "бунт" имел два последствия: хлеба стали выдавать вдоволь, но, по требованию капитана парохода, начальство нас разору-

жило. Ночью все винтовки первой роты, стоявшие в козлах, в углу одного из наших трюмов, исчезли. Для успокоения, нам обещали возвратить их по высадке на берег, но, разумеется, больше мы их никогда не увидели. Интендант рвал и метал, требуя для нас чуть ли не расстрела, но кроме выговора, никому ничего не было и дело замяли: Дед своих в обиду не давал.

Через несколько дней по выходе из Константинополя, мы высадились в Фиуме, или где-то возле него, откуда пешим порядком добрались до ближайшей железнодорожной станции. Интересно отметить, что в пути (местность была гористая) кто-то обстрелял нашу колонну из винтовок, - очевидно по недоразумению. Но жертв, к счастью не было.

Часа три спустя, нам подали железнодорожный состав, в котором мы пересекли Хорватию, миновали Загреб и углубившись в живописную Словению, вечером следующего дня прибыли к конечному пункту нашего путешествия. Это была маленькая, затерянная в лесу станция Стернище, в нескольких верстах от городка Птуя.

Во время первой мировой войны, когда эта область еще входила в состав Австро-Венгерской Империи, тут был устроен лагерь для военнопленных, состоявший из нескольких десятков досчатых, обитых толем бараков, вместимостью человек на полтораста каждый. Теперь всё это пустовало и было правительством Югославии предоставлено русским белым эмигрантам. Кроме нашего Корпуса, занявшего с десяток бараков, тут же поместился Донской кадетский Корпус и довольно большое количество семейных беженцев, эвакуированных из Крыма.

За чертою лагеря стоял небольшой словенский поселок, где имелись две-три харчевни и несколько лавок, а вокруг расстилался чудесный хвойный лес, полный белок. От барака, отведенного под нашу I-ую роту, до его опушки было не более двадцати шагов. Место было на редкость красивое и живописное, что в значительной степени скрасило нам дальнейшее существование, которое приобрело совершенно дачный характер. Добрая половина нашей жизни проходила в лесу: сюда удирали от уроков, тут, под какой-нибудь уютной, разлапистой елью закладывалась "пулька", когда преферанс в бараке был запрещен, здесь, в тишине, хорошо было готовиться к экзаменам, а еще лучше - ухаживать за барышнями, которых в лагере оказалось немало, - устраивая совместные прогулки и пикники.

Однако, все прелести этой "дачной" жизни мы в полной мере познали лишь с наступлением весны, а сейчас нас встретила зима и притом довольно суровая. Бараки к ней были плохо приспособлены. В центре каждого из них стояла большая железная печка, которая топилась день и ночь, но обогревала она вокруг себя лишь небольшое пространство, тогда как на периферии царил жуткий холод, - в углах барака ночью замерзала вода. Спали мы на деревянных топчанах, но матрацами обзавелись далеко не сразу, так что пришлось изрядно померзнуть.

Обжились довольно быстро. На каждого из нас Югославское Правительство отпускало по четыреста динар в месяц, из этой суммы кадетам I-ой роты выдавалось на руки 50, - этого хватало на

табак, - остальное шло в общий котел. Довольствие наладилось не сразу, но когда наладилось, кормить стали вполне сносно. Не говорю "досыта", ибо, как известно, приличный кадет, сколько его ни корми, всегда непрочь "пожрать" еще. И в этом смысле нас долгое время выручал содержатель одной из местных харчевень, - словенец и видимо, большой оптимист, т.к. за порцию гуляша или сосисок с пюре, он вместо четырех динар, принимал врангелевскую тысячу, уповая на то, что когда-нибудь восстановится её номинальная ценность и он станет богачем. Только собрав два или три мешка этой валюты, он начал сомневаться в целесообразности своей финансовой авантюры и прекратил дальнейшую благотворительность.

Вскоре начались и занятия. Они велись в довольно примитивной обстановке, - во всяком случае первый год. Помещений, приспособленных под классы, почти не было, т.к. в пустых бараках, за отсутствием печей и оконных стекол, свирепствовал мороз, и уроки обычно давались прямо в спальне. Вокруг преподавателя рассаживалось на кроватях соответствующее отделение, на некотором расстоянии располагалось другое. Если в числе трех или четырех педагогов, одновременно выступающих в бараке, бывал один, который читал свой предмет интересно и увлекательно (как,например, проф. Малахов), публика из других отделений постепенно откочевывала к нему, оставляя при своем преподавателе лишь несколько человек "для представительства". На это, также, как и на "самодралы", первое время смотрели снисходительно, понимая, что после 2-3 лет пребывания на фронте, трудно сразу нас обуздать и превратить в примерных школяров.

В частности мы, семиклассники, если не все по возрасту, то по жизненному стажу были уже совершенно взрослыми людьми и потому начальство нас почти не прижимало, решив, что благоразумнее всего скорее от нас избавиться, дав нам возможность окончить Корпус без лишних осложнений. Даже выпускные экзамены нам было разрешено сдавать не в обычном порядке, а "по студенчески", - каждому отдельно, по мере подготовки к тому или иному предмету.

Следующий выпуск, тоже почти сплошь состоявший из кадет, побывавших на войне, прибрали к рукам чуть больше, а остальных было уже нетрудно ввести в русло нормального кадетского быта.

Стоит отметить, что неподалеку от нас, в городе Мариборе, находился Югославский кадетский корпус. Узнав о нашем прибытии, несколько офицеров и старших кадет оттуда явились к нам с визитом, который вскоре был нами отдан, и с той поры между нашими корпусами установилась довольно тесная дружеская связь. Весною вся наша I-ая рота была приглашена в Марибор, где Югославские кадеты приняли и угостили нас на славу. Мы приехали со своим духовым оркестром, который после обеда исполнил несколько концертных вещей и произвел фурор.

Оркестр наш и в самом деле был очень хорош и вскоре стал известен на всю Югославию. Этим мы были обязаны нашему капельмейстеру Цыбулевскому, который, если не ошибаюсь, был прежде капельмейстером Преображенского полка и выдающимся дирижером. Во всяком случае, за-границей, его знали и часто приглашали дирижировать симфоническими концертами в Белград, Вену, Прагу и в другие

крупные европейские города. Это давало ему прекрасный заработок, а он, в свою очередь, не жалел денег на пополнение новыми инструментами нашего корпусного оркестра, состав которого он довел до 64 человек и поставил на большую высоту.

Разумеется, по отношению к Мариборскому корпусу мы в долгу не остались, и некоторое время спустя пригласили всю его старшую роту к себе. Был устроен прекрасный общий обед, для которого, - в дополнение к умеренному количеству вина, разрешенному начальством, - были нами заготовлены и тайные резервы, благодаря чему трапеза прошла исключительно весело и некоторых гостей, чтобы им не влетело от своих офицеров, пришлось увести в лес отсыпаться. Вечером местными любительскими силами был дан спектакль, за которым последовали танцы.

Вообще первый год нашего пребывания в Югославии был богат впечатлениями и событиями внутреннего порядка. Были тут, как водится, и бенефисы, и драки со словенскими рабочими-коммунистами, и тушение лесных пожаров, и игра в "кукушку", и охоты за призраком "Черной дамы", который, будто-бы, иногда появлялся в лесу, и многое еще, о чем можно было бы написать целую книгу. Но здесь я остановлюсь только на одном из этих событий, вернее на целой истории, получившей в ту пору громкую известность, под именем "клуба самоубийц".

Раннею весной I92I года захандрил и бросился под поезд кадет моего отделения, наш Полтавец Женя Беляков. Этот случай, конечно, всколыхнул умы, о нем было много толков и разговоров, - просто, как о печальном факте. Но когда две недели спустя, застрелился еще один кадет, Владикавказец шестого класса, фамилии которого не помню, - начальство почему-то решило, что в первой роте организован клуб самоубийц, члены которого будут стреляться по жребию, через определенные промежутки времени.

Поднялся страшный переполох. За всеми начали исподтишка следить, подсматривать и подслушивать. Мы, старшие кадеты, тоже расспрашивали один другого, судачили, наблюдали, стараясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки существования "клуба". Но всё говорило за то, что он является плодом чьей-то досужей фантазии, тем более что между Беляковым и вторым самоубийцей не было ничего общего, - они никогда и словом не перекинулись друг с другом.

Всех нас по очереди вызывали к директору на допрос. Вызвали и меня. Дед спрашивал, что я знаю по поводу "клуба" и кого подозреваю, "во имя спасения жизни многих моих товарищей" уговаривал сознаться или выдать участников, клялся, что никому ничего плохого не сделают и т.п. Я, со своей стороны, нисколько не кривя душой клялся, что я ничего не знаю и что по моему искреннему мнению никакого клуба не существует. Насколько знаю, то же самое отвечали и другие. Может быть на том бы дело и заглохло, но тут последовало новое покушение на самоубийство, вызванное, вероятно, своего рода "гипнозом", ибо благодаря панике, поднятой начальством, в Корпусе в эту пору только о самоубийствах и говорили.

После этого случая директор решил, что надо действовать немедленно и энергично. Целый день у него на квартире шли какие-то

таинственные совещания, а вечером произошло следующее: я после ужина отправился в один из ближайших бараков, где жила барышня, за которой я ухаживал и там, в компании молодежи, превесело проводил время. Было часов одиннадцать, когда из роты прибежал мой закадычный друг Костя Петров и вызвав меня наружу, сообщил:

- Миша, у нас в бараке полно сербских жандармов, - делают обыск и арестовывают многих кадет! Ищут и тебя, - все твои тетради и письма уже забрали.

- Ты что, Кот, разыграть меня вздумал? - спросил я, настолько всё это показалось мне неправдоподобным.

- Какой там розыгрыш! Прибежал, чтобы предупредить тебя. Хочешь иди туда, а хочешь, драпай - тебе виднее !

Совесть моя была чиста, никаких крупных "художеств",- особенно таких, которые могли бы заинтересовать полицию, - за мной не числилось и потому я поспешил в роту.

У входа в наш барак стоял большой полицейский автомобиль, в который жандармы подсаживали нескольких кадет. Я вошел в помещение. Тут были все офицеры нашей роты и с полдюжины жандармов, которые по имевшемуся у них списку арестовывали кадет и забирали из тумбочек их тетради и прочую писанину. Я направился прямо к своему отделенному воспитателю, капитану Трусову.

- Что случилось, господин капитан?

- Ничего особенного, ты не волнуйся, голубчик, - ответил добряк Трусов, - Директор хочет выяснить, кто состоит в клубе самоубийц. Вас только допросят в жандармерии, и потом отпустят. Ты, главное, будь спокоен и говори всю правду.

Кажется, я был последним, кого искали. Меня сунули в автомобиль, который сейчас же тронулся по дороге на Птуй. Сидевшие с нами жандармы разговаривать друг с другом нам не позволяли.

Было уже за полночь, когда нас привезли в город и высадили во дворе старинного замка, часть которого была в ту пору приспособлена под тюрьму. Здесь всех рассовали по камерам, в подвальном помещении, - кажется, все остальные попали в одиночки, но меня и Лазаревича, за недостатком места, посадили вместе. Наша камера - сырой и узкий склеп, с маленьким зарешетченным окошком где-то наверху, - очень напоминала так красочно описанный Александром Дюма каменный мешок, в котором был заживо погребен граф Монтекристо. В такой обстановке даже у самого жизнерадостного человека могли зародиться мысли о самоубийстве.

Оглядевшись, мы уселись на стоявший здесь топчан, закурили и для облегчения души долго ругали на чем свет стоит Деда и всё прочее начальство. Затем на некоторое время погрузились в молчание, предавшись каждый своим думам.

В существование клуба я до этого дня не верил. Но оборот, который теперь получило дело, невольно заставлял думать, что начальство знает больше чем я и раздобыло какие-то важные улики. Не может же быть того, чтобы просто так, ни с того ни с сего, почти два десятка кадет, как уголовные преступники были отданы в руки сербской полиции и посажены в это подземелье ! Наверное клуб

всё-таки есть, - думал я. - Дед о нем всё разузнал и приказал арестовать его членов, и один только я влип в это дело по ошибке. Придя к этому, я толкнул локтем дремавшего Лазаревича и сказал:

- Слушай, Лонгин! Даю тебе слово, что я, если даже нас тут начнут поднимать на дыбу, никого не выдам. Но ведь вы-то, клубисты, надеюсь, знаете всех своих, так объясни мне - какого черта впутали сюда меня, - человека к этому делу совершенно непричастного ?

- Миша! Честью тебе клянусь: я ни в каком клубе не состою и ничего о нем не знаю! Я сейчас как-раз думал о том, что наверное вы все здесь самоубийцы, а меня одного схватили по недоразумению.

- Если так, то что же это получается? Нас здесь, в этом гробу, двое и обоих арестовали зря. Это наводит на мысль, что точно также обстоит дело и со многими другими. Значит, людей хватали просто по наитию, или потому что их рожи кому-то не понравились ?

- Выходит, что так. Я думаю, что никакого клуба вообще нет, - дураки стреляются каждый сам по себе. Ну, а Деду, конечно, что-то предпринять надо, - вот он с переляку и намудрил.

- Но почему-же именно нас арестовали, а не других? Я, например, совсем не меланхолик и никаких надежд на самоубийство не подавал.

А черт их знает, чем они руководствовались! Наверное на совещаниях у Деда каждый "зверь" записывал в самоубийцы тех, на кого имел зуб.

Утром нас по-очереди стали вызывать на допрос. Следствие вел како-то сербский офицер, довольно симпатичный и сносно говоривший по-русски. Меня он спросил- состою ли я в клубе самоубийц, знаю ли что-либо об его существовании, кого подозреваю и т.п. Я на все вопросы ответил отрицательно и был отведен обратно в камеру.

Часов в пять вечера, когда было закончено следствие, нас вывели во двор, посадили на автомобиль и доставили обратно в лагерь. Возвращая нас корпусному начальству, старший жандарм заявил, что ничего уличающего нас ни допрос, ни просмотр наших бумаг не обнаружил, и что власти не считают возможным по одному лишь подозрению держать под арестом целую ораву кадет.

Мы полагали, что нас теперь отпустят, но не тут-то было: Директор распорядился прямо из полицейского автомобиля пересадить нас в карцера. Под таковые в лагере был отведен целый барак, разделенный на отдельные камеры. Я здесь сиживал чаще других и у заведующего карцерами, милейшего полковника Навроцкого, считался вполне своим человеком. Уважая мой стаж, он всегда сажал меня в облюбованный мною карцер номер 7, в случае надобности освобождая его, при моем появлении, от других сидельцев. Также он поступил и на этот раз. А главная прелесть № 7-го заключалась в том, что вынув из его стены две доски, можно было вылезти наружу.

Когда стемнело, к окну одного из карцеров подобрался кто-то из кадет I-ой роты и сообщил, что по слухам, начальство теперь собирается отправить всех нас в сумасшедший дом. Через тонкие деревянные стенки мы свободно переговаривались друг с другом и потому новость мгновенно облетела весь барак. Кто-то предложил выломать двери карцеров и разбежаться, но этим мы бы только сыграли в руку начальства и потому я внес другое предложение, которое было всеми принято.

В II часов ночи я вылез из своего карцера и отправился прямо на квартиру к Директору. Дед еще не спал и был чрезвычайно удивлен моим появлением.

- Ты как здесь очутился? - спросил он, вводя меня в свой кабинет.

- Удрал из карцера, Ваше Превосходительство.

- Как жы ты посмел это сделать?

- А чем я рискую? Не всё ли мне равно с каким баллом по поведению меня посадят в тюрьму или в сумасшедший дом?

- Что за глупости ты говоришь! Кто тебя собирается сажать в тюрьму или в сумасшедший дом?

- В тюрьме мы только что побывали. А сейчас знаем, что нас повезут в сумасшедший дом. И от имени всех арестованных я пришел Вам сказать: до вчерашнего дня никто из нас о самоубийстве не помышлял, но такое обращение может довести до самоубийства кого угодно.

- Господи, только этого еще не хватало! Ну, хорошо, если так, то я рад что ты пришел. Садись и давай поговорим откровенно. Забудь на время, что я Директор Корпуса, а ты кадет: перед тобою находится Дед, - не только по прозвищу, но и по чувствам,- дед любящий тебя и всех своих других многочисленных внуков, и от всего сердца желающий вам добра. Пойми, разве могу я оставаться равнодушным к тому, что среди вас происходит и сложив руки ожидать того дня, когда мне придется хоронить очередную жертву этого ужасного психоза? Необходимо как-то пресечь это, разрядить создавшуюся атмосферу. Я и стараюсь это сделать, и не моя вина в том, что благодаря вашему недоверию, мне приходится действовать вслепую. А у тебя еще хватает жестокости упрекать меня и угрожать мне новыми самоубийствами !

- Я не угрожаю, Ваше Превосходительство, а только хочу чтобы Вы знали, что меры, принятые Вами, могут привести к обратным результатам. Из I6-ти совершенно нормальных и ни в чем неповинных кадет, которых, здорово живешь, попытались усадить в тюрьму, а теперь собираются везьти в сумасшедший дом...

- Да откуда вы взяли весь этот вздор? - перебил меня Дед.- Вас увезли на одну ночь в Птуй потому, что вчера, по слухам, ожидалось новое самоубийство, - надо было как-то помешать ему и вас изолировать. А теперь не в сумасшедший дом я вас хочу отправить, а в прекрасную санаторию, где вы, пользуясь полной свободой, отдохнете месяц или полтора, приведете свои нервы в порядок, а потом возвратитесь в Корпус продолжать занятия. Так и скажи всем остальным.

- Слушаюсь, Ваше Превосходительство. Но все хотят знать еще одну вещь: почему именно нас избрали для увоза куда-то? Чем мы провинились и какие против нас имеются обвинения и улики?

- Мы не знаем, кто состоит в клубе самоубийц и потому должны были руководствоваться различными косвенными данными: настроением каждого из вас, его поступками, склонностями и т.п. Может быть в ком-нибудь мы ошиблись, но я уверен, что вся головка клуба находится в числе арестованных.

- Вам кто-то наврал про этот клуб, Ваше Превосходительство! Мы, кадеты, знали бы, если бы он существовал.

- Может быть, если не все, то некоторые и знают, но из чувства ложного товарищества не хотят выдавать своих. Ты, например, можешь мне поклясться, что клуба действительно нет?

- В этом поклясться не могу, хотя почти уверен, что всё это брехня. Но клянусь Вам своей кадетской честью, что я никакого отношения к этому делу не имею, ничего о клубе не слыхал и сам стреляться не собирался !

- Я тебе верю, - сказал Дед, минутку подумав. - Можешь ты, не боясь ошибиться, дать такую же клятву относительно кого-либо еще из арестованных ?

- Относительно Лазаревича могу дать без всяких колебаний.

- Хорошо, я прикажу сейчас же освободить вас обоих, - отнеси эту записку Полковнику Навроцкому. А всем остальным скажи, чтобы не волновались, ничего плохого с ними не будет и ни о каком сумасшедшем доме даже и речи нет. Пусть все спят спокойно, завтра я с ними побеседую и потом увидим, как быть. Ну, иди с Богом, - добавил Дед и поцеловал меня на прощание. Он был добрым человеком, даже слишком добрым, хотя и не отличался справедливостью.

Я возвратился в карцерный барак, передал товарищам слова Деда, а затем мы с Лазаревичем, получив освобождение, отправились в роту спать. Но в пять часов утра нас обоих разбудил капитан Трусов.

- Вставайте и собирайтес, - сказал он: - Через час отходит поезд, в котором повезут всех арестованных в Белград. С ними поедут три офицера-воспитателя, но и вас Директор Корпуса просит сопровождать их.

- Если это просьба, то можем ли мы отказаться от поездки? - спросил я, когда до моего сонного сознания дошел истинный смысл этого нового сюрприза.

- Нет, не можете, - ответил Трусов: - Просьба начальника равносильна приказанию.

- Понимаем, - пробурчал Лазаревич. - Значит, от нас всё-таки решили отделаться, если не мытьем, так катаньем.

Трусов принялся нас успокаивать, но мы особенно и не волновались, решив, что плетью обуха не перешибешь, и что гораздо благоразумней будет, в случае чего, удрать по дороге. Час спустя все мы уже сидели в поезде и катили по направлению к Загребу.

Вначале "самоубийцы" были сонны и мрачны, но очень скоро юность взяла своё, общее внимание сосредоточилось на юмористической стороне всей этой дикой истории, и публика развеселилась. Бояться нам теперь было нечего и потому мы решили для развлечения попугать, ехавших с нами, офицеров. Если память не изменяет, это были Полк. Постников, Капитан Журавович и Полк. Потемкин,

сын которого Дима, - знаменщик нашего выпуска, - тоже находился в числе арестованных.

- Ну, ребята, пора приступить к делу, - во всеуслышание заявил "одессит" Вадим Жуков. - Сегодня, как вы знаете, день присутственный. Теперь нам терять нечего, так что можно действовать в открытую: давайте-ка потянем жребий - кому бросаться под поезд!

При этих словах, сидевшие с нами воспитатели беспокойно заёрзали на скамьях, но всё же выдавили на своих лицах подобие улыбки, надеясь, что это шутка.

- Так вот, - продолжал Жуков, вытаскивая карандаш и клочек бумаги, - я делаю шестнадцать билетиков и на одном из них ставлю крест. Каждый, вытянув жребий, должен уничтожить его, не показывая никому, но тот, кому достанется крест...

- Прошу прекратить эти неуместные шутки! - перебил Полковник Постников.

- Никаких шуток тут нет, - возразили ему. - Нас сам Директор назначил в клуб самоубийц, и мы дейатвуем так, как нам подобает. Пиши билетики, Вадим !

Разгорелась жаркая дискуссия. Мы напирали на то, что смерть под колесами поезда для нас является избавлением от посадки в сумасшедший дом; начальство клялось, что нас везут в великолепную санаторию, почти ничем не отличающуюся от мусульманского рая, и, наконец, призналось, что на случай, если мы в дороге захандрим, Директором отпущена известная сумма, чтобы отвлечь нас от мрачных мыслей.

Это известие было нами учтено и должным образом использовано. В Загребе, где у нас была пересадка, мы выразили желание пообедать в хорошем ресторане и, конечно, без всякого зажима в смысле потребления спиртных напитков, - на что начальство, повздыхав, изъявило свое согласие. После обеда мы потребовали субсидий на визит в учреждение столь легкомысленного характера, что лица наших опекунов густо покраснели. На успех такой наглости мы, собственно и не рассчитывали, но всё-же возникшие по этому поводу препирательства и торговля с воспитателями доставили нам отменное удовольствие.

Продолжая в таком же роде, мы довольно весело скоротали день и около одиннадцати часов ночи прибыли в Белград. На пустынном перроне одиноко стоял невысокий человек в русской военной форме, но без погон. Лица его не было видно, но в фигуре мне показалось что-то знакомое и вглядываясь, я высунулся из окна.

- Скажите, кадет, - спросил офицер, заметив меня, - в этом поезде не едет ли клуб самоубийц Крымского Корпуса ?

- Это мы самые и есть, - с достоинством ответил я.

- Ага, отлично! Ну, вылезайте, я прислан русским военным агентом вас встречать, - промолвил спрашивавший, и в ту же минуту я узнал его: это был Полковник Гиацинтов, под начальством которого я воевал в 1919 году на Кавказском побережье, - лихой офицер, весьма ко мне благоволивший. Я выскочил на перрон и назвал себя. Мы обнялись и расцеловались.

Всех прибывших Гиацинтов отвел ночевать в какое-то русское

общежитие, а меня пригласил к себе. Я попросил его взять с нами и Лазаревича, на что он сейчас же согласился.

У него на квартире, за парой бутылок вина, мы подробно рассказали ему всю нашу историю. В Белграде, оказывается, относительно событий в Корпусе и пресловутого клуба ходили самые фантастические слухи. То, что на месте было раздуто Дедом, тут, - на основании его телеграмм, - раздули еще в десятки раз.

Выслушав нас, Гиацинтов посочувствовал нашим злоключениям и сказал:

-История, конечно, дурацкая, но всё-же вы в панику не вдавайтесь: я наверное знаю, что ничего плохого с вами не сделают. Военный агент вас отправит на месяц или на два в нашу воинскую санаторию, в Дубровник, на Адриатическом побережьи. Место чудесное и вы там отлично проведете время.

-Всё это было бы не плохо, - возразил Лазаревич, - если бы была гарантия того, что после санатории Директор опять примет нас в Корпус. Я в нем проторчал десять лет и теперь, когда остается несколько месяцев до окончания, лишиться аттестата или в лучшем случае засесть на одиннадцатый год, мне совсем не улыбается.

Действительно, всё случившееся с нами не располагало к оптимизму и позволяло ожидать в будущем новых сюрпризов, а потому я поддержал Лазаревича и сказал, что всем прелестям санаторской жизни я тоже предпочел бы возвращение в Корпус и возможность его окончить. Гиацинтов подумал немного и сказал:

- Ну, ладно,- всех вас избавить от санатории я не могу, ибо всё это уже, как говориться, решено и подписано в высших инстанциях. Но вас двоих постараюсь выручить. Всему "клубу" прием у военного агента назначен в десять часов утра, а мы с вами придем на час раньше и я замолвлю за вас словечко.

В девять часов утра мы были уже в приемной военного агента, генерала Потоцкого. Гиацинтов сейчас же вошел к нему в кабинет и оставался там не менее получаса. Затем вызвали нас. Задав нам несколько вопросов, генерал сказал:

- Я лично думаю, что вы ничем не рискуете, отправляясь в санаторию. Но, если не хотите туда ехать, можете сегодня же возвращаться в Корпус, - Директор получит предписание принять вас обратно и дать вам возможность окончить курс. За вас и за вашу непричастность к клубу ручается полковник Гиацинтов, - мне этого достаточно. Надеюсь, что вы, со своей стороны, не подведете ни меня, ни вашего боевого командира.

Через два дня мы были уже в Корпусе, и надо сказать, что Дед встретил нас с довольно кислой миной. Но дальше всё пошло нормально и несколько месяцев спустя, мы получили аттестаты.

Надо сказать, что ничего не потеряли и остальные "самоубийцы": проведя полтора месяца в санатории, они вернулись разжиревшие, загорелые и довольные, были взяты обратно в Корпус и учебного года не пропустили. Так что мы с Лазаревичем потом жалели о своей излишней осторожности.

В следующие годы застрелилось еще несколько кадет, - как в стенах Корпуса, так и уже окончивших, - в том числе наши Петровцы Константин Петров, Георгий Перекрестов и Николай Ковалевский. Но никакого клуба к этим печальным случаям уже не пристегивали.

- - - -

Ко всему этому добавлю немного статистики: с нами выехало в Югославию, если память не изменяет, 17 человек из педагогического персонала Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса: Полковники Ромашкевич, Зиолковский, Трофимов, фон Кнорринг, фон Коссарт, Пограничный старший, Пограничный младший, Петров, Чепурковский, Худыковский, Гончаренко и Кузмин-Караваев; инспектор д. ст. советник Данков, преподаватели: А.А. Скрынька, Тычинин и И.П. Делова, и доктор Дёрбек. Доктор Левченко и "математик" Щиголев в последний момент решили остаться в Ялте, и по слухам были в Крыму расстреляны. Все прочие остались в Полтаве и во Владикавказе.

Что касается кадет, то в младших ротах Крымского Корпуса количества Полтавцев не знаю, а в 1-ой роте таковых было 42 человека, - 20 в седьмом классе и 22 в шестом. Их этих 42-х старших Петровцев, выехавших с Корпусом в Югославию, 22 были Георгиевскими кавалерами (причем некоторые имели кресты третьей ст., а один даже второй степени), и только двое из всех не побывали на фронте.

К нашему 76-му выпуску (т.е. первому заграничному) в Крымском Корпусе причисляли себя также все кадеты других корпусов, подчинявшиеся кавалерийскому цуку, - не признававшие цука считались Владикавказцами. Таким образом, нас - "природных" и "усыновленных" Петровцев - окончило в 1921 году 59 человек. Их них более 30-ти вышли в различные высшие учебные заведения Югославии, 12 в Николаевское Кавалерийское Училище, двое в Сергиевское Артиллерийское Училище, один в Югославскую Военную Академию, трое в пограничную стражу, остальные устроились на службу или на работу. Кроме окончивших, один остался на второй год, один покончил самоубийством, бросившись под поезд, и один умер до выпуска.

В следующем, 77-м выпуске, Петровцев и примыкавших к ним традиционеров из других корпусов было 35 человек. Из них 24 вышли в Николаевское Кавалерийское Училище, 7 в университеты и 4 на сторону. Кроме этих, окончивших, человек десять остались на второй год или ушли из седьмого класса.

- - - -

Много воды утекло с тех пор и много крови. 46 лет минуло с того дня, когда последние Петровцы покинули Полтаву и родное Гнездо. Большинство из них ушло уже в другой мир. Но те кто живы, с любовью вспоминают Корпус и свои кадетские годы. И хочется верить, что стены нашего славного Здания еще наполнятся прежней жизнью и новые поколения русских юношей, с гордостью одев погоны с вензелем Великого Петра, вспомнят нас, как своих старших братьев и продолжат наш путь служения Великой России.

М. КАРАТЕЕВ.

ДИРЕКТОРА НАШЕГО КОРПУСА.

К большому сожалению, несмотря на наши усилия, нам не удалось достать ни "Материалов к Истории Корпуса", которые Полковник А.Д. Ромашкевич начал издавать уже с 1900 года (приблизительно) и до своей смерти в Югославии, ни его архивов. Поэтому в настоящем очерке, волей неволей, мы должны были ограничиться только имеющимся у нас м териалом с разрывом от 1856 по 1866 годы (приблизительно).

Одним из первых Директоров Корпуса был Георгиевский кавалер Генерал-Майор Егор Петрович ВРАНГЕЛЬ. Он был назначен Директором корпуса 4 марта 1849 года.

"Кажется трудно было ожидать", пишет один из его современников: "от человека, проведшего 30 лет в строю, да и не только в строю, но почти в безпрерывных боях серьезной деятельности, как начальника учебного заведения".

Но, Врангель - был исключением. Способный от природы, хотя и не получивший специального образования, он обладал тактом и, если при нем не было ничего выдающегося, то не было и ничего дурного.

Генерал Врангель прибыл в Полтаву в начале мая 1849 года в чине Генерал-Майора, а в декабре 6-го числа был произведен в Генерал-Лейтенанты.

С первых же дней своего пребывания в Полтаве, он всецело отдался кадетскому корпусу. По его приказанию, на дежурных офицеров была возложена обязанность докладывать ему ежедневно, кто из воспитанников получил 12 баллов, кто получил неудовлетворительные отметки, какие воспитанники и за что записаны в классный журнал, какие воспитанники и за что были наказаны и какому наказанию они были подвергнуты.

Этим способом Врангель постепенно узнавал характер каждого из своих воспитанников. Когда летом, корпус выводился в лагерь, Врангель тоже поселился в нем, посещая кадетские палатки и входя во все мелочи, с целью убедиться, насколько каждый из ротных командиров вникает в свои обязанности.

Е.П. Врангель не был чужд духу своего времени и телесные наказания считал иногда необходимостью в деле воспитания, но старался прибегать к этой мере лишь в исключительных случаях.

Часто наказания эти делались не иначе, как по определнию воспитательного комитета, при чем подвергались этому наказанию дети не свыше 12-летнего возраста. Последняя мера, хотя и была хороша для репутации заведения, но часто не оправдывалась родителями кадет, и во многих случаях они просили Директора корпуса Врангеля сечь их детей. Тогда Врангель подчинялся этим требованиям.

Среди его приказов по корпусу, попадались такие, где предписывается зараз высечь 10-13 кадет (число ударов не свыше 35).

Иногда Врангель иронизирует в приказах: так один кадет лечился от золотухи, которая, впрочем, не мешала ему, сидя в

лазарете, заниматься, но он ленился. Врангель пишет: "При всей врачебной о нем попечительности, он может подвергнуться такому чувствительному наказанию, которое, не вредя золотухе, благодетельно подействует на его леность".

Сечение нередко происходило при известной обстановке, так иногда секли при целом батальоне, или в присутствии родителей. в некоторых случаях Врангель просил родителей, чтобы они наказывали детей у себя дома сами.

По вступлении в должность Директора корпуса Е.П. Врангель сразу постарался сблизиться со всеми более влиятельными личностями Полтавы, а терпимостью и мудрыми распоряжениями по корпусу, снискал себе любовь и расположение родителей и родственников кадет.

Для родителей воспитанников двери корпуса были открыты всегда, кроме классных часов; равным образом Директор принимал родителей у себя на квартире, показывая им свою алфавитную книжку с различными заметками, а также ежедневные рапортички о разных случайностях в корпусе.

"Вот Директор, так Директор", повторяли в один голос все, кому приходилось побывать у Врангеля хоть один раз. (Тимченко-Рубан. "Из воспоминаний о пережитом". Исторический Вестник 1890 года, июль, стр. 13.).

Хорошим педагогом считало Врангеля и Петербургское начальство. Когда Император НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧ посетил Полтавский корпус в 1852 году, то остался очень доволен его состоянием.

В особой аудиенции Врангель так мастерски очертил свою деятельность, что Государь сказал: "Не только весьма доволен, но восхищен, что видел".

В том же году,18 сентября, на имя Ген.-Лейт. Врангеля последовала Высочайшая грамота о награждении его орденом Св. Владимира 2-ой степени, а через три года он был награжден орденом Белого Орла и знаком отличия 30-летней службы.

Молва, прославившая Врангеля, как редкого педагога, росла с каждым днем.

В 1856 году, при открытии вакансии на должность попечителя Виленского учебного округа, Егор Петрович был вызван в Петербург и после аудиенции у Императора АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, ему было предложено это место. Благодаря Государя за такое высокое к немы доверие, Врангель со слезами высказал глубокое сожаление, что ему приходится расстаться с дорогим ему мундиром Петровского-Полтовского корпуса. Тронутый слезами Генерала, Государь соизволил ему оставаться в том же мундире при новой должности, с правом числиться в списках корпуса.

С чувством искреннего сожаления расстался Врангель со своим любимым заведением, Директором которого он был в течение 7-ми лет. "Время моего пребывания в Полтавском корпусе", писал Врангель в своем последнем приказе по корпусу: "останется навсегда драгоценным, оно глубоко врезалось мне в память сердца неизгладимыми чувствами уважения и признательности к почтенным моим сослуживцам и любви и участия к вверенным сердцу и совести нашим детям-кадетам. С печалью расставаясь с вами, обращаюсь ко всем и

каждому из вас с вырывающимся из глубины словом: "благодарю, благодарю вас ! Прощайте ! С любовью и впредь буду следить за преуспеванием драгоценного для меня Петровского корпуса".

И. Павловский "Русская Старина" - 1896 г. стр. 725. - "Военная Быль" - Сентябрь 1952 г., № 3, Париж, стр. 8. Статья Топоркова.

Директором военной Гимназии был Фр. Ив. СИМАШКО (1866-73). Инспектором, сначала БОГОЛЮБОВ Михайил Федорович, а потом ДЕПУЛЕ.

Генерал НЕЧВОЛОДОВ (1873 г.).

Крайне скудные сведения имеются о Директоре корпуса Генерале КРУГЛИКОВЕ. По рассказам некоторых кадет, помнивших его, это был человек рассеянный, пожалуй перешедший за границу умственной нормальности. Он почти ни с кем не говорил, не произносил речей, отделываясь какими-то междометиями.

Некоторые из его странностей были такого рода: видя тень от лампы на стене, он долго и напряженно в неё всматривался, принимая её за грязное пятно и затем скороговоркой бормотал: "Вымыть! вычистить! стереть!" и к общему недоумению, стоявшего на вытяжку класса, быстро убегал.

Вместе с тем, кто-то из старых Полтавцев (кажется это был скончавшийся С.Н. Карпов) говорил мне, что был он человеком высоко образованным, знал языки, изучал философию и прекрасно знал русскую литературу.

П. ВОЛОШИН.

В 1889 году, когда я был в 4-м классе, корпус принял Генерал СТРАДЕЦКИЙ. Принял он корпус от Генерала КРУГЛИКОВА.

Произошло это после бунта I-ой роты, пытавшейся воспрепятствовать исключению из корпуса кадета Бабенко и его приятеля. Подробностей, происходивших за дверями (закрытыми) I-ой роты мы, малыши не знали, но Бабенко и его друг остались в корпусе.

Через некоторое время нас, в парадной форме, собрали в большом зале. Вошел Генерал КРУГЛИКОВ, попрощался с нами и ушел. А через 3, 4 минуты вошел, также в парадной форме, небольшой Генерал, резким тенором поздоровался и заявил, что прислан привести корпус в порядок и, если потребуется, то всех нас разгонит. Бабенко с другом, в ту же ночь исключили.

Генерал Страдецкий умер через два года по принятии корпуса.

Н.А. КОЗАКОВ (вып. 1894 года)
(Николай Александрович. Полковник).

3-7-1965 года.

Генерал-Лейтенант ПОТОЦКИЙ был типичным представителем Директора корпуса доброго старого времени. Он обладал величественной наружностью стиля "панов" Польши и старой Украйны. Полная

громоздкая фигура, усы с бакенбардами, подражавшие, как это делалось многими военными в то время, Императору АЛЕКСАНДРУ II-му, величественное спокойствие и невозмутимость.

Если-бы он родился лет на 20 раньше, он вероятно достойно закончил бы свою карьеру на посту м.б. попечителя учебного округа или члена какой-либо военной комиссии в Петербурге, где на заседаниях можно было дремать и отделываться фразами:

"Присоединяюсь к предыдущему оратору".

Но времена были уже не те: разразилась Японская война, затем первая волна российской революции, всколыхнувшие всю Россию. За ними начался так называемый "Ренесанс" не только Российской армии, но и всей нашей Родины. Сидеть на балконе, попивать чаек и раз в неделю прогуляться по корпусу - стало невозможным.

Для этого нужны были другие люди и им ему пришлось уступить место.

Кадеты, нельзя сказать, что его не любили, но они относились к нему безразлично. Приятно было видеть его величественную фигуру на парадах, корпусном балу и в других торжественных случаях, но он был нам далек и "царствование" его не было отмечено никакими выдающимися событиями.

Носил он прозвище Галуха (производное от "галушка"). О нем в Звериаде написано несколько едких слов, которых мне не хотелось бы воспроизводить, так как за давностью лет, они не кажутся мне справедливыми, но типичными. В Звериаде о нем пели:

"Прощай Директор наш "Галуха",
Ты толстопузый генерал,
Весь век кормил ты себе брюхо,
А на кадет ты не взирал."

П. ВОЛОШИН

Вся жизнь Полковника (тогда еще) ПОТОЦКОГО прошла в Полтавском корпусе: он был кадет, воспитатель, ротный командир и, наконец, Директор корпуса. За долгую жизнь он устал, - не хватало сил уже всё видеть, всюду бывать. Это начало сказываться на сложном корпусном хозяйстве и на деле воспитания кадет. Ему всётаки хотелось оставаться на своем посту.

В те времена, Директора корпусов вызывались иногда в Петербург, для личного доклада. Был вызван и Ген. Потоцкий. Он сделал доклад в Главном Управлении Военно-Учебных Заведений. Из его доклада явствовало, что в корпусе образцовый порядок. А между тем Главное Управление получили экстренное сообщение о том, что после отъезда Ген. Потоцкого, в старшей роте произошли беспорядки. Выслушав доклад Генерала Потоцкого, Начальник Главного Управления, прочтя сообщение, спросил Генерала:

"А как же возможны в вашем корпусе такие события?"

Увы! Генерал Потоцкий на этот вопрос ничего не смог ответить. Его карьера, как Директора корпуса - окончилась.

А.А. СКРЫНЬКА

В 1906 году состоялось назначение Директором корпуса Полковника ПОПОВА. Это назначение было несколько необычным. Обыкновенно во все корпуса Директор назначался уже в генеральском чине, и такое новшество смогло быть осуществлено, лишь благодаря смелости и решительности Великого Князя Константина Константиновича, не боявшагося оторваться от традиционной рутины, и смотревшего в корень вещей.

Николай Петрович Попов, окончил Полтавский корпус, Михайловское артиллерийское училище и Михайловскую артиллерийскую академию, избрав,по окончании её, своею специальностью, химию, которую он и преподавал в Николаевском кадетском корпусе, где в описываемую эпоху он был Инспектором классов.

С большим нетерпением ждали, как персонал корпуса, так и все кадеты, приезда нового Директора. Какие-то неопределенные слухи долетали о нем до Полтавы. Были они, как это всегда бывает, не всегда достоверны, но всегда интересны: говорили, что он по личному приказанию Государя, читает лекции подроставшим Лицам Императорской Фамилии, что он сделал какие-то необыкновенные открытия в области химии, что он прекрасный математик, светский, но очень строгий начальник.

Настал, наконец, день приезда нового Директора. Пред нами предстал невысокого роста полковник, очень элегантно одетый, с небольшой бородой, расчесанной на две половины с пробритым подбородком (как это было у Скобелева). Говорил он энергично, коротко и совершенно ясно.

Эпоха его директорства, была знаменательна для жизни корпуса во всех областях. Надо сказать безпристрастно, что стиль корпуса, унаследованный от далеких времен, не было очень привлекательным: была ещё не изжита грубость, некоторое разгильдяйство, презрительное отношение ко всем тем, кто не носил военный мундир.

Попов со всем этим повел ожесточенную борьбу. За несколько месяцев его директорства внешний вид кадет стал неузнаваемым : от уходящих в отпуск требовалось быть одетым не только чисто, но опрятно и щеголевато. Кадет в отпуску, даже один, является представителем всего корпуса и об этом он не должен забывать ни на одну минуту.

Мало того, ряд учебных заведений несколько побаивались приглашать кадет на их вечера. Были случаи, что кадеты затевали ссоры с учениками других учебных заведений, доходившие иногда до драк. Это было, конечно, неприятно, для устроителей.

Все это исчезло при Николае Петровиче. Кадеты были приняты, как желанные гости в самое лучшее Полтавское общество, вплоть до вечеров в Губернаторском доме и балов у Предводителя дворянства. Энергичными усилиями, кадеты были доведены во внешнем виде до гвардейского блеска.

Н.П. Попов подтянул не только кадет, но и всех служащих: встряхнулись и воспитатели и преподаватели. Читались очень интересные лекции (вне классов) специально приглашенными лекторами, известными путешественниками, приезжали и читали русских классиков прославленные артисты Императорских театров, как Озаровский

и др. Каждый год были концертные вечера, широко развилась деятельность оркестров: духового (их было три, вплоть оркестра малышей 3-ей роты), балалаечный и струнный.

Любили ли кадеты Николая Петровича? И да, и нет. Как преподаватель (он преподавал аналитическую геометрию и впоследствии химию), он был сух и очень скучно излагал свои лекции. Как начальник, иногда вызывал некоторый отпор, но вместе с тем все чувствовали, что корпус вступил на какие-то новые рельсы.

При его директорстве учился в корпусе не только я, но и целый ряд моих родных братьев: Глеб, Федор, Михаил, Тимофей и Игорь. Все они, отдавая должное энергии Генерала Попова, были всё-таки несколько сдержаны в оценке его личности. Чего то в нем не хватало для того, чтобы покорить наши детские сердца.

В Звериаде, конечно, и Генералу Попову отведено место: наивно, безхитростно выразительно - кадеты отметили его пребывание:

Кадеты, товарищи, братцы,
Нам плохо становится жить,
Припомните годы, Полтавцы,
Не надо ведь было зубрить.

Теперь воспитатель цукает
За каждый малейший пустяк,
И ротный нас в карцер сажает,
И всяк тебе скажет: "дурак".

Не так нам жилося в то время,
Когда был Директор другой,
Но теперь исчезает то племя,
И род стал людей не такой.

П. ВОЛОШИН.

Ниже, суждение о том же Директоре с точки зрения одного из чинов персонала корпуса.

В Главном Управлении Военно-Учебных Заведений считали, что в Полтавский корпус нужно назначить Директором человека более молодого и энергичного.

В Петербурге Инспектором классов Николаевского корпуса был Полковник Попов Николай Петрович. Он удовлетворял всем предъявленным требованиям.

Полтавский корпус он хорошо знал, так как сам в нем учился и помнил Ген. Потоцкого, который был его ротным командиром. Главное Управление ознакомило Полк. Попова с положением корпуса перед его назначением, и можно думать, что будущий Директор получил директивы - произвести изменения в некоторых отраслях его жизни.

Его внешность и способности, соответствовали требованиям старого устава 1766 года: "Директор должен быть человеком радетельным, трудолюбивым и имеющим вид строгий".

С полученными в Петербурге инструкциями, со знанием родного корпуса, с искренним желанием внести в его жизнь то новое, что Николай Петрович видел в столице, он, со свойственной ему прекрасной военной выправкой, быстро поднялся в 1906 году по лестнице в вестибюль корпуса, где он много лет тому назад, простился с матерью, которая его, мальчика, привезла в корпус.

Нового Директора встретили с трудом скрываемым волнением, помнящие кадета Попова офицеры и учителя: Полк. А.Д. Ромашкевич, Инспектор классов Данков, постаревший Вас.Андр. Шевелев, Историк Иван Францевич Павловский, Васильев и, даже из лазарета, пришел добряк, служитель Фишер.

Понадобилось 6 лет упорного труда, чтобы изменить в корпусе дисциплину, сложное хозяйство и наладить учебное дело. Все нововведения делались после утверждения Главным Управлением Военно-Учебных Заведений.

В последние годы предложения Генерала Попова были настойчивы, но утверждения не всегда давались, чего не было в первые годы управления корпусом.

Утомленный шестилетней напряженной работой, Генерал Н.П. Попов, в 1911 году, подал в отставку.

Чего не бывает в жизни? В старшем классе корпуса Н.П.Попов учился у преподавателей Шевелева, Павловского, Васильева.

В 1906 году, он возвращается в корпус Директором и застает своих учителей. В 1912 году, он уходит в отставку, а его учителя остаются в корпусе и с большой грустью и искренним сожалением прощаются с Николаем Петровичем и своим бывшим учеником.

В 1919 году, во время общей эвакуации, Генерал Н.П. Попов с семьей сына оставил Полтаву, был сначала в Югославии, а затем в Софии, где преподавал математику в одной из гимназий и, наконец, он затем переселился в Париж, где и скончался.

А.А. СКРЫНЬКА

Генерал-Майор КЛИНГЕНБЕРГ, Михаил Михайлович, Семеновского полка, академик, боевой Генерал Японской войны, во время которой получил Золотое Оружие, принявший корпус после Генерала Попова в начале 1912 года, оставил совершенно незабываемый след, как в жизни корпуса, так и в сердцах кадет.

Все воспоминания кадет этой эпохи, а их довольно много, подчеркивают ту огромную роль, которую сыграл Генерал Клингенберг в период его директорства. В предшеств. очерках, его личность обрисована всеми его питомцами трогательно, любовно и с глубоким уважением, теперь же закончим эту главу воспоминаниями Б. Сабо и нашего Преподавателя и его сослуживца по корпусу А.А. Скрыньки:

Директора корпуса, Генерала Клингенберга до революции мы знали мало и я бы сказал даже недолюбливали. Мы не могли ему простить, с нашей точки зрения, несправедливого отношения к Эмниху. И только потом мы убедились в том, что он был добрый и хороший человек.

Коренной офицер Лейб-Гвардии Семеновского полка, академик, в Японскую войну добровольно ушедший на фронт в какой-то пехотный полк. Там он получил Золотое Оружие.

Хочется рассказать случай со мной. Когда в 1914 году приехал к нам в корпус Вел. Князь Константин Константинович, то по

отделениям ходил Полковник, приехавший с Ним, и объявил, что каждый кадет может подать просьбу Великому Князю, если таковая у кого-либо имеется.

В моей роте только две просьбы были признаны серьезными:

- Каскевич просил Великого Князя помочь его отцу и матери. Отец, офицер, разбитый параличем, вместе с матерью находился в каком-то приюте в ужасных условиях. Об этом доложили Великому Князю. Точно помню, как сейчас, Великого Князя, вошедшего во время вечерних занятий в наш класс и спросившего: - "Кто из вас, Каскевич?".

Каскевич встал. Великий Князь на него внимательно посмотрел и сказал: - "Выйдем из класса, Мне нужно с тобой поговорить".

Целый час они ходили по спальне и Вел. Князь подробно его обо всем расспросил. Через месяц Каскевич получил письмо от матери, в котором она писала, что их посетил Великий Князь. Вскоре после этого его отец и мать были переведены в другое место. Мать была страшно рада и писала, что она никогда и не мечтала жить в таких условиях.

- Вторая просьба была моя: мой брат учился в 3-м Московском корпусе. За "тихие успехи" и "громкое поведени" его собирались отправить на "попечение родителей", а так как родителей у нас не было, то и не знаю, что сталось бы с моим братом, поэтому я просил перевести брата в наш корпус, обещая за ним смотреть.

Меня вызвал Директор корпуса и сказал, что беспокоить Вел. Князя с моей просьбой не следует, и что он сам всё сделает, тем более, что Директор 3-го Московского корпуса Генерал Лобачевский был его другом.

Было это перед Рождеством, и когда мы вернулись с каникул, то, во время завтрака, Директор, увидев меня, сказал:

"Всё сделано и Вы скоро увидите своего брата".

И, действительно, через месяц, меня вызвали в дежурную комнату. Там я увидел Директора, который мне сказал: "Бегом ... в лазарет!" - Я обалдел: в лазарет? по моему я не болен. Смотрю с удивлением на Директора, он вторично прикрикнул на меня: "Вам говорят, бегом в лазарет!".

Ничего другого мне не оставалось, надо бежать, если получил приказание. Вбегаю в лазарет и вижу фигуру моего брата. Не успел я с ним поздоровться, как появился Директор (повидимому он тоже бежал).

Он с места начал кричать на брата и сказал, что если он не исправится, то каждую субботу его будут пороть. Брат, повидимому, решил, что он попал в арестантские роты и перепуганно смотрел на Директора. Когда Генерал увидел, что брат от страха побледнел, он погладил его по голове и ласково сказал: "Это я пошутил только".

В 1917 году, к Рождеству, корпус отправлял на фронт посылки солдатам наших полков: Елецкому, Севскому и 9-ой арт. бригаде. Каждую субботу, после вечерней службы, все вице-унтер-офицеры, которые не ходили в отпуск, отправлялись на квартиру Директора корпуса, чтобы готовить эти посылки.

Ходил и я, как вице-унтер-офицер.

В домашней обстановке Генерал Клингенберг был совсем другим человеком. Его супруга, милая и приветливая, только и думала, как бы нас получше накормить. И, действительно, угощали нас на славу.

В Киеве, Генерал жил со своей супругой в маленькой комнатке.

I-го октября того-же года, из Киевского Вел. Князя Константина Константиновича Военного Пехотного Училища вышли прапорщиками: Сабо, Ржецкий, Короленко, Каскевич, Блашевич, Колобков, Парай-Кошиц, Пузанов, Мостовой, Трунов и Князь Рачнадзе.

Они представились Генералу Клингенбергу, чем очень его обрадовали и тронули, но в последующие минуты, Генерал был крайне взволнован тем, что не имел возможности их угостить так,как от хотел-бы.

Б. С А Б О

"Как управление корпусом Ген. Попова отличалось от такового Ген. Потоцкого, так же отличалось и управление последующего Директора Генерала КЛИНГЕНБЕРГА, назначенного после Попова.

Ген. Клингенберг был назначен, имея за своими плечами опыт Японской войны, участником которой он был. Он вводит новые принципы в военной и педагогической подготовке кадет.

Всем корпусам в этот период Главное Управление Военно-Учебных Заведений дало целый ряд инструкций, касающихся разных сторон жизни корпусов. Нужно помнить, что это был период перед мировой войной I9I4 года и последовавшей за ней революцией.

Революционная власть I9I7 года смотрела очень косо на его деятельность, и особенно на его популярность среди кадет. Неизвестно как, но кадеты узнали, что их Директору грозит какая-то опасность. Они просили Генерала спать в корпусе, но он отказался.

В мае I9I7 года, эта власть издала распоряжение об устранении Ген. Клингенберга от должности Директора и об его выезде в Киев, постановив в то же самое время, что приведение этих мер в исполнение должно произойти ночью.

Причина такой предосторожности, была их боязнь вмешательства вооруженных кадет I-ой роты, тем более, что предлогом этих решений послужило обвинение Генерала в том, что он разрешал своей супруге ездить на казенных лошадях.

Разбуженному ночью Генералу не дали даже времени, чтоб одеться и, спешно его увезли на вокзал к отходящему поезду."

А.А. С К Р Ы Н Ь К А

Ушедшего не по своей воле Генерала Клингенберга, заменил на посту Директора корпуса Полковник АНТОНОВ.

До этого он был в I-м Кадетском Корпусе сначала лазаретным воспитателем, затем помощником Инспектора классов и, наконец, переведен в Донской корпус, как Инспектор классов, прежде чем быть назначенным в наш корпус.

Он не снискал любви кадет, имея нерешительный характер и стараясь как-то приспособиться к текущим революционным событиям, с чем кадеты, воспитанные в духе долга перед Родиной и её вековых заветов, никак не могли примириться. Ряд кадет, бывших в то время в корпусе, отзывается о нем весьма нелестно, и в их воспоминаниях нет ни любви, ни почтения. То, что они описывают, читатель ознакомился уже сам и вывел свои заключения.

Нам, составителям Юбилейного Сборника, хотелось-бы быть на исторически-безпристрастной точке зрения.

Оставивши неприкосновенными все мнения кадет его времени, скажем одно, - он был Директором в тяжелейшее для России и, следовательно, и для Корпуса времена. Требовать от всех, чтобы, в тяжелую минуту, они были героями, невозможно. Если-бы все вели себя геройски, мы не были бы здесь...

Еще раньше его, другие, виднейшие начальники, занимавшие высокие посты в Армии, совершили ряд действий, которые не только огорчали русских офицеров, но и ставили иногда их прямо в трагическое положение.

Наш бывший однокашник, блестящий и доблестный боевой офицер, Капитан Лашкевич, в 17 году, за ранением, эвакуированный в запасный батальон своего Л.-Гв. Волынского полка и назначенный начальником учебной команды, был убит, выстрелом в затылок унтерофицером той же учебной команды, Кирпичниковым. Кирпичников, подло, выстрелил в Капитана Лашкевича из окна, когда он переходил двор казармы полка в Петрограде.

Командующим войсками Петроградского Военного Округа был в то время Генерал, именем которого долгое время гордилась вся Россия. Что же он сделал? Предал военно-полевому суду Кирпичникова? Увы, нет! - По требованию "Совета Рабочих и Солдатских Депутатов", он наградил его Георгиевским крестом, как за поступок "высоко революционный".

После этого примера, вызванного воспоминанием о нашем, так трагически погибшем, однокашнике Капитане Лашкевиче, вернемся к Полковнику Антонову.

Революционная власть его сажала в тюрьму, следовательно ей он тоже не нравился. С корпусом он покинул Полтаву и проделал с ним все мытарства до Крыма, а затем до Югославии, где и умер в 1942 году, а его супруга в 1945.

В нашем распоряжении имеется две страницы воспоминаний его дочери Г.А. Дмитриевой, проживающей в настоящее время в Париже.

Они не вносят ничего существенного для Сборника, разве только то, что во время эвакуации из Полтавы, Полковник Антонов забыл все свои бумаги в письменном столе. Позже, во время второй мировой войны, в той же Югославии, авиационная бомба разбила дом, в котором жила его семья, и вновь накопленные бумаги погибли.

ВОСПИТАТЕЛИ И ПРЕПОДАВАТЕЛИ КОРПУСА

"..Наставникам, хранившим юность нашу
От всей души за благо воздадим.."

А.С. ПУШКИН
(Юбилейное лицейское стихотворение).

Совершенно ясно, что привести полный список воспитателей Петровского Корпуса у нас нет никакой возможности. Мы ограничиваемся, поэтому придерживаясь насколько это возможно, хронологического порядка, перечнем, с краткими заметками о них, т.е. воспроизведя то, что вспомнилось живым, или уже умершим кадетам Петровцам.

ВОЕННАЯ ГИМНАЗИЯ
(1866-1873)

Воспитателей припоминаю следующих: Влесков, Дьяченко, фон-Плото, Моралевский, Грофе, Гринфельд, Эльяшевич, Гудима, Симановский, Скобичевский, Потоцкий, Парай-Кошиц, Мочуговский, Визард, Богоявленский, Буткевич.

Генерал-Лейтенант НЕЧВОЛОДОВ.

1890-1906

1900 год. Полковник Юркевич, командир I-ой роты. Участник войн с Турцией. Всегда подтянутый и сохранявший выправку времен Царствования Императора АЛЕКСАНДРА II-го.

Капитан Юркевич (однофамилец). Очень красивый мужчина с короткой бородой. Носил прозвище Феди. С кадетами держал грубовато-добродушный тон. Был хороший строевой офицер, всегда мечтавший покинуть Корпус и вернуться в Армию.

Коротенькие примеры его разговоров с кадетами:

Во время утренней побудки: "Вставайте, вставайте, скажем Иванов!" - "Господин Капитан, не тревожьте меня во время сна, я во сне буйный! Могу нечаянно ударить." - "Не волнуйтесь, сумею дать сдачи."

"Господин Капитан, послушайте, как замечательно поет колыбельную песню Годара, артистка Михайлова"(тогдашний кумир, впервые появившихся граммофонов). - Федя, глубокомысленно прослушав пластинку: "Ничего! Визжит здорово!".

Кадеты моего времени его любили. Штрих кадетской наблюдательности: все утверждали, что Федя влюблен в жену воспитателя Травлинского, очень милую и женственную даму. Никаких доказательств абсолютно не было. И что-же? Когда Травлинский умер, Федя женился на его вдове.

Полковник Николай Викторович Быков, один из ближайших родственников Гоголя. Имел именье в Яновщине, где жил и Гоголь. Богатый человек. Во время корпусных вечеринок и балов присылал

груды сластей и фруктов. Любил русскую литературу, почитал Короленко,как писателя. Был очень любим кадетами, несмотря на вспыльчивость. Умер в 1919 году во Владикавказе.

Богаевич, Александр Александрович, не был очень заметной фигурой. Кончил курсы воспитателей, учрежденные Вел. Князем Константином Константиновичем. Был добр, но не пользовался большим почтением кадет из-за своей мягкости. Умер в Полтаве за несколько лет до революции.

Вспоминаются еще, увы, только по фамилиям: Байер, Селихов, Травлинский, Квятковский и Байдак, игравший большую роль в жизни корпуса, как музыкант и пианист. Офицер Орденского драгунского полка, красавец; женатый на певице, певшей с нашим хором Ave Maria, Гуно, и игравший в Полтавском любительском театре роль Чацкого, для чего ему пришлось сбрить свои великолепные усы.

Полковник Никушкин, дядя Лоба (читай по-кадетски), музыкант, композитор, попавший к нам из Орловского корпуса, торжественно выступавший на всех концертах, как дирижер оркестра.

Судьба всех их, нам неизвестна, за исключением двух умерших, что и указано в тексте.

П. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО

Громадный том стихотворений, под общим названием Звериада, приносился в корпус всего лишь на 3 дня. Мы знали, что Полковник Парай-Кошиц, во что бы то ни стало, хотел Звериаду "поймать", но хитрости кадет предела нет: Звериада хранилась, ни больше, ни меньше, как в шкафу Подполковника Бужинского. Попробуй догадаться и найти её там... Бужинский это знал, нас выручил и не выдал.

Милый Бужинский! По своему школьному образованию, Ты не был кадетом, но за многие годы Твоего пребывания в корпусе, Ты всеми своими мыслями и чувствами стал настоящим кадетом.

И вот видишь - благодарное кадетское сердце помнит Тебя до сих пор. Думаю, что это лучшая награда, какая может существовать для воспитателя.

Вспоминается еще Подполковник Васильев. Не могу много о нем написать, он был в корпусе, как бы новичком и еще не сумел себя проявить.

Помню, когда он был назначен нашим воспитателем, он пришёл в класс, поздоровался с нами и сказал нам, примерно, следующее:

"Ваших порядков я не знаю. Я не кадет, привык иметь дело с солдатами, но если что-либо позволю себе лишнее с вашей точки зрения, то лучше скажите мне. Я слыхал, что вы любите устраивать "бенефисы", решим по хорошему, согласны?"

Мы, конечно, согласились и искренно его полюбили.

Подполковник Эмних, мой воспитатель.

Когда я вспоминаю тебя, наш верный друг и отец, мне становится грустно от мысли, что Тебе пришлось нас покинуть в самом начале Великой войны.

В 1914 году у меня умерла моя мать. Случилось это во время

Пасхальных каникул. Когда я вернулся в корпус и сказал об этом Подп. Эмниху, он меня обнял, прижал к своей груди и мы оба заплакали. Много ли таких воспитателей ?

И вот, до самых экзаменов, никто из преподавателей меня не вызывал к ответам. Меня это, конечно, удивило. И только несколько времени спустя, я узнал, что делали они это по просьбе Подполк. Эмниха, чтобы дать мне время успокоиться и пережить тяжелую потерю.

Подполк. Эмних ушел в Елецкий полк в 1916 году, т.к. его обошли: он был старшим подполковником и, когда на фронт уехал Полковник Купчинский, он должен был быть произведенным в Полковники и стать ротным командиром.

Генерал Клингенберг его обошел и представил на эту должность Парай-Кошица. Эмниху ничего не оставалось иного, как подать рапорт об уходе в действующую армию. В 1916 году он попал в плен. Мы переписывались с ним, каждому из нас, а нас коренных оставалось всего лишь 9 человек, он присылал из плена открытки. Они всегда были ласковыми и задушевными. Так писать мог лишь отец своим сыновьям, которых он любил и по которым скучал. Вечная Память Тебе!

Я слышал, что впоследствии он командовал запасным батальоном из пленных красноармейцев в Новороссийске. Там он заболел сыпным тифом и умер.

Вечная Тебе Память, наш любимый воспитатель и отец!

У Подполковн. Эмниха было два сына. старший, Виктор, Штаб-ротмистр 10-го Гусарского полка. С ним я встречался в Галлиполи. Он мне и рассказал о судьбе Подполковника Эмниха. Младший, Олег, того же полка, был убит в 15 году в одном из первых боев.

Б. САБО

Кроме того отдельные отрывки вкраплены в воспоминания почти всех кадет, приславших свои очерки.

О судьбе ряда воспитателей позднейшего времени пишет наш преподаватель корпуса А.А. Скрынька:

В 1933 году произошло соединение Крымского корпуса с Сараевским. Остались без службы Подполковники Худыковский, Коссарт, Кнорринг и др. Они переехали в Белград. Худыковский был прекрасный воспитатель и сердечный человек. Его личная жизнь была неудачна: жена его осталась в Полтаве и, кажется, через несколько лет приехала в Югославию, с целью помириться. Но примирение не состоялось, а Худыковский, любящий детей, стал заботится о двух дочерях Подполковника Гончаренко, которому он отдавал часть своего жалованья, на покрытие расходов его большой семьи.

Живя в отставке в Белграде, Подполк. Худыковский долго болел туберкулезом и всё свободное время отдавал чтению русских классиков: Тургенева, Толстого, Достоевского. Умер он

безпомощным и одиноким, в Сочельник вероятно 1936 года. Поздно ночью он встал и подошел к печке, чтобы взять стакан чая. Держа в одной руке стакан, он направился к кровати, но нехватило сил... Он упал и лежал на полу до утра, когда можно было вызвать санитаров.

Подполковник Коссарт переехал в Загреб, к племяннице, которая обладала хорошим голосом. Старый холостяк, он жил припеваючи в большой семье родственников. Все мы знали особенность Коссартов: это были приветливые и гостеприимные люди. Последние годы перед смертью, больное сердце не давало ему возможности лежать в кровати. Приходилось полу-лежать в кресле.

Подполковник Кноринг любил и умел хорошо и уютно жить, сначала в Белой-Церкви, а потом в Белграде. Он получил службу в городской электрической станции. Во время Второй мировой войны, при оккупации Белграда, он был арестован на квартире. Больше ничего о нем не известно. Вероятно несчастный погиб.

Подполковник Гончаренко в Белграде выдал старшую дочь за богача турка. Нам говорили, что и сам он уехал в Турцию.

Необходимо отметить еще ту, действительно героическую работу, которую проделывал, заботливо, внимательно и безкорыстно один из командиров рот, Полковник Ромашкевич, Александр Дмитриевич. В течение всего пребывания в корпусе, он любовно собирал все мелочи кадетской жизни и ежегодно издавал прекрасные сборники: "Материалы к Истории Петровского-Полтавского Корпуса".

Делал он это буквально до "последнего издыхания". Кадеты его очень любили.

В эмиграции он сильно тосковал по оставленной им на Родине семье. Уже живя в Белой-Церкви в 1931 году (приблизительно), он подал в отставку и уехал в старческий дом в Кикинде, где и скончался.

Его старшая дочь, Милица, еще до войны 14 года вышла замуж за сына Директора корпуса Н.П. Попова, Владимира.

А.А. С К Р Ы Н Ь К А

Примечание:

Организаторам юбилейного сборника не удалось достать не только хотя бы отдельные сборники его "Материалов" и его архив, но даже узнать погибли они или нет.

О ряде преподавателей Корпуса в эпоху 70-х годов, сведения очень детально дал Генерал Нечволодов:

В мое время преподавателями были:

Закона Божия: Священник Котронов, Диакон Лисовский.

Русского языка и словесности: Стеблин-Каменский, Мочульский, Згурский, Чемезов, Архангельский и Депуле.

Математики: Никольский, Котельников, Шишко, Мочуховский и Павленко.

Географии: Ряднов, Вахиров и Туржанский.

Истории: Корсунский и Федченко.

Естественной истории : Насветов.

Физики: Мочуховский.

Космографии: Бельченко.

Немецкого языка: Дейк, Цукельмоглио и Вейдле.

Французского языка: Такенс, Ганот Николай и Юстин и Фезер.

Рисования: Зайцев.

Чистописания: Волков.

Из преподавателей, которые оставили о себе очень хорошую и светлую память, можно упомянуть: учителя словесности Депуле, истории Федченко и математики Шишко.

Законоучители и настоятели нашего храма:

Протоиерей Исаенко, истинный святитель. Древний старичек не могший иногда по физической слабости отслужить полностью литургию, ограничиваясь, так называемой "обедницей". Он очень любил кадет, в праздники нередко присылал всем виноград, пирожные и др. сладости.

Протоиерей О. Щедродаров. Кончил духовную академию, был слишком умен для кадет и читал нам лекции на очень философские темы. Это было скучно, и мы поэтому были к нему равнодушны. Служил в церкви с большим великолепием.

Отец Сергий Четвериков написал о себе сам. Он был любим и уважаем не только в стенах корпуса, но и здесь в эмиграции, где в Париже он был настоятелем одного из приходов. Он описал драматическую страницу из жизни корпуса: сожжение корпусного знамени. О. Сергий Четвериков перед смертью принял монашескую схиму.

Протодиакон (фамилию забыл). Громадный мужчина, без всякого слуха, говоривший с отчаянным украинским акцентом. За многие годы пребывания в корпусе так и не мог произнести буквы Ф, и вместо фелонь, говорил ХВелонь, форма -ХВорма и т.д.

Преподаватели русского языка:

Чемезов (отец воспитателя), Васильев, большой знаток литературы, приививший любовь к ней многим кадетам, Иванов, бывший семинарист, очень религиозный человек и хороший преподаватель.

Преподаватели математики:

Байер, не могу о нем ничего вспомнить. Данков, Действительный Статский Советник, которого вспоминают многие в своих очерках. Коваржик, Федор Осипович, феноменальный математик, совершенно идеально излагавший свой предмет. Чех, но очень любивший Россию. Был очень строг и требователен. Щиголев, спокойный и требовательный педагог. Я знал его мало, но о нем много вспоминают последующие выпуски кадет.

Преподаватели физики :

Мочуговский Вас. Андр., блестящий физик, читавший в Полтаве публичные лекции на тему последних открытий физики. Был богат. Имел под Полтавой чудесный фруктовый сад, поставлявший фрукты на всю Россию. Впоследствии был Директором Коммерческого Института, открытого по его инициативе в Полтаве. Люсин, Полковник, Петр Григорьевич. Окончил математический факультет в Харькове. О нем уже были изложены более подробные сведения. Салов, их лаборант при физическом кабинете. Простой мужичек, но пректически хорошо знавший физику и особенно электротехнику. Носил прозвище Салат. Почему ? Неизвестно !

Преподаватели географии :

Лопатин. Неизвестно почему кадеты коверкали его фамилию и произносили ЛопатЭн, с ударением на последнем слоге. Знал хорошо предмет, но преподавал его сухо.

Естественная история :

Шевелев, Василий Андреевич. Он же был одним из штатских воспитателей, которого я застал в корпусе. Сумел привить кадетам любовь к естественным наукам. Часто совершал с ними прогулки, собирая, для пополнения аквариумов, тритонов и других представителей речной фауны. По его инициативе, в 1905 году, кадетами 7-го класса была посажена вдоль всего плаца аллея, уцелевшая и разросшаяся в последние годы. Каждый кадет имел своё деревцо (тогда еще крошечное), за которым он имел каждодневное наблюдение. Все кадеты отзываются о Василии Алексеевиче с большой любовью и уважением.

Французский язык :

Пердризе, типичный француз, бывший парижанин. Старательный педагог вплоть до введения добавочных вечерних занятий (разговоры). Увы ! Французского языка у него мы так и не выучили по настоящему. Жаке, Нума Улиссович, провансалец. Неопрятный, грязный, куривший отвратительные вонючие сигары. Был больше карикатурой, чем преподавателем.

Немецкий язык :

Штединг. Ничего о нем не помню. Грюн, Николай Августович, молодой, красивый. Был женат на очень миленькой немочке и имел двух прелестных детишек. Немецкому языку нас почти не научил.

История :

Павловский, Иван Францевич. Автор трудов по истории Полтавы. Основатель музея на так называемой Шведской могиле. О нем много уже написано.

Законоведение (впервые введенное в 1906 году) :

Саков, присяжный поверенный. Умный, несколько лево настроенный адвокат. Был хороший и занятный лектор, но кадеты его невзлюбили и подали заявление Директору об его "яко-бы" левых настроениях, и он принужден был уйти из корпуса "с большой грустью", как он сказал нам при прощаньи: "потому что я искренно всех вас полюбил". Думаю теперь, что оценка кадетами его лекций была несправедлива.

Фехтование :

Петров, Коллежский ассесор, старичек почти выживший из ума; он же летом учил кадет плавать, но сам не рисковал этого делать. Купчинский (в то время Капитан), отлично фехтовал сам и прекрасно учил кадет. Чемезов, Иван, Штабс-Капитан, увлекался фехтованием, но учитель был не очень хороший.

Пение :

Ризенко, Иван Николаевич, по кадетскому прозвищу Ванько. Малорос высокого роста с бородой. Учил кадет много, много лет и светскому и церковному пению и учил хорошо. Был большой крепыш, купался в Ворскле всю зиму, невзирая на морозы.

Музыка :

Гофман, военный капельмейстер, впоследствии смененный Полковником Никушкиным командиром 4-ой роты. Морозов, Иван Михайлович, по прозвищу "бумага". Управлял струнным оркестром. Был безталантен и ограничен.

Рисование :

Волков, Василий Алексеевич, большой и хороший художник, делавший в Полтаве выставки. Его специальностью были миниатюры, но несколько портретов русских Имнераторов в портретном зале были нарисованы им. В частности: портрет Императора НИКОЛАЯ II-го.

П. В О Л О Ш И Н (вып. 1906 г.)

Так хочется вспомнить всех добрым словом. Ведь я уверен, что наши воспитатели и преподаватели хотели нас научить чему-то хорошему.

Были добрые, которые нас любили, таких было большинство, но были и вредные. К числу таких я причисляю преподавателя Истории Голобородько. Никогда мы не чувствовали, что он нас любил.

Вспоминается эта маленькая невзрачная фигурка: небольшого роста, с круглой физиономией, с черной бородкой, лысый и в очках. Ходил он как-то бочком, и у нас было впечатление, что он нас боится.

Историю он знал хорошо, но говорил так скучно и нудно, что на его уроках всех клонило ко сну. Злило нас еще и то, что он чрезвычайно скупо ставил баллы. Нам это наконец надоело, и мы решили его как-нибудь проучить. Было решено, что I-ое и 2-ое отделение будет действовать одинаково. Наш план был простой и бесхитростный: во время урока все должны смотреть ему в глаза и не задавать никаких вопросов.

Голобородько ходил по классу, а наши глаза неотступно его преследовали. Так продолжалось ровно месяц. Мы стали замечать, что он не находил себе места, нервничал, смотрел на часы, не зная, что ему делать. В один из последующих уроков Голобородько не пришел. Мы узнали, что он заболел, с ним случился нервный шок. Полтора месяца он болел.

Наши воспитатели знали в чем дело, и вот, однажды, они нам сказали: - "Завтра Голобородько придет на уроки. Довольно вам его мучить, ведите себя так, как будто-бы ничего не было и вы увидите результаты".

Голобородько пришел, и нам было жалко на него смотреть: мы сразу начали его спрашивать, как он себя чувствует, - в общем разыграли комедию, и Голобородько ожил. Повидимому ему были известны причины, по которым мы так себя вели. Он начал ставить баллы нормально, уже можно было получить I2 баллов за хороший ответ.

Я слыхал впоследствии, что он был в дальнейшем директором украинской гимназии.

Преподавателем немецкого языка у нас был Н.А. Грюн. Как у всякого преподавателя, у него были свои слабости, которыми мы, конечно, пользовались. Главной целью всех было избежать вызова для ответа, и потому прилагались все усилия к тому, чтобы "завести педагога", т.е. отвлечь его внимание от урока.

Грюн окончил Юрьевский университет, и потому сыпались такие вопросы: "Господин преподаватель, правда-ли, что в Юрьевском университете студенты дрались на дуэли?" - "Эт-эт-эт-, (так обычно начинал он каждую фразу) - это верно".

"Господин преподаватель, расскажите нам, как это было?" - "Эт-эт-эт, это долго рассказывать, нам нужно заниматься".

"Ну, господин преподаватель, пожалуйста, ведь это так интересно! Мы слышали, что и Вы много раз дрались, у Вас даже шрам на шее" (хотя у него никакого шрама не было). - "Эт-эт-эт, ну знаете ... это грехи молодости..." - "Ну, а как Вы дрались, на пистолетах или иначе?" - "Эт-эт-эт ... на пистолетах мы не дрались. Дрались на рапирах и эспадронах".

"Но почему? Ведь вы все были друзья?" - "Эт-эт-эт, но и друзья позволяют иногда себе что-нибудь лишнее, вот и дуэль". - "А часто убивали?" - "Эт-эт-эт- ... это было редко".

Вопросы сыпались без конца и так продолжалось чуть-ли не до конца урока.

Не знаю, понял ли это Н.А. Грюн? Даже если и понял, это не мешало нам проделывать такие сцены довольно часто и, в зависимости от затянувшегося диалога, времени для урока оставалось мало. Грюн никого не вызывал, что нам и было нужно.

Дорогой Василий Алексеевич Шевелев.

Самый старый преподаватель корпуса, Действительный Статский Советник, не любивший, впрочем, чтобы кадеты его величали: Ваше Превосходительство. Много он вложил собственных средств, чтобы создать в стенах корпуса Естественный Кабинет. Он действительно был прекрасный.

Василий Алексеевич, в мое время совершенно одинокий, всецело отдавал все свои силы корпусу. Часто даже ночевал в милом его сердцу естественном кабинете. Нас он любил, как отец, часто давал конфекты, а иногда, потихоньку, и папиросы.

Такого друга кадет, среди преподавателей корпуса, я не помню. Переэкзаменовки он давал чрезвычайно редко, а если и давал, то экзаменовал по-своему: - "Ну скажи, мерзавец (это было его любимое выражение), учил ты естественную историю?" - "Так точно, Василий Алексеевич, и хорошо учил".

"Отлично... видел-ли ты когда-нибудь лягушку?" - "Так точно, Василий Алексеевич". - "Ну скажи, как лягушка ходит?" - "Лягушка не ходит, Василий Алексеевич, она прыгает". - "Ну, отлично ... вижу, что учил. Молодец, ступай!"

Старик - чудак любил корпус и всех нас. Что сталось с ним, не знаю. Вероятно, уже давно нет тебя в живых, наш верный друг.

Вечная тебе память... так хочется, чтобы душа твоя почувствовала, что тебя не забыли твои верные друзья, кадеты.

Б. С А Б О

Остается добавить:

- Математики: Бельский, довольно нервный, Щиголев, спокойный, но действительно любивший и хорошо знавший свой предмет.
- Немецкого языка: Гроссберг.
- Географии: Сахаров.
- Русского языка: Тычинин, Васильев и А.А. Скрынька.
- Рисования: Королев, добрейший человек.
- Фехтования: Подполковн. Шереметов, Чемезов и Капитан Чепурковский.
- Танцы: Джимширов.
- Доктора: Лазарета: Далматов и Дёрбер.
  Ротный : Левченко, ставший лазаретным, после ухода первых двух.
  На его место ротного : Граф Мамуна.
- Дантист.: Полонский.

С 1914 года, из-за войны, французы-преподаватели не вернулись из Франции и впервые появились в Корпусе преподавательницы французского языка:

I-я рота: Мадам Гардасевич,
2-я " : Мадам Лалёз,
3-я " : Мадемуазель Полионко,
4-я " : Мадам Чеботкевич и Мадам Петрова.

1915-1916 годы:

I-я рота: Мадам Гардасевич,
2-я " : Мадам Лалёз,

3-я рота: Мадам Делова (урожд. Полионко)
4-я " : Мадемуазель Руппенейт. В Париже стала Мадам Воронковской (умерла) и
Мадемуазель Скарути.

<u>Примечание</u>: Мадам Делова продолжала преподавать в Корпусе до эвакуации из Крыма и в Югославии до 1921 года, а затем в Русско-Сербской гимназии в Белграде до 16.9.1944.
Инна Петровна Скуридина (ех. Делова, ех. Полиенко).

Право на ношение штыка, кадет 6-го класса (в годы после 1911) получал лишь выдержав экзамены у командира 1-ой роты Полковника Парай-Кошица. Для сдачи экзамена, следовало записаться через своего отделенного воспитателя. Экзамен состоял в знании на зубок многих статей воинских уставов и, в частности, обязанности знаменщика. Экзамены были групповые, но группа не превышала 10 человек.

Полк. Парай-Кошиц был экзаменатор чрезвычайно требовательный и за малейшую ошибку, или незнание, проваливал.

Провалившийся не мог раньше, чем по истечении месяца, вновь записаться на переэкзаменовку.

С десяток провалившихся несколько раз так и не получили права на ношение штыка в 6-м классе. Перейдя лишь в 7-ой класс, они автоматически получали право на его ношение.

Из первой группы, в числе восьми кадет, лишь трое успешно проскочили, в том числе и я.

Такой строгий и придирчивый экзаменатор в смутные годы оказался не на высоте своего положения: 28-го января 1919 года, он ничего не сделал, чтобы спасти ветхое Знамя Корпуса, затем поступил на службу в школу Советских курсантов и впоследствии, в ноябре 1919 года, при эвакуации Корпуса, остался в Полтаве.

Какова была его дальнейшая судьба, не известно.

Персонал Корпуса был минимум в числе пятидесяти. Из них:

- Трое умерло во Владикавказе: Подполковники Чемезов, Быков и Полковник Люсин,
- Четверо: Подполк. Шереметов, Чеботкевич и преподаватели Щиголев и Сахаров остались в Ялте.
- Семьнадцать прибыли с Корпусом в Югославию. Они поименно указаны в статье Каратеева.
- Таким образом, минимум двадцать семь предпочли остаться в Полтаве.

Д-р Н. КАРАЧЕНЦЕВ

ПОЛТАВСКИЕ КАДЕТЫ КАВАЛЕРЫ ОРДЕНА Св. ГЕОРГИЯ И ЗОЛОТОГО ИЛИ ГЕОРГИЕВСКОГО ОРУЖИЯ.

Предварительная заметка:
В 1913 году ВЫСОЧАЙШИМ приказом установлено впредь именовать "Золотое оружие" - "Георгиевским оружием".

Сохраняя оба термина, мы этим подчеркиваем, что указанная награда была получена до или после этой даты.

Имеющийся у нас, далеко не полный, список сильно сократился после проверки Союзом Георгиевских Кавалеров в Париже.

Он составляет первую группу.

Проверка же сведений путем сопоставлений, дает вторую группу.

Те, к кому не мог быть применен даже вышеуказанный принцип сопоставления, - входят в третью группу.

Первая группа :

Линевич, Василий Александрович, Полковник Погран. арт. бригады, награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст., за отличие в боях 21 июня 1915 года,

Ряснянский, Сергей Николаевич, Полковник Генерального Штаба, в чине Штаб - Ротмистра 10-го Гусарского Ингерманландского полка награжден орденом Св. Георгий 4-ой степени за отличие в боях 8 августа 1914 г., за взятие в конном строю батареи австрийцев.

Сыробоярский, Александр, Генерал-Майор, в чине Поручика 5-ой арт. бригады награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст. за отличие в боях 17 августа 1914 года,

Сливинский, Александр, Полковник Ген. Штаба в чине Капитана Ген. Штаба награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст. за отличие в боях с 15-го по 29-ое апреля 1915 года,

Тимченко, Н.А., Полковник, в чине Подпоручика 73-го пехотного Крымского полка, награжден орденом Св. Георгия 4-й ст. за отличие в боях 16 июня 1916 года,

Климович, Анатолий Феликсович, Полковник, в чине Поручика Л.-Гв. Московского полка, награжден Георгиевским оружием за отличие в боях 24-го июня 1916 года.

Карпенко, Николая, Капитан, в чине Поручика 9-ой арт. бригады награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст. за отличие в боях 17 августа 1914 года,

Горчаков, Борис, Шт. ротмистр 16-го драгунского Тверского полка, награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст. за отличие в боях 11-го июня 1915 года,

Четыркин, Алек. В чине Подпоручика Л.-Гв. Волынского полка награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст. за отличие в боях 26 Мая 1915 года,

Чепурковский, Емельян Александрович, Шт.-Кап. в чине Подпоручика 71-й арт. бригады, награжден Георгиевским оружием за отличие в боях 15 февраля 1915 года.

Персонал Корпуса:

Купчинский, Николай, Ген.-Майор, в чине Полковника 33-го пех. Елецкого полка, награжден орденом Св. Георгия 4-ой ст. за отличие в боях 7 октября 1914 года; был ротным Командиром 1-ой роты нашего Корпуса.

Вторая группа :

Промтов, Генерал-Лейтенант, вып. 1876 года, орден Св. Георгия 4-ой степени,

Бугреев, Полковник Л.-Гв. Волынского полка, Георгиевское оружие. Погиб в армии Генерала Миллера.

Приходкин, Борис Дмитриевич, Полковник. Получил Георгиевский крест 4-ой степени и Георгиевское оружие.

Персонал Корпуса :

Клингенберг, Генерал-Майор, предпоследний Директор Корпуса в Полтаве, Золотое оружие за Русско-Японскую войну.

Бастоловский, Игорь (вып. 1913 г.). Орден Св. Георгия,

Малама, Я.Д., Генерал-от-Кавалерий, Наказный Атаман Кубанского Казачьего Войска. Орден Св. Георгия 4-ой степени.

Третья группа :

Абрамов, Ф.Ф., Генерал-Лейтенант, вып. 1888 года,
Волошин-Петриченко, Ф.М., Генерал-Лейтенант, Посл. долж. К-щий 3-м Кавк. корпусом,
Волошин-Петриченко, Ф.Ф., Полковн.Л.-Гв.С. Петербургского полка,
Лашкевич, Капитан, Нач. Учебной команды Л.- Гв. Волынского полка,
Дудоркин, Мих. Мих., Полковник,
Шереметьев, Мих., Полковник, вып. 1906 года,
Сахно-Устимович, Полковник,
Косач, Николай,
Свидерский, Н.А., Капитан,
Лишин, Ротмистр (вып. 1905 года),
Зандер, Ротмистр Орденского полка.

А. МАКАРОВИЧ (вып. 1918 года)

Празднование 100-ЛЕТИЯ КОРПУСА в БЕЛГРАДЕ (Югославия).

Уже 2-й год шла война, и грозные тучи постепенно сгущались вокруг Югославии. Пали: Польша, Франция, Бельгия, Голландия, Люксембург. Заняты были на Севере: Дания и Норвегия. На Юго-Востоке вошли в орбиту Оси: Венгрия, Румыния и Болгария. Оказывала героическое сопротивление итальянцам, вторгнувшимся через Албанию, Греция.

И как было ни позорно для Муссолини, маленькая Греция колотила Империю Эфиопскую и Королевство Итальянское, и вместо триумфального шествия в Афины, греки, хотя и медленно, но продвигались к Тиранне.

Югославия одна сохраняла, с невероятною трудностию, нейтралитет. Однако, полагая, что признание Советского правительства (Югославия не имела дипломатических сношений с СССР), которое в умах Югославян, считалось Русским, и, чтобы облегчить её положение, завязала в 1940 году дипломатические сношения с СССР.

Правда, Югославское правительство было более чем лойальным по отношению к Русской эмиграции: ни бывшее Вусское посольство, ни построенный на территории посольства "Дом ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го" не были переданы Советам. Тем не менее, наступила какая-то тревожная, недружелюбная и нездоровая атмосфера.

Мы стали помехой "добрых" и "хороших" отношений с Советами. Всё-же, когда приблизился день нашего IOO-летия, мы решили собраться и, хотя бы и скромно, стметить наш Юбилей.

Белград, в день Св. Николая, обычно оживлен более, чем в другие праздничные дни: много сербов празднуют в этот день свою: "Крсну Славу" - день их Крещения при принятии христианства, так как у них не было массового крещения, подобно тому, как это было в Киеве, и поэтому наше собрание совершенно не носило какой-то исключительный характер.

Мы собрались вечером в ресторане Аквариум. Сколько нас было, я не могу точно сказать, думаю, что человек 30. К сожалению память моя мне на сей раз изменяет: я не могу вспомнить никого, кроме моих ближайших соседей: Полк. Виктора Ираклиевича фон-Кноринга с супругой, а напротив Инны Петровны Деловой, преподавательницы французского языка, да колоритной фигуры нашего Председателя, Георгиевского кавалера, Ген.-Майора Промтова, с Владимиром на шее. У него же заметил я и значек 50-летнего юбилея Корпуса, но кто сидел с левой стороны, - совершенно не могу вспомнить, хотя мы оживленно друг с другом разговаривали.

Было очень короткое, но от души Ура!, когда Ген.Лейтенант Промтов поднял бокал за наш Корпус. Все предались воспоминаниям прошлого и только делегация Крымцев, слегка взволновала эту семейную атмосферу: отвечал им на их приветствие Ген.-Лейтенант Промтов, сказав:

"Вы наши прямые потомки и наследники. Будет РОССИЯ - будет и Крымский Генерала Барона Врангеля Кадетский Корпус ! Не будет Её, - не будет и его!"...

Мы задержались не очень долго. Как мне помнится, часов после десяти (хотя ограничений передвижения не было), мы распрощались друг с другом, чтобы больше никогда не встретиться, т.к. через три с лишним месяца, война смела Королевскую Югославию.

В последний раз, я издали видел Ген.-Лейт. Промтова летом 1941 года, уже в занятом немцами Белграде.

Старик, подтянутый и бодрый, хотя ему было очень много лет (кто-то мне сказал, что он был выпуска 1876 года, но я не смею этого утверждать), шел твердой походкой в русской форме, которую не снимал до смерти.

Если найдется кто-либо из бывших в Аквариуме 6-го/19-го декабря 1940-го года и дополнит, или внесет какие-либо поправки, я буду искренно благодарен.

А. МАКАРОВИЧ

Сколько мнѣ понадобилось трудовъ и времени для изданія этого Юбилейнаго Сборника, - просто напросто невозможно себѣ представить тому, кто не побывалъ въ подобныхъ, совершенно ненормальныхъ, условіяхъ этой работы.

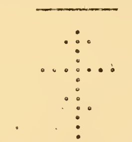
Не мало перетасовокъ вызвало каждое запоздалое воспоминаніе, чтобы Сборникъ сохранилъ гармоничную стройность послѣдовательности.

Рекордъ побилъ нашъ Владыка Іоаннъ, приславъ мнѣ, 5-го Ноября с.г. свою вторую статью, на этотъ разъ о Полтавскихъ торжествахъ въ 1909 году.

Сборникъ уже печатается. Я же не располагаю лишними сотнями тысячъ старыхъ франковъ, чтобы аннулировать уже сдѣланное и помѣстить её до или послѣ статьи Кобылинскаго, гдѣ она логично должна-бы находиться.

Я, въ то-же самое время, не могу её бросить в корзину, и принужденъ её втиснуть, волей неволей, послѣ главы о Праздновании 100-лѣтія Корпуса, гдѣ она ни къ селу, ни къ городу и звучитъ фальшиво, нарушая порядокъ изложенія.

Д-р Караченцевъ

ПОЛТАВСКІЯ ТОРЖЕСТВА

27 Іюня 1909 года вся Россія торжественно праздновала 200-лѣтіе Полтавской побѣды. Главное торжество происходило на самомъ мѣстѣ битвы. Петровскій Полтавскій Кадетскій Корпусъ, основанный въ память ея и носившій имя Державнаго Преобразователя Россіи, принялъ непосредственное участіе въ торжествахъ.

Такъ какъ они происходили лѣтомъ, то лѣтнія каникулы кадетъ въ то лѣто полтавскими торжествами были прерваны и кадеты въ двадцатыхъ числахъ Іюня должны были собраться въ Корпусъ. Еще за нѣсколько дней до начала празднествъ стали прибывать въ Полтаву и войска, имѣвшія принять участіе въ нихъ. Въ день Полтавскаго боя въ парадѣ должны были участвовать всѣ полки, сражавшіеся 200 лѣтъ тому назадъ, причемъ отдѣльныя части въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ которыхъ сражались.

Прибывшій также за нѣсколько дней Великій Князь Константинъ Константиновичъ, какъ всегда остановился въ лазаретѣ Корпуса. Съ нимъ прибыли Князья Олегъ и Игорь Константиновичи вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ полк. Ермолинскимъ. Оба они были въ кадетскихъ формахъ, Олегъ Полоцкаго Корпуса, а Игорь, числящійся Полтавскимъ кадетомъ, въ нашей формѣ.

Игорь, когда мы были въ строю, стоялъ также съ нами, а Олегъ, будучи кадетомъ другого корпуса пользовался относительной свободой и бѣгалъ съ маленькимъ фотографическимъ аппаратомъ, дѣлая снимки. Полковникъ Ермолинскій всё время наблюдалъ за ними.

Князь Іоаннъ Константиновичъ прибылъ съ Лейбъ-Гусарскимъ полкомъ, будучи офицеромъ того полка, 23 Іюня былъ день его рожденія, а на слѣдующій день на Рождество Св. Іоанна Крестителя, День его Ангела. На Литургіи онъ былъ въ Архіерейской церкви и послѣ, какъ говорили, обѣдалъ у Архіепископа Полтавскаго и Переяславскаго Іоанна, бывшаго также именинникомъ.

Самыя торжества начались наканунѣ дня битвы, 26 Іюня. Рано утромъ мы были подняты и строемъ пошли къ находящейся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Полтавы, такъ называемой Шведской могилѣ, т.е. Братской могилѣ русскихъ воиновъ, павшихъ въ бою со шведами. По дорогѣ мы встрѣчались съ частями прибывшихъ войскъ, направлявшимися туда же. Сама могила была окружена оградою, которая охватывала могилу и храмъ преподобнаго Сампсона Страннопріимца, въ день котораго была одержана побѣда (такой же храмъ былъ построенъ и въ Петроградѣ). Надъ могилой возвышалась большая насыпь, въ которой назадолго до того была устроена маленькая церковь свв. Апостоловъ Петра и Павла. Шведы, убитые въ бою были погребены въ другой братской могилѣ, находившейся въ полѣ недалеко оттуда. Надъ нею незадолго до торжествъ былъ поставленъ памятникъ.

По прибытіи туда мы, кадеты, были поставлены въ церковной оградѣ, занявъ мѣсто отъ воротъ до Храма, младшіе классы впереди. Въ большомъ храмѣ шло богослуженіе, совершалась панихида по Петрѣ I-мъ и воинамъ, убитымъ въ сраженіи.

По окончаніи панихиды, посѣтивъ могилу, Государь направился къ выходу, проходя мимо кадетскихъ рядовъ всего шагахъ въ двухъ-трехъ отъ рядовъ перваго ряда. За Государемъ шелъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ и другіе Великіе Князья, бывшіе всѣ выше его ростомъ. Но хотя Онъ ростомъ былъ меньше окружавшихъ Его, ясно ощущалось, что вся мощь въ Немъ. Особенно неотразимъ былъ Его взглядъ, полный доброты и въ то же время чего-то невыразимаго. Ни одинъ портретъ не передаетъ точно выраженіе Его глазъ и даже на всѣхъ видѣнныхъ фотографіяхъ только двѣ или три, пріобрѣтенныя тогда же подъ живымъ впечатлѣніемъ, правильно запечатлѣли его взглядъ.

Послѣ отбытія Государя, мы, подъ палящимъ солнцемъ, вернулись въ Корпусъ.

Полтава была полна пріѣхавшихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ войсковыхъ частей съѣхались чины разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ, и множество народа изъ окрестныхъ мѣстъ собралось встрѣтить Царя. Государь принималъ представителей разныхъ сословій и посѣтилъ мѣстныя общественно-правительственныя учрежденія. Народный подъемъ былъ огромный. Восторгъ при видѣ Царя былъ неописуемъ. Украина была вѣрна Царю.

Настало утро 27 Іюня. Снова рано поднялись. Послѣ "тихой украинской ночи" всходило ярко-сіяющее солнце, заливающее своими

лучами, какъ и 200 лѣтъ тому назадъ полтавскія поля и саму Полтаву. Съ особымъ чувствомъ одѣвая свои новыя лѣтнія формы, кадеты прикалывали, пожалованныя Государемъ всѣмъ участникамъ торжества въ память 200-лѣтія Полтавской битвы, медали. Бронзовыя медали имѣли на лицевой сторонѣ изображеніе Петра Великаго въ лавровомъ вѣнцѣ, а на другой сторонѣ были написаны его слова: "А о Петрѣ вѣдайте, что жизнь Ему недорога, жила бы только Россія".

Построившись, мы вчерашнимъ путемъ снова пошли на Шведскую могилу. Въ храмѣ преп. Сампсона Странопріимца, праздновавшемъ свой храмовой праздникъ, совершалась Литургія. По окончаніи, Государь вышелъ къ войскамъ въ поле. Онъ былъ окруженъ Великими Князьями, генералами и сановниками. Выдѣлялся Предсѣдатель Совѣта Министровъ Столыпинъ въ бѣломъ кителѣ съ синей лентой Бѣлаго Орла черезъ плечо. Было множество депутацій и народа. Крестьяне и крестьянки были въ своихъ живописныхъ малороссійскихъ одеждахъ.

На открытомъ полѣ, на которомъ 200 лѣтъ тому назадъ происходила битва, совершается благодарственное молебствіе. Доставлены сюда святыни, съ которыми связаны событія того времени. Вотъ чудотворная икона Божіей Матери Каплуновская, присутствіе которой въ селѣ того имени задержало войска Карла XII. Вотъ другая икона, поруганная шведами, сдѣлавшими изъ нея шахматную доску... Молебствіе совершаетъ Митрополитъ Кіевскій Флавіанъ съ Архіепископомъ Полтавскимъ Іоанномъ, другими прибывшими іерархами и множествомъ духовенства.

По окончаніи молебна начинается парадъ. Отъ Корпуса въ немъ принимаетъ участіе первая рота, стоящая на правомъ флангѣ построенныхъ войскъ и проходящая первой мимо Государя. Парадомъ командуетъ командующій начальникъ Кіевскаго Военнаго Округа Ген. Н.І. Ивановъ, впослѣдствіи Главнокомандующій Юго-Западнымъ фронтомъ.

Во главѣ Гвардіи проходитъ Главнокомандующій Петроградскимъ Округомъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Преображенцы, Семеновцы и еще нѣкоторыя части идутъ въ формахъ, въ которыхъ 200 лѣтъ назадъ сражались ихъ однополчане. Длинною вереницей проходятъ части, получая похвалы отъ Государя.

По окончаніи парада, обжигаемые жаркимъ солнцемъ, возвращаемся въ Корпусъ и послѣ краткаго перерыва выстраиваемся шпалерами отъ Памятника Славы до Корпуса. Памятникъ, представляющій изъ себя высокую зеленую колонну, на верху которой орелъ, держащій лавровый вѣнецъ, находится въ центрѣ Круглаго сада, занимающаго всю площадь круглой площади, на которой находится Корпусъ. Мы стоимъ по обѣ стороны дорожки, ведущей отъ памятника къ Корпусу, по одной шеренгѣ съ каждой стороны.

Отъ памятника, направляясь къ Корпусу, Государь прошелъ опять на разстояніи шаговъ двухъ отъ каждаго изъ насъ,и вновь мы могли видѣть тотъ добрый, глубокій взоръ Государя, единственный въ своемъ родѣ. Царь шелъ впереди, за нимъ шла свита. Охраны, по существу, возлѣ него не было никакой. Царь былъ со Своимъ народомъ и среди него, въ тѣ свѣтлые дни.

Въ Корпусѣ состоялся торжественный завтракъ, для котораго огромныя спальни I-й и 4-й ротъ и находящійся среди нихъ залъ I-й роты, соединенные открытыми дверьми, были превращены въ одну столовую. Государь находился посерединѣ.

Во время обѣда всѣ кадеты стояли на церковной площадкѣ, на томъ же второмъ этажѣ и пѣли заранѣе подготовленныя пѣсни подъ руководствомъ учителя пѣнія Ивана Николаевича Ризенко. Были пропѣты "Было дѣло подъ Полтавой", "Слава Игореви Князю" (изъ Слова о Полку Игореви) и стихотвореніе К.Р. "Научи меня, Боже, любить".

Послѣ весь Корпусъ со знаменемъ строемъ собрался на плацу. Прибылъ Государь и обошелъ ряды Кадетъ, принявъ сначала рапортъ отъ Директора ген. Попова. Низко склонилось Знамя передъ Державнымъ Вождемъ Россіи. Нашъ оркестръ игралъ гимнъ и громкое "Ура" огласило платцъ. Затѣмъ Корпусъ прошелъ церемоніальнымъ маршемъ, заслуживъ похвалу Монарха, послѣ чего Государь сѣлъ и снялся въ общей группѣ съ кадетами и ихъ начальствомъ. Младшіе сидѣли у ногъ Государя. Подъ несмолкаемое "ура" Царь покинулъ Корпусъ и въ тотъ же вечеръ отбылъ изъ Полтавы.

Корпусъ же праздновалъ свой Храмовой Праздникъ преп. Сампсона Страннопріимца, такъ какъ, въ самый день памяти, его богослуженіе совершалось въ его же храмѣ на Шведской могилѣ, и всѣ были тамъ. Торжественная Литургія въ корпусномъ храмѣ была на слѣдующій день. Служилъ нашъ законоучитель о. Сергій Четвериковъ, только что возведенный въ протоіереи.

Днемъ былъ актъ. Въ первомъ ряду сѣлъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, въ концѣ того ряда его сыновья Іоаннъ, Олегъ и Игорь. Залъ акта, въ который была превращена спальня 4-й роты, былъ переполненъ родителями и другими гостями; кадеты стояли сзади.

Посмотрѣвъ на Своихъ сыновей Великій Князь сдѣлалъ имъ какой-то знакъ. Князья не поняли сначала, что это значитъ. Князь Іоаннъ Константиновичъ поправилъ свой темлякъ, но Великій Князь далъ понять, что не то нужно. Тогда Князь Игорь Константиновичъ всталъ и пошелъ въ ряды кадетъ. Великій Князь знакомъ показалъ, что такъ и слѣдуетъ.

Вечеринкой закончилъ свой праздникъ Корпусъ. А днемъ Свв. Апостоловъ Петра и Павла закончились Полтавскія торжества.

Кадеты разъѣхались по домамъ продолжать свои каникулы, которые были продлены на двѣ недѣли, увезя съ собой розданныя имъ книжечки о Полтавской битвѣ и огромный духовный вкладъ въ свои души.

Права была одна изъ матерей, сказавшая тогда своему сыну: "Усталость пройдетъ, а то, что ты видѣлъ и пережилъ, останется въ твоей душѣ всю твою жизнь".

І О А Н Н Ъ, Архіепископъ
Западно-Американскій и Санъ-Францисскій

(Михаилъ Максимовичъ, выпуска 1914 года)

Доктор КАРАЧЕНЦЕВЪ (вып. 1918 года)

ТРАДИЦИИ КОРПУСА И ЦУК

Об этом написано очень много и За и Против, но писалось это в различные эпохи, отчего вышла большая неразбериха.

Моя задача совершенно не преследует охватить всё в целом, она больше чем скромна и ограничивается только нашим корпусом, да и то за последнее 10-летие его существования.

Самое главное, чего необходимо не терять из вида, это то, что наши традиции развивались параллельно тем этапам эволюции и развития культуры и изменения нравов в России. Они, как зеркало, их верно и точно отражали, так как традиции являлись своего рода отдушиной жизни кадет.

В эпоху розог и грубости нравов, кадетами корпус представлен в Звериаде, как:

"Державной волей Николая
Основан грозный монастырь,
Вершину к небу простирая
Стоит он, словно исполин".

"И содрагается планета
И в тихомолку плачет Бог,
Когда могучий глас кадета
Свой проклинает тяжкий рок".

Звериада, являясь одной из разновидностей или вернее возможностей этой отдушины, своего рода клапаном предосторожности, извергающего накопившиеся горечи и недовольства, иногда и не заслуженные.

А в утешение чисто юношеского, какое безобидное удовлетворение:

"Скорей померкнет мира свет,
На землю явится Создатель,
Чем прав останется кадет,
А виноватым воспитатель."

"Но, так как много им дано,
Кадетам прав даю я боле:
Кадеты могут пить вино
И воскурять табак Стамболи".

Следовательно, уже в Звериаде - где каждый выпуск должен поместить, от руки, около 100 четверостиший, описывающих горести и радости кадет, их насмешки над учебным и воспитательским персоналом, можно найти данные для кривой, в которой эволюции и даты представлены координатами.

Эта кривая очень характерна, ибо она показывает, как грубость и кулак уступают постепенно место корректности, вежливости и уважению к личности кадета, но не персонала.

Что было еще возможно в 1902 году, стало немыслимо в 1911, т.е. то, чтобы второклассник с пакетом конфект в одной руке давал "раковую шейку" тому первокласснику, который соглашался получить пощечину, - и таких оказалось столько, что они стояли в очереди (см. Волошина-Петриченко).

Нам уже говорили о чести мундира, погон и личности, повидимому в других выражениях и базируясь на новых данных, ибо всё эволюционирует, даже понятие о чести личност и о погонах и полках (Война и Мир, Л Толстого).

По нашим традициям, мы имели: Генерала выпуска, Полковников и Корнетский комитет.

Тон традиций и их корректное или хамское применение зависили всецело от этого Генерала выпуска. Такого "адиёта", который был в 1906 году и описан П.Ф. Волошиным-Петриченко, в мое время уже не было и быть не могло, будь они "Триплет" или "Квадриплет" майоры и, если они не блистали по отметкам, то в мое время всё-же не занимали последнего места и выходили нормально в военные училища.

Кроме того, предыдущего выпуска Генерал и его Корнетский комитет понимали уже, что нельзя доверять подобную "Ответственность" какому-либо оболтусу. Поэтому, в течение года, они присматривались к кандидатам и их назначение было безапелляционным. В свою очередь, новоиспеченный Генерал назначал, придерживаясь тех же принципов, двух Полковников из членов Корнетского комитета и с первого же дня присматривался к кандидатам на его "Пост".

Гидзинский, медалист Полтавских торжеств 1909 года, триплет-майор и Генерал нашего выпуска, считал обязательным для себя, - ничего не предпринимать не посоветовшись предварительно со мной, как и.д. Вице-фельдфебеля.

Это имело для меня и свои последствия: имея мое согласие, он отдает приказ строиться I-ой роте по росту, а не по классам, как требовала новая революционная власть. Назначенный день совпал с днем дежурства нашего общего воспитателя Подп: Чеботкевича и ознаменовался неповиновением этому воспитателю, когда последний приказал перестроиться.

Это целая история, заслуживающая, может быть, отдельно описанной, - она заставила меня взять на себя этот приказ, чтобы спасти Гидзинского от исключения из корпуса, и мне пришлось за это "расплатиться" ... но Генеральская дисциплина не была нарушена, а наоборот усилилась.

По традиции, Генерал должен был устроить по крайней мере один "ночной парад" и один перед зданием Института благородных девиц, - это был Минимум. От него тоже зависел тон Цука.

Необходимо отметить, что до 1912 года наше корпусное начальство смотрело на всё это сквозь пальцы, но затем - если парады были строго запрещены, то Цук рассматривался, как необходимость - позволяющая совершенствовать выправку и выносливость кадет во всех её видах.

Начальство прекрасно понимало, что, в сущности, этот Цук был необходим особенно для выходящих в кавалерийские училища и этого было достаточно, чтобы оно на него смотрело благожелательно. (+)

Цук оказался важным фактором для поддержания и усиления дисциплины среди кадет с момента революции, -когда начальство растерялось и не знало уже на какой ноге танцевать.

(+) Когда этот очерк был уже давно написан, П.Ф. Волошин-Петриченко дал мне прочесть книгу А. Маркова: "Кадеты и Юнкера" (1961 год).

Сам того не подозревая он дал мне доказательство о глубокой эволюции цука после 1906 года. Если от 20 до 40 % кадет, поступивших в Николаевское каваллерийское училище не выдерживали

цука первых двух месяцев, когда их "гнули и в хвост и в гриву" (Стр. 184 и 186), не говоря уже у молодежи с "вокзала", то с уверенностью могу сказать, что для моих сугубцев, если-бы и не было революции, эти два месяца прошли-бы в приятном и радушном развлечении.

Все эти изменения и эволюции трудно понимаемы, а иногда просто и не приемлемы для тех, кто кончил корпус до 1911 года. Да и без этого, в их времена - им неизвестны были проблемы, с которыми нам пришлось столкнуться, в них вращаться и жить в совершенно новых условиях.

Для них всё было ясно и просто: выйти в желаемое училище, а затем в полк, они были, как поезд на "рельсах". Когда же этот поезд сошел с рельс, они были в других условиях с иными проблемами и не всем дана возможность не только мысленно, но и всем своим существом стать на место других и пережить то, что нам пришлось во всей её полноте.

Да и все мы родились и выросли до корпуса в разных условиях и следовательно неодинаково могли реагировать на Традиции и Цук, которому радостно подчинились даже сыновья унтер-офицеров и фельдфебелей, павших на поле брани и, следовательно, пришедших из совершенно другой среды.

Во всяком случае, мне неизвестно ни одного "храбреца", восставшего против них открыто - будучи кадетом.

Что традиционные парады были запрещены, это одно, но что они были и в частности ночной - это совсем другое; что это было пародией, это ясно всем, - но они являлись уже не манифестацией той исторической вольности, о которой говорит А.А. Скрынька, а проявлением дисциплины по отношению к Генералу выпуска.

Ночной парад нужно было подготовить семиклассникам, достать формы, а для иныхъ и их сфабриковать, где-то их прятать, фотографу иметь всё необходимое, чтобы запечатлеть событие, - а ведь в те времена это не было уж так просто, как теперь, фотографировать ночью: им было недостаточно нажать на рычажок и, вместо еще не существовавшего Фляш'а, позволяющего даже цветные фотографии, запастись магнезией, как единственным средством.

Для сугубцев, Генерал выпуска был: "Ваше Превосходительство", Полковник выпуска - "Господин Полковник", а остальные: "Господин Поручик" или "Господин Корнет", и горе сугубцу, если он ошибся, назвав кандидата "Славной" или "Южной Школы" Господин Поручик или наоборот.

Сугубцы должны были прекрасно знать, кто из нас и в какое училище надеется выйти, а от будущих кавалерийских сугубцев требовалось выучить на-зубок все кавалерийские "полчки", их формы и т.п. За малейшую ошибку сугубцу приходилось вертеться, приседать на месте, что было труднее, чем прыгать на корточках вокруг цукавшего и т.п.

Наша задача была добиться совершенства в их знаниях, в их выносливости и особенно в военной выправке, чтобы из неё исчезла всякая напряженность, а за одно и усталость, чего мы достигали в течении нескольких месяцев ежедневного цука.

Если мы, "Поручики", позволяли себе некоторую иронию, цукая

сугубцев кавалеристов, то и "Корнеты" не оставались в долгу, - но всё это было добродушно, без всякого желания задеть самолюбие.

Лично, лишь цукая, я обращался на Вы и, как пример, задавал вопрос подобному сугубцу: "Скажите мне, сугубец, почему Ваш "благородный Корнет", чтобы заставить Вас повернуться на 360 градусов, щелкает двумя пальцами?"

Мне давали разные ответы:

- Чтобы себя не утруждать,- Так проще,- Красота усовершенствованного жеста и т.п., на что я любил возразить:

"Да нет, сугубец! Вы просто забыли, что для Вашего благородного Корнета достаточно иметь средний балл Семь с точкой, чтобы выйти в Славную Школу: следовательно, он настолько недоразвит, что не может свои мысли выражать словами, а, как животное, жестом."

"Крутитес, сугубец! Крутитесь, сугубец, под привычный Вам звук!" - и следовал с десяток щелчков.

Я не раз задавал сугубцам темы для сочинений, указав число страниц, во всяком случае не меньше четырех и давал срок от 3 до 7-ми дней, в зависимости от времени учебного года, чтобы не вредить занятиям. (Об этом мы тоже думали).

Лишь одну помню еще: "Действие онанизма на хвойные леса", и сугубец прекрасно справился с задачей на 4-х или 5-ти страницах. Если я уже забыл детали, то сущность его мысли и его идей сохранились еще в моей памяти. Жаль, что эти листки пропали в вихре революции, иначе бы предложил конкурс: Кто напишет лучше?

Когда здесь я предложил написать на эту тему одному Михайловцу-артиллеристу, чтобы не сказать Волошину-Петриченко, пока что, - он сел в калошу... несмотря на свой писательский талант - она ему оказалась не под силу... Возраст ли?

"Корнеты" подсмеивались над пехотинцами и часто начинали:

- "Ну-с, сугубец! - Пяхота, не пыли!... Скажи мне, что думает твой благородный "Поручик", смотря на ездовую лошадь Славной Школы?" и т.д., и т.п.

5-го декабря, с подъема до полуночи, сугубцы имели их Реванш: в этот день их не цукали и это они могли, очень почтительно просить любого семиклассника, до "Генерала" включительно, - рассказывать о чем угодно, или на более сжатую тему, - как проходит день в училище, или какое-нибудь историческое событие из военного быта, или на более "глубокие" идеи: что думает благородный "Корнет" о лунном свете, о песнях соловья, о дождливом дне или о снежной буре и т.д., - но о приседаниях, поворотах и т.п. не могло быть и речи с их стороны, по отношению к выпускным кадетам.

И сугубцы изощрялись так, что у семиклассников не было ни одной свободной минуты, что их доводило до обалдения. Исключением являлись те, кто были дежурными или, как я, был занят командиром роты целый день по многочисленным вопросам об организации нашего выпускного бала, к сожалению без танцев из-за войны.

Как коршуны они набросились на меня после 10-ти часов вечера и мне пришлось им рассказывать сказки из Тысячи и Одной Ночи.

Как только часы пробили I2-й удар в полуночи, сугубцам пришлось затем явиться мне с рапортом, когда я уже лежал в кровати о том, как они провели их день.

Выпускной бал 6-го Декабря являлся также выражением личности "Генерала выпуска", и мы не знали "битюгов" Волошина, каждый делал то, что ему было приказано по программе, выработанной "Генералом" с его Корнетским комитетом.

Наш бал I9I7-го года был первый за последние годы, имея целью собрать деньги для помощи вдовам и сиротам бывших Полтарцев. Он принес более I.800 рублей. Полковник Парай-Кошиц, из своего кармана, округлил эту сумму до 2.000 рублей.

Эти деньги получались от входной платы во всевозможные "западни", что заставляло попавшихся их рекомендовать другим. Еще помню маленькую кабинку с надписью: "Любой Зверь". У входа стоял кадет и спрашивал: "Кого хотите видеть? Не стесняйтесь... Цена, ведь, одна и та-же... За один рубль, по желанию можно полюбоваться любым зверем, но не больше трех минут".

Соблазненный, или соблазненная входит в кабинку, дверь закрывается, после чего зажигается электрическая лампочка перед зеркалом...

У выходящей, например, девицы, тот же кадет совершенно серьезно её спрашивает: - "Понравилась ли Вам, Ваша обезьянка?" - "Да, да..." смущенный ответ. "Посоветуйте обязательно другим побывать в кабинке, ведь это лишь сегодня возможно подобное развлечение... Завтра будет поздно".

И эти советы давались направо и налево с большой настойчивостью. Деньги были затем немедленно отправлены по назначению.

Необходимо подчеркнуть, что по традиции, кадеты I-й роты утром 6-го Декабря качали всех Николаев 4-й и 3-й рот. Несмотря на мои уверения, что в этот день я не именинник, - приходилось мне лететь под потолок и не один раз.

На этом же балу, моего выпуска, оканчивавший корпус кадет мог поднести лишь один выпускной жетон и лишь даме своего сердца. Следовательно, среди присутствующих число избранниц было невелико: 60 максимум, (т.е. по числу выпускных кадет), но за то ... с какой гордостью оне его носили...

Выпуск I9I7 года был менее "свиреп", чем наш I8-го года, но значительно более чем I9I6-го года, что касается Цука.

Когда их "Генерал" Акинфиев (I9I7 года) узнал, что якобы кто-то из шестиклассников "жаловался" в городе за это усиление Цука, всем шестиклассникам было запрещено курить в течение месяца. Мера очень жестокмя для курильщиков и значительно тяжелее всяких приседаний и поворотов в которые мы уже втянулись. И это наказание было строго проведено в исполнение.

Особенно неприятно было на плацу, когда построенному батальону было приказано: "Вольно!.. Первая рота может курить".

По истечении двух недель, последовала "амнистия"...

Я лишь поверхностно и далеко не полностью коснулся традиций и за короткий период времени, но всё-же их зволюция бросается в глаза.

Этих строк, как я уже выше указал, далеко не достаточно для темы о Традициях и Цуке, в нашем корпусе, и они совершенно не затронуты со дня начала его основания, да это и не была моя цель, но если другие пожелают прислать мне материал, эта страница корпуса может составить отдельное издание, или быть отпечатанным в одном из военных журналов.

"Что касается Цука в нашем корпусе в Югославии, пишет мне М. Каратеев 26 Января 1965 года, то всё было так же как и в Полтаве. Существовал Корнетский Комитет, Генералом выпуска у нас был Лонгин Лазаревич, Полковниками Михаил Трофимов и Святослав Малюга (дуплет-майор, Лазаревич был "триплетом"). Все майоры были ротмистрами: Ростислав Попов, Владимир Назаревский, Мих. Легеза и др. Я был произведен в Штаб-Ротмистры, за то что написал нашу выпускную Звериаду, остальные, как полагается, числились корнетами.

Начальство Цука не преследовало, - Директор Римский-Корсаков даже подарил Лазаревичу серебряный портсигар, с выгравированной надписью: "Генералу от Генерала".

Был, конечно, "день сугубых". Среди Полтавцев "красных" не было, - цуку подчинялись все, точно так-же и кадеты всех других корпусов, за исключением Владикавказцев, к которым примыкали Тифлисцы и Ташкенцы.

С Владикавказцами, в первый год пребывания в Югославии, на этой почве была однажды довольно крупная драка, но после неё все жили дружно".

Н. КАРАЧЕНЦЕВ.

П. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО (вып. 1906 года).

НА ТУ ЖЕ ТЕМУ, НО В МОЕ ВРЕМЯ.

Следуя принципу, положенному в основание нашего Юбилейного Сборника: "дать возможность высказаться каждому нашему кадету, в той форме, в какой он сам находит нужным", позволяю себе написать несколько строк, связанных с этой темой.

Постараюсь быть справедливым, незадевая никого и относясь с должным уважением ко всему тому, что появляется на страницах нашего Юбилейного Сборника. Скажу честно: статья эта вызывает во мне единственное чувство : НЕДОУМЕНИЯ.

Почему? А вот почему: она носит название: "Традиции и Цук". Но в ней... увы ... нет описания ни одной, буквально ни одной традиции, как таковой. Всё сводится к поверхностному описанию Цука, окрашивающего жизнь корпуса в несвойственные ему тона (в мое время, конечно).

А где-же традиции? Разве их действительно не было?

Ведь они были, и их было не мало! Стоить только напречь память и кое-что вспомнится.

Попробую, прежде всего, остановиться на самом определении слова Традиции. Как его перевести на ясный и простой язык? Думается так: ТРАДИЦИИ - это ряд установившихся ОБЫЧАЕВ, узаконенных не приказаниями свыше, а самими учащимися и идущими иногда даже в разрез с распоряжениями и бытом Школы, предписанными официальным регламентом.

Полагаю, что при таком установленном определении, традиции можно разделить на несколько категорий:

А) Традиции восходящие к глубокой древности и уходящие корнями в быт и нравы Российской Армии.

Б) Традиции, имеющие целью привить дисциплину, военную сноровку, выправку, бравый воинский вид, своего рода лихость, смелость и другие военные качества. Сюда следует отнести и правила поведения, как в стенах корпуса, так и вне их.

В) Традиции - имеющие шутливое и юмористическое содержание.

А.

Как классический пример этого рода традиций позволю себе привести несколько примеров из быта старой Российской армии: Л.-Гв. Павловский полк проходил на парадах, держа ружья "на руку", вопреки всяким уставам, как воспоминание об одной из доблестных атак. Прекращение на параде музыкального марша Л.-Гв. Егерского полка с заменой барабанной дробью, в течение одной минуты, в воспоминание боя, когда большая часть музыкантов была убита и оставшийся в живых мальчик-барабанщик I2-ти лет продолжал один бить дробь. Традиционные простреливания пулей кивера в память понесенных потерь. В Павловском военном училище юнкер часовой у Знамени стоял не шелохнувшись в течение двух часов, хотя по уставу мог этого и не делать, а прогуливаться по площадке.

В полку, где служил рядовой Архип Осипов, на вечерней перекличке, первым вызывался он и правофланговый в строю отвечал: "Погиб во славу русского оружия!" Вероятно к этим традициям, имеющим историческое значение принадлежало и ношение серьги в ухе у Ахтырских гусар. Думаю, что это было связано с каким-либо боевым прошлым полка.

Таких примеров из быта Императорской Российской армии - можно привести без конца.

Жизнь Российских полков, конечно, не была жизнью мальчиков и юношей, находящихся еще на школьной скамье, но я привел их лишь для того, чтобы яснее определить сущность традиций этого рода.

Были ли в кадетских корпусах и в частности, конечно, в нашем Петровском Корпусе подобного рода традиции ? Да, были!

Вспоминаю:

- Знать подвиги доблестных слуг Родины: Майора Горталова, Агафона Никитина, Архипа Осипова, впоследствии Василия Рябова и др. Это проводилось своим внутренним порядком, без всякого нажима со стороны начальства. Культа "Неизвестного Солдата" - не было. Скорее был культ "Известного Солдата".
- Знать выдержки из Суворовской "Науки Побеждать". Многие знали её целиком наизусть.
- После установки в вестибюле корпуса памятника Имп.ПЕТРУ I,

проходя мимо него, днем ли, ночью, смотрит ли на тебя кто-нибудь, или не смотрит, отдавать Державному Шефу честь с возможной лихостью.

- Ежегодно совершать паломничество на могилы Русских воинов, погибших в Полтавском бою (т.н. Шведские могилы) со Знаменем и оркестром музыки. Там служить панихиду и делать официальный парад.

- В день I-го марта (день убийства Императора Александра II-го) для подъема барабанам не бить и горнистам не играть. Впоследствии было, кажется, введено в устав "Внутренней Службы".

- В день корпусного праздника 6-го декабря для подъема играть Зорю всем оркестром и обходить затем с музыкой все дортуары.

- Всех юнкеров Военных училищ приветствовать первыми, отдавая честь. По уставу - необязательное.

- В годы войн (помню Японскую) отказываться от сладкого блюда один или два раза в неделю, с тем, что стоимость отчислялась на раненых русских воинов. В последующие года эта помощь производилась в несколько иной форме.

Б.

(Традиции не относящиеся к русской истории)

- Относиться к старшим кадетам с уважением и почтением. Не напрашиваться на дружбу, избегать фамильярности и особенно подлизывания.

- На выпускных балах и вечерах, танцевать подряд со всеми барышнями, никого не выделяя.

- Гордиться полками, в которых служили, служат их отцы, братья, родственники или бывшие кадеты.

- Быть спортивным, хорошим гимнастом, лыжником, постараться научиться на каникулах ездить верхом.

- Опекать и покровительствовать маленьким кадетикам, болезненно переживающим отрыв от родной семьи.

- Не быть никогда доносчиком на своих товарищей, по нашей терминологии тогдашнего времени (кажется уцелевшей и в последующие года) быть Поддёвой.

- Всем кадетам Полтавцам, без различия чинов и возраста, говорить Ты.

- Считать Родными Братьями всех кадет прочих корпусов.

В.

(Традиции носящие шуточный или юмористический характер)

Их нельзя отбрасывать и считать ничтожными, так как в корне они имели своеобразную мораль. И нельзя требовать от детей, чтобы эти шутливые обычаи носили бы какой-нибудь особенный Высокий Штиль.

К ним можно отнести:

- Ежегодные шуточные парады в канун церковного праздника, впоследствии парады перед Институтом, иногда сопровождавшиеся и имитацией церковного Богослужения. Имитации эти, конечно, не высокой марки и могут рассматриваться лишь, как отдушина в моно-

тонной жизни и клапаном, через который выливалась детская излишняя резвость. (Были же узаконенные высшим Духовным начальством средневековые, так называемые, Ослиные Мессы, где место Первосвященника в Алтаре занимал осел).

- Шутливые прозвища: Майоров, Полковников, Генералов выпуска, в мои годы не имевшие никакого иного значения, как шуточного, но в последние годы ставшие носителями и главным оплотом всех традиций корпуса. (Особенно в тяжкие годы революции). И это естественно и так и должно было быть!

Наконец так называемый Цук. О нем следует сказать несколько больше, так как в предыдущей статье он освещен под несколько своеобразным углом.

Постараемся быть, насколько это возможно за неимением в наших руках никаких почти архивов.

Откуда он появился и каким образом попал в стены кадетских корпусов?

Нужно сказать, что Цук родился и, если можно так выразиться, процветал, главным образом, в Кавалерийских училищах. Такими в Царские времена были: Николаевское кав. училище (Славная Школа), Елизаветградское (Южная Школа), Тверское и частично можно прибавить старшие классы Пажеского корпуса.

Часть офицеров, главным образом, Гвардейской кавалерии комплектовалась производством в офицерские чины вольноопределяющихся, поступавших по тщательному отбору в полки Гв. конницы по родственным связям, и другим причинам.

Нужно учесть одно обстоятельство, которое обыкновенно избегают упоминать авторы многих воспоминаний: русская молодежь конца I9 и начала 20-го веков - имела тенденцию быть несколько распущенной (особенно в годы I905-I906). Распущенность, конечно, не доходила до тех ужасающих размеров, которые можно наблюдать частично теперь (не привожу примеров - они всем известны).

Расхлябанный, развязный молодой человек, юноша, считавший особенным шиком набезобразить в общественном месте - былъ довольно частым явлением.

Нужно добавить, что в кавалерийские училища выходил некоторый процент молодых людей, так наз. "со стороны", т.е. не учившихся в кадетских корпусах. Это были молодые люди в большинстве из состоятельных семей, часто купеческих, уже с детства избалованных и материально и частично и морально из-за попустительства семей. Такой элемент, конечно, не мог быть примером дисциплинированного юнкера и будущего офицера.

Одних усилий начальства - не было достаточно и автоматически родился "Цук" (от кавалерийского термина "цукнуть" лошадь, её одернуть, привести к повиновению).

Цук - родился не в корпусах и проник в них, главным образом, из кавалерийских училищ и, конечно, отбросив всякую слащавую либеральность, - нужно сказать, что имел он огромное воспитательное значение.

Из разболтанного юноши, он делал выправленного, умеющего себя держать, будущего юнкера и следовательно и офицера.

В большинстве Военных Училищ никакого Цука не было. Его не было ни в Артиллерийских училищах, ни в Инженерном, ни в Павловском, ни в Александровском и других училищах.

Однако, мальчик-кадет, прошедший скорей шутливую форму кадетского Цука вносил безсознательно во все военные училища и подтянутость и уважение к старшим товарищам и к традициям, в которые он окунался с первых же шагов.

И все военные училища и с Цуком и без него выпускали прекрасных офицеров, о которых в мое время лучшие начальники и командиры полков говорили:

"Офицеры, выпускаемые из военных училищ, с каждым годом всё лучше и лучше!". Эту фразу я часто слыхал в мои молодые годы и от заслуженных боевых Генералов, и от доблестных старых служак.

Думается, что 40 % юнкеров, не выдерживающих Цука Николаевского училища, и покидающих его после двух-месячного пребывания, следует отнести к фантазии А. Маркова, упоминавшегося выше.

Никто из нас, старых кадет, этого не помнит. Сколько я не расспрашивал многих кадет (в частности и бывших юнкеров Николаевского училища) - если и вспоминали об одном, двух случаях ухода, то уже никак не о случаях массового ухода. И если такие уходы выразить в процентах, то они едва-ли и дотянут до I-го %.

Разница I % и 40 %. Просто чепуха какая-то?!

Другой вопрос: в какой форме этот цук проявлялся... Иногда он выливался в довольно нелепой форме, в требовании ответов на глупейшие вопросы, в приседании, вращений под щелканье пальцев, и т.п., но иногда был и более толковым: в знании полков, их стоянок, традиций, подробностей формы (в большинстве случаев имевшей историческое прошлое) и пр.

Как бы то ни было, и в какие годы он не существовал, нося различный характер, при самом спокойном и историческом подходе, нужно сказать, что он был нужен и сыграл огромную роль в выработке офицера, умеющего различать "службу и дружбу", умеющего себя держать и в товарищеской среде и в обществе.

И, как бы не порочили его люди, не имеющие отношения к армии, мы - кадеты держимся на него определенного взгляда и по этому поводу у нас нет разногласий.

Остается сказать два слова о кадетской песне Звериаде, являющейся своего рода Летописью внутренней жизни нашей Школы.

Названiе пришло из Николаевского кавал. училища. Первые строки были написаны М.Ю. Лермонтовым под заглавием Звери Ада - два слова. Как справедливо выше сказано, куплеты эти являлись своего рода отдушиной против монотонной и скучной жизни в четырех стенах.

С куплетами Звериады связан целый ряд почти узаконенных обычаев: торжественная передача всё разроставшегося тома, его хранение, обязательство каждого выпуска внести хоть несколько строк в его скрижали (а не непременно I00) и т.д.

Большинство стихов написаны детским корявым языком (встречаются впрочем иногда очень находчивые рифмы и едкие строчки),

но от авторов - детей, нельзя большего требовать. Почти все куплеты написаны на один лейт-мотив: тяжкая доля кадета. И хотя теперь, вспоминая далеко ушедшие годы, ясно, что именно то этой тяжкой доли и не было, нужно было поплакать и похныкать на эту тему.

Некоторые стихи носят даже несколько порнографический характер - это остаток той грубости, ушедшей в века, которая царила на заре дней наших военных школ.

Во всяком случае все куплеты, всеми выпусками пелись с вдохновением и передавались от выпуска к выпуску.

П. ВОЛОШИН

По несколько личному вопросу :

Само собой разумеется, что писать сочинение на предложенную мне тему - я не мог, даже больше - горжусь тем, что не смог этого сделать.

В числе традиций нашего корпуса была еще и такая: во всех торжественных случаях играть Преображенский Марш, а не Марш Военно-Учебных Заведений, хотя такой существовал и был Высочайше утвержден.

П. В.

Кадетские Проказы

ПО ВОСПОМИНАНИЯМ СТАРЫХ КАДЕТ

Собрал П. Волошин

I.

Преподаватели иностранных языков в корпусах, хотя и знали русский язык, но изъяснялись на нем не всегда очень уверенно. Это служило источником многочисленных над ними шуток.

Француз N. входил в класс всегда очень бодрым и энергичным шагом и быстро направлялся к кафедре. Шутники достали где-то необыкновенно блестящую и скользкую мастику и старательно натёрли путь от двери к кафедре. Вошедший энергично француз - поскользнулся и растянулся, не доходя до цели своего путешествия.

Кадеты в восторге заорали с мест: "Браво! браво! Бис! Еще раз".

Пришедший в ярость француз записал в журнал:

"Пол в классе был так натерт, что я вошел в класс лёжа, с криками "Браво! Браво! Еще раз!".

2.

Тот же француз, обладавший тонким нюхом, вдруг повёл носом, ощущая отвратительный запах, несшийся со стороны парт. (Для этого существовали пакетики "вонючка".).

"Кто испортил воздух?" грозно задал он вопрос кадетам.

В ответ со всех скамей раздались возгласы:

- "Это я, Господин Преподаватель... Это я!... Это я!"
Запись в журнале была такова: "Кто-то в классе испортил атмосферу. Я произвел дознание, и оказалось, что это Я".

3.

Кадет Килященко обладал необыкновенным свойством: стоило ему сильно нажать на свой длинный нос, как из этого носа начинала течь кровь. В трудные минуты жизни, когда грозили вызовы к доске и при не очень строгом преподавателе, кадеты за обещанное лишнее сладкое блюдо, просили Килященко произвести опыт со своим носом, что он и делал, конечно не безкорыстно.

Кадеты бросались к окровавленному Килященко массой, человек в IO и делали попытку тащить его в лазарет на руках, что, конечно, не вызывалось необходимостью.

На одном из уроков истории, добрейшего Ивана Францовича Павловского, окровавленный и ухмыляющийся Килященко был подхвачен сердобольными друзьями. Иван Францевич заорал на весь класс:
- "Оставьте его! Он сам пойдёт!".

Вдруг - в коридоре шаги и звуки шпор. Это был Директор, тогда ещё Полк. Н.П. Попов, нагонявший страх не только на кадет, но и на всех преподавателей и воспитателей. Водворилась гробовая тишина и, как только Директор появился в дверях класса, кадеты вскочили и стали на вытяжку.

Грозный вопрос: "Что здесь происходит? Дежурный по классу! В чем дело?" - "Г-н Полковник... У кадета Килященко пошла неожиданно кровь носом, мы хотели ему оказать медицинскую помощь". - "Ложь! Неправда! Я из коридора слыхал как кто-то диким противным басом орал: "Пустите его... Он сам пойдёт... Кто это орал?".

Гробовое молчанье. Молчанье и со стороны Ивана Францевича, именно который и орал эту фразу, но повидимому не считал своего голоса "противным и диким". А может быть были и другие причины для его молчания... Кадеты его за это не осудили...

4.

Тот же милейший Иван Францевич, решил, выражаясь по современному, "модернизировать" свои уроки по истории. Он раздобыл для этого, так называемый в те времена "Волшебный фонарь", о чем и предупредил кадет.

Во время этой лекции, в темноте, для демонстрирования картин, будет вызван из физического кабинета служитель, по прозвищу "Салат", называвший себя громким именем Лаборанта. Кадеты, в свою очередь, также решили достойно отметить нововведение, для чего обзавелись трубочками для стрельбы жеваной бумагой, откуда-то раздобыли мятые помидоры и даже одно жидкое яйцо.

В день и час урока, окна класса были завешаны черными одеялами, свет погашен и И.Ф. Павловский, начал свою лекцию, а Салат занялся Волшебным Фонарем. Из погруженного во мрак класса и в лектора, и в лаборанта был открыт беглый огонь из всех имеющихся орудий. Отчаянные вопли: -Перестаньте.. Прекратите.., не возымели никакого решительно действия.

И вдруг.. грозный окрик: "Что здесь происходит? Зажечь свет!" - Это был голос неожиданно вошедшего Директора Корпуса Н.П. Попова.

Свет зажжен. - Дежурный... доложите! Что происходит? - Волшебные картины, Ваше Превосходительство!

Представившаяся глазам картина была такова: и лектор и лаборант (главным образом их бороды) блистали комками жеваной бумаги, по лицу Ивана Францевича тёк помидорный сок, а физиономия лаборанта была лимонного цвета от попавшего ему непосредственно в лоб и разбитого яйца.

Удержаться от смеха - было невозможно, но Попов всё-таки сдержался. Он выдержал паузу, оглядел с ног до головы злополучных новаторов и мрачно произнес:
- Да! Картина, действительно, волшебная! Всё-таки, снимите одеяла с окон и продолжайте урок нормальным порядком.
С этими словами он, позвякивая шпорами, покинул нас.

5.

В другой раз посмешищем, как это ни странно, оказался кадет. В параллельном отделении был кадет N. - знаменитый математик. В нашем же отделении должна была состоятся письменная работа, которая по нашим сведениям предполагалась очень трудной. Долгие переговоры нашего отделения с N. велись в течении недели. Он ломался, упирался, трусил. Проект был до дерзости смелым: у нас в классе стояла запасная старая кафедра, в которой хранились тряпье, мел и прочий сор. Она имела сверху большую дыру. В эту кафедру (вернее в ящик её) предполагалось посадить N. с тем, чтобы он решил задачу и просунул её в дырку. Этим его обязанности и кончались.

Листы для работы розданы. Но зоркий глаз математика сразу учуял в чем дело. Он, как гончая собака, обнюхал запасную кафедру и сразу понял в чем дело.

Он не произнес ни одного слова. Задал задачу, и когда кадеты погрузились в вычисления, подошёл к ящику и через дырку спокойно вылил всю большую чернильницу. За ней, взяв целую бутыль чернил, стоявшую на окне, вылил и её в то же отверстие.

Час кончился. Работы сданы. Педагог ушел.
В каком виде предстал бедный N. - представить невозможно. Само собой разумеется, он физически не мог сосредоточится на решении задачи, а только кряхтел и стонал в своей тюрьме.

6.

Царствование Директора Генерала Потоцкого. Начало урока географии. На огромную печку, вышиной почти до потолка, шутники забросили учебники географии.
При входе преподавателя ему объяснили, что достать учебники ставши даже на придвинутую кафедру самый высокий кадет не может (это было в 4 классе). Нужно было не только стать на кафедру, но и притянуться на руках, держась за карниз печки.

Преподаватель Лопатин, считавший себя спортсменом и путешественником, снисходительно улыбнулся: - "Эх, вы! Подставьте мне кафедру! Я вам всё достану!"

Он ловко вскочил на высокую кафедру, так же ловко притянулся на руках, но в этот момент кафедра моментально была выдернута и поставлена на обычное место.

Лопатин (его почему-то кадеты называли Лопатэн) повис на руках с пачкой книг, зажатых у груди.

- "Подвиньте кафедру!" заорал он: "Я не могу делать никаких сальто-морталей!"

Может быть шутники и подвинули ему кафедру, но тяжелые и грузные шаги Ген.-Лейт. Потоцкого известили нас о том, что он идет в класс.

Директор был человеком меланхоличным, ему чужды были всякие эмоции, он только посмотрел на висящего Лопатэна и сказал: - "А я думал, что здесь урок географии, а оказывается гимнастики", и пошел продолжать свой обход.

Лопатэн не мстил кадетам за этот день, которые и сами понимали, что шутка вышла довольно дикой.

7.

Одно время, после обеда, у стен корпуса появился предприимчивый мороженщик. I-ая рота, расположенная в мое время на втором этаже опускала на веревочке стакан, на дне которого лежал пятак. За это он накладывал порцию мороженого, которая и поднималась вверх к удовольствию гурманов.

Но неожиданно разразилась беда: путешествие стакана с мороженым происходило мимо классов 4-ой роты, т.е. самых маленьких кадет. Они быстро пронюхали в чем дело, и перехватывали стаканчики, пожирали мороженое и вкладывали записку в стакан со словом "Мерси".

Пока это были единичные случаи, I-ая рота посмеялась над находчивостью малышей, но когда это дело приняло уже организованный характер, старшие возмутились и решили, что нахалов надо просто проучить. Другими словами на языке того времени, кой-кому "набить морду". Извещение было послано в 4-ю роту о том, что, если еще последует хоть одна кража, они получат достойную расплату.

Малыши не унялись. Тогда группа человек в IO (7-го класса) ворвалась в 4-ю роту. Первоначальное намерение было нарвать уши. Но малыши оказали такое яростное сопротивление, что старшие остолбенели. Они отбивались линейками, палками, кусались и т.п.

Конечно победа осталась за старшими, но и они ушли пострадавшими. Героем дня был кадет I-го класса Змунчилло, у которого вся рожа была в крови и под глазами красовалось несколько синяков.

Собравшись в уборной после ужина, 2-ой класс, старший в роте, за безпримерное "геройство" Змунчиллы даровал ему на неделю "Права 2-го Класса".

В чем собственно заключались "Права" второклассники и сами не знали, но это звучало "пышно" и "великолепно".

Змунчилло гордо ходил по коридорам с раскрашенной физиономией в течении недели и пользовался всеобщим почтением и уважением.

8.

Упомянутый выше кадет Килященко, несмотря на в общем добродушный характер неизменно не вылезал из карцера, в котором сидел чуть ли ни ежедневно. Он привесил на дверях карцера художественный плакат, на котором было искусно исполнено разноцветными карандашами: "Майор Килященко. Прием ежедневно от 2 до 4-х дня. Малолетним скидка 50 %".

9.

Не совсем из области проказ, но несколько личных строк, всё-таки характеризующих ушедшую эпоху. В своих отношениях между собой, кадеты не вносили большой грубости. Скорее это были шутки, подчас грубоватые.

Но было несколько мальчиков злых, с какими-то "садистическими" наклонностями. Из них выделялся некто Захарьин, не то племенник, не то внук знаменитого Профессора. Он не только принуждал каждого малыша, уходящего в отпуск приносить ему "дань" - 10 копеек, но и отнимал все сладости, от бедных малышей. К счастью для корпуса его выставили из 5-го класса и где он кончил свою буйную карьеру - неизвестно.

Его любимой забавой была такая "шутка": - "Эй, малыш! (или Эй, "сугубец"!). Вези меня в уборную !

Малыш покорно подставляет спину и везет. Но этого мало:
- "Иди, ищи для меня бумагу. Да чтобы была мягкая и нежная!

Но и этого мало. - "Умеешь играть на мандолине?" - "Умею".
- "Неси мандолину и играй мне "Серенаду Шуберта", пока я облегчаюсь".

Бедный малыш, покорно давал концерт. Захарьин, полузакрыв глаза, блаженствовал.

И на этого негодяя никто не жаловался. Ещё бы ! Ведь это было бы "фискальством".

П. ВОЛОШИН (Он-же "Малыш").

Б. САБО (вып. 1917 года).

ПОЛКОВНИК ЛЮСИН, ПРЕПОДАВАТЕЛЬ ФИЗИКИ.

Однажды П.Г. Люсин пришел на первый урок и мы заметили, что на одном из его сапог нет шпоры. Моментально все сговорились и молча начали смотреть на сапоги Люсина.

Он это почувствовал и стал беспокойно себя осматривать, думая, что забыл застегнуть пуговицы. Мы все продолжаем смотреть.

Наконец Люсин не выдержал:

- Ну что вы все смотрите, как баран на новые ворота! Что вы моих ног не видели?

Мы не выдержали и стали кричать: "Вторая шпора! - И только тогда Люсин заметил, что шпоры на хватает.

- Какие же вы военные? У военных должна быть взаимная выручка, а вы, вместо этого, смотрите молча, как бараны. А вот, если-бы пришел Директор и заметил... Мне была-бы неприятность. Дежурный, позовите дядьку !

Весь класс бросается к двери, чтобы бежать за дядькой. Люсин в панике нас останавливает, лишь дежурный несется за дядькой. Последний, наконец, появляется.

- Вот что, дорогой, ты знаешь, где я живу? - Так точно, Ваше Высокоблагородие, Знаю". - "Так сбегай ко мне и принеси поскорее вот такую шпору, и он пытается снять оставшуюся шпору.

Все бросаются ему помочь: кто тянет за ногу, кто хочет снять сапог, и даже в общей суматохе кто-то ущипнул его.

С грехом пополам шпору сняли и дядька бегом помчался к нему на дом, чтобы успеть принести к концу урока. Через 15-20 минут дядька возвращается и торжественно вручает недостающую шпору.

Все бросаются на помощь. Но в этот момент раздается звонок, возвещающий конец урока. Бедный Люсин, красный, вероятно в синяках, почти вылетает из класса.

На Рождественские и Пасхальные каникулы Люсин ездил в Харьков. Он был неравнодушен к оперной артистке. Забыл её фамилию, но в те времена её знал весь Харьков. Она была очень интересная и с красивым голосом.

Много и наших кадет ездили на каникулы в Харьков. Нас была целая компания: Кузичев, Ржецкий, Короленко, Пузанов и я. Мы почти ежедневно выходили прогуляться по Сумской улице со знакомыми барышнями.

Однажды идем и видим Люсина под-ручку со своей артисткой. Моментально сговорились с нашими барышнями, что когда мы станем во фронт, то они должны симулировать восторг и громко произнести: - "Такой молодой, красивый и уже Полковник".

Мы выстроились друг другу в затылок и, по сигналу первого, отчетливо стали во фронт. Барышни защебетали, а Люсин весь просияв, с нами поздоровался. Ответили мы так, что вероятно слышно было в Полтаве. Артистка подарила нас очаровательной улыбкой, а Люсин величественно изрек: - "Проходите!".

Мы отчетливо повернулись и пошли дальше. Нам, однако, всего этого показалось мало, и мы тут же решили, что этот парад нужно проделать еще несколько раз.

Для этого, быстро перебежав на другую сторону улицы, мы забегали вновь ему на-встречу и всё начиналось с начала. Люсин делал вид, что видит нас в первый раз. Но после 3-го или 4-го раза, Люсин наконец заметил, что публика начинает на наши маневры отвечать вниманием. Он тогда важно остановился, пожелал нам приятно провести отпуск и просил больше не беспокоиться.

Перед отъездом в корпус, Короленко где-то достал фотографию этой артистки.

Перед уроком физики эту фотографию приклеили к кафедре. Когда он приподнял журнал и, увидев фотографию, пытался её снять, она не сдвинулась с места.

- "Дежурный! Что за безобразие! Сейчас же убрать!"

Весь класс, конечно, ринулся отдирать фотографию.

Через несколько дней он встретил в Полтаве мать Короленко, которую хорошо знал.

- А ваши дурачки Вам опять номер выкинули?

- Какой?

- Да с фотографией.

Мать Короленки уже всё знала. Она его успокоила и сказала, что все кадеты его любят и просто хотели, чтобы он на несколько минут перенесся в Харьков.

Б. С А Б О

Ю. ГЕНИШТА (Вып. 1920 года).

I.

В 1914 году преподаватели французского языка уехали во Францию, так как началась мировая война. Немцы же, принявшие русское подданство, остались по-прежнему на своих местах в корпусе. В этот период, уроки готовились не так уж рьяно и, как это было и в предшествовавшие года, часто кадеты прибегали ко всяким способам, чтобы по возможности отвлечь внимание преподавателя и тем отдалить момент вызова кадет к ответам. Военное время в этом отношении пришло нам на помощь.

Сидящий на парте кадет поднимал руку с самым дисциплинированным видом. Это означало, что он хочет задать какой-либо вопрос. Получив разрешение, он еще больше вытягивался:

- "Виноват, Господин преподаватель! Верно-ли, что немцы зверствуют над нашими пленными?"

Конечно, в двух словах на такой вопрос, да и притом еще немцу ответить было трудно (а это-то и было нужно!). В ответ слышалась довольно длинная речь с призывом к беспристрастию.

Хорошо помню юмористический взгляд кадета, отсчитывающего минуты этой речи. Случайность, но именно его в этот урок "немец" и вызвал к ответу, но за то три, четыре других от этого были спасены.

2.

В другой раз, немецкий урок оказался первым из шести. Перед его началом дежурный кадет должен был прочесть молитву. Вряд-ли, конечно, "немец" понимал славянский язык, а потому дежурный кадет к обычной краткой молитве присоединил еще и чтение "Верую". Кто-то из старательных начал отбивать земные поклоны. Немцу объяснили продолжительность чтения молитвы, происходящей войной.

По справедливости сказать: времени мы выгадали очень немного, но зато получили сильный нагоняй от нашего священника на

следующем уроке. Он очень стыдил нас за такое небрежное и кощунственное отношение к молитве.

Этот урок Закона Божьего был мне памятен еще и по другой причине: наш священник поймал кого-то из кадет за разрисовываньем иллюстраций к библейской истории. На картинке, изображавшей битву Иудеев с Египтянами красовалось несколько неплохо нарисовенных пулеметов, а у отца, простирающего руки к возвращающемуся "блудному сыну" в обеих руках оказались пририсованными по два револьвера.

3.

Уехавших на родину французов, в классах заменили русские. Среди них были, главным образом, дамы. В стенах корпуса это было явлением совершенно небывалым. Бедную, ещё не старую даму "разыгрывали" всеми доступными для школьников способами: бросали на неё "огненные" и "проникновенные" взоры. На её ответные "гневные" взгляды, к ней лезли с просьбами перевести на русский язык слово: "маникюр", чем раз чуть ли не довели её, бедную, до истерики.

4.

В самостийно украинские времена, мы носили желто-синие кокарды (блакитно-жовтые). При встрече с нами в городе, петлюровцы иногда ругались, говоря, что кокарды у нас не настоящие, а перекрашенные русские.

Наш воспитатель Полк. фон-Коссарт, застал раз на улице перед самым входом в корпус петлюровского офицера, читающего нотацию одному из наших кадетов Лошунову. Этот Лошунов, незаурядный комик, стоял смирно, с рукой у козырька и без запинки и довольно складно оправдывался по "церковно-славянски".

Не знаю, чем кончилась сцена на улице, помню уже продолжение внутри здания корпуса: на разнос воспитателя за происшедшее, Лошунов вытянулся в струнку и извинился за непонимание "русского языка".

5.

Осень 1919 года.

Кадеты уже умудрились повоевать в различных частях Армии и вернулись в корпус к началу учебного года.

Лошунов доблестно вёл себя на фронте, но продолжал быть таким же "остряком" и в стенах корпуса. Мишенью для его выпадов были теперь, никогда не видевшие фронта, воспитатели. Их возраст, обременявшие их семьи и долгая полу-штатская служба, не располагали их к подаче прошений для перевода в Армию. Думаю, что попав на фронт, они вероятно с достоинством вели бы себя в рядах армии и поэтому осуждать их, конечно, нельзя. Но, да простится и детям-кадетам, которые в их возрасте, побывав в боях, относились к нестроевым офицерам с легким пренебрежением.

С невинным видом Лошунов начав расспрашивать воспитателя о каких то видах и формах наступления - вдруг осекался и с самым невинным видом изрекал:

- "Что-же я спрашиваю? Вы же не были на фронте. Простите меня, Г-н Полковник".

Поэтому следует особенно отметить, совсем не плохое поведение этого же офицера в боях на северном Кавказе, после эвакуации Полтавы.

Когда в 1914 году, т.е. пять лет тому назад, была объявлена мобилизация, кадеты 4-ой и 3-ей рот были слишком малыши, чтобы их могла интересовать процедура призыва на военную службу, предвидевшая, на время войны, мобилизацию на местах всех тех, кто был необходим для нормальных функций всех Государственных Учреждений и производства для нужд войны и населения.

Таким образом, во всех областях, эти "тыловые крысы", как их называли, были во много раз более необходимы на их местах, чем на фронте и, как простой пример, квалифицированный рабочий был значительно ценней у станка, чем с винтовкой в окопах.

Правда, не многие из них, добровольно, предпочли уйти в Действующую Армию.

В нашем Корпусе таковыми были: Оф.-воспитатель Подпол. Эмних и командир I-ой роты, Полковник Купчинский.

Первому не повезло, - он попал в плен, а второй был награжден Орденом Св. Георгия 4-ой степении позже получил производство в Генерал-Майоры.

Недопустимые непочтительность и балаганство Лошуна частично объясняются примерами этих двух офицеров Корпуса и его незнанием вышеизложенного. Он, повидимому, забыл или не понял, что воспитание и высокие моральные качества ему дали его-же офицеры-воспитатели и традиции, которые пропитали, даже стены Корпуса. О воспитателях и преподавателях, потерявших уважение кадет, уже было отмечено и не раз.

Редакция.

6.

При Советской власти, одетый, как и все, во что попало Лошунов предлагал свои услуги в качестве певца в некоторых театрах Полтавы. Он довольно сносно исполнял романс: "У камина".

В том же 1919 году, до конца февраля, оставшиеся кадеты в стенах корпуса продолжали занятия. Продолжались даже уроки гимнастики и фехтования.

Потом их перевели в здание садоводства Полтавского Института. Институтки представлялись многим из нас существами из другого мира. При Советской власти они оканчивали нормально учебный год. Их затворничество оставалось почти прежним. Поэтому большим героем чувствовал себя наш Ильин, проникший в Институт под видом печника.

Я слышал позже веселый рассказ двух институток про эту эскападу. По их словам, Ильин не плохо справился с какой-то заготовленной им речью, чего нельзя сказать о работе по исправлению печей.

7.

Мне хочется закончить мои короткие воспоминания описанием случая с тем же Лошуновым на уроке украинского языка. Не сладко пришлось преподавателю этого предмета в петлюровские и гетманские времена.

На один из уроков пришел случайно или по вызову, наш офицер-воспитатель. Балаган, всё разроставшийся в классе, начал, как будто, немного стихать. Но тут то и насторожились все близко его знавшие: Лошунов отвечал, стоя у доски, с самым подтянутым, как всегда видом.

Речь шла об украинских писателях. Год рождения Шевченко Лошунов назвал правильно, потом на секунду запнулся, как бы что-то вспоминая и с самым серьёзным видом добавил:

- "До Рождества Христова...".

Ю. Г Е Н И Ш Т А

Журнал "Кадеты", Март 1948 г. № 2.
Изд. Объединения 2-го Моск.Корпуса.

НИКТО КАК САМ

Из семейной хроники
Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса.

Кадет 7-го класса Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса Бушин учился хорошо и вел себя прилично. Он был страшный обжора и на этой почве у него выходили недоразумения с экономом. Вечно он что-то жевал. Перед завтраком оживлялся, потирал руки, подталкивал соседа и гадал: "Что-же этот скупердяй даст нам сегодня пожрать?"

Позавтракав-же, на четвертом уроке дремал.

По математике он шел у Данкова первым, и потому все были удивлены, когда он заявил, что на третьем уроке должен будет лезть в шкаф.

- "Зачем?.." спрашивали товарищи.. "тебя же вчера Николай Иванович спрашивал, поставил тебе 12 и вдруг в шкаф..." - "Ничего не поделаешь"... вздыхал Бушин, не желая объяснять почему должен?...

- "Но, ведь, ты там не поместишься? (Бушин был толстяк).

- "Уж,как нибудь... Притисните меня, заприте дверцы... как нибудь высижу час..."

Думали, что он шутит, однако, когда послышались из коридора шаги Данкова, он втиснулся в шкаф. Дверцы едва удалось закрыть. Загробным голосом он дал оттуда последнее наставление: "Не забудьте-ж выпустить, а то аккурат завтрак пропущу.. Тут, ведь, ничего не слышно..."

Данков не спрашивал; весь урок объяснял. До отбоя оставалось минут 10, как в класс неожиданно вошел Директор. Раздалась команда - "Встать!". Все вскочили и замерли. Директор был чем-то сильно озабочен; не поздоровался, не принял рапорт и облокотившись на кафедру, задумался. В классе стояла мертвая тишина. С мелом в руке Данков ожидал разрешения продолжать урок.

Из глубокого раздумья его вывел неожиданно раздавшийся сзади треск. От шкафа отлетела половинка двери, показался чей-то толстый зад и раздался возмущенный голос:

"Таки-ж забыли... прохвосты..." - и вылез Бушин, пыльный, вспотевший, весь в паутине. Не оборачиваясь стал чистить штаны и ругаться: "Сволочи, ушли и ничего не сказали..."

В это время он заметил за кафедрой чьи-то ноги; штаны с лампасами; поднял голову и увидел Директора и весь класс, стоявший "смирно", в ожидании разрешения сесть.

Он до того растерялся, что не выпрямляясь и как-то глупо улыбаясь, поздоровался: - "Здравия желаю, Ваше Превосходительство..."

Грусть у Директора, как рукой сняло: - "Здорово, здорово, Бушин... Что ты там делал?" - "Ничего, Ваше Превосходительство.. я так... там..." - "Как же ты там поместился, такой толстый?".

Смущенный Бушин признался, что было действительно тесновато. - "И давно ты туда переселился?". Бушин молчал.

Выручили товарищи. Дежурный по классу доложил, что Бушин тут непричем.

" ?? "

"Так точно. Не при чем... Виноваты мы, Ваше Превосходительство... Загнули ему салазки, впихнули в шкаф и заперли... Виноваты..." - "Почему же в таком случае ты, Бушин, не постучал, чтобы тебя выпустили?" - "Николай Иванович пришел, и я не хотел прерывать урока... Боялся подвести товарищей..".

Директор рассмеялся и ушел.

Данков стал вычитывать Бушину: "Мой первый математик и так подвел меня перед Директором... Хоть бы досидел до конца урока... И надо же было, так не во-время, вылезти...

- "Простите, Николай Иванович, я был уверен, что все ушли на завтрак... Слышал, как вскочили, зашаркали ногами, потом всё стихло... Ну вот так и вышло... Простите..."

Данков не поверил версии дежурного; приказал Бушину явиться дежурному воспитателю, чтобы тот посадил его в карцер. Кадеты запротестовали: - "Он не при чем... Наша вина... Нас сажайте...".

"А вот, в другой раз будете знать, кого запихивать в шкаф!"

С глубоким сознанием своей вины, Бушин покорно отправился просить дежурного воспитателя, посадить его в карцер. Это был первый и последний его арест за всё время пребывания в корпусе. Когда дежурный по роте кадет запер за ним карцерную дверь, он проговорился: - "Эх, пропали и завтрак и 20 пирожных... Даром только вымазался...".

И признался: "подержал на 20 пирожных с Каневцевым пари, что просижу у Данкова час в шкафу".

Никто его не пожалел. Решили единогласно: - "И по делам! Не соединяй никогда удали с корыстолюбием...".

П о л т а в е ц

ПРИМЕЧАНИЕ: В сборнике "Кадеты" фамилия кадета - героя эпизода, написана Бушин. Зная его много лет (он впоследствии был присяжным поверенным в Житомире, где протекала моя военная служба), я считаю нужным заметить: он был французского происхождения и фамилия его была не БушИн, а БушЭн ....

П. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО.

М.Д. К А Р А Т Е Е В (вып. 1921 года)

Л А З А Р Е Т

Кто из нас в счастливые кадетские годы не мечтал хоть на недельку попасть в лазарет, где на обильных харчах можно было отдохнуть от наскучивших уроков, отоспаться, а главное - беззаботно провести время и подурачиться, не рискуя каждую минуту попасть в штрафной журнал? Если же, вдобавок к этому, в перспективе бывала трудная письменная работа, а из лазарета приходили известия о том, что там подобралась веселая компания, - для многих искушение становилось непреодолимым.

Но корпусных врачей, имевших в этой области богатую практику, провести бывало нелегко. Все ловчилы были у них на примете, а потому, чтобы удачно просимулировать болезнь, надо было обладать известной изобретательностью, артистическими способностями, ловкостью рук, интуицией, а иногда и подлинным вдохновением.

В Петровском-Полтавском Кадетском Корпусе, во время первой мировой войны старшим врачем был доктор Левченко, а младшим - граф Мамуна, оба милейшие люди, но, как я уже отметил, стрелянные воробьи. (+) Правда, и на них бывала проруха. Помню, как один кадет моего отделения, без всякой задней мысли, - просто чтобы чем-нибудь развлечься во время скучного урока, - истыкал

(+) До этой войны, старшими и лазаретными врачами, - были Доктора Долматов и Дёрбер, а младшим, т.е. ротным Доктор Левченко, и всё его ротное лечение, чаще всего сводилось к смазке горла, Даверова порошка, 2-3 дням без прогулок, или хорошей дозы касторки со всеми вытекающими неприятными последствиями.

(Заметка Д-ра Н. Караченцева).

себе острием карандаша грудь и руку, а утром, неожиданно для себя, был отправлен с медицинского осмотра в лазарет, по подозрению в ветренной оспе.

Секрет "сыпи" он тотчас же сообщил приятелям, и на следующий день человек восемь из нашего класса уже составляли ему компанию в заразном отделении лазарета. День спустя, нас там было человек пятнадцать. "Карандашная" эпидемия грозно разрасталась. Но счастье наше было недолгим: так как кроме "сыпи", иных признаков болезни ни у кого из нас не было, а как их симулировать - никто толком не знал, на третий день доктора догадались нас выкупать и "оспа" начисто смылась. Все были немедленно возвращены в роту, где нас ожидала заслуженная мзда.

В ротах медицинский осмотр всех записавшихся на прием производил, в сопровождении дежурного фельдшера, доктор Мамуна, а потому именно с ним приходилось вступать в единоборство каждому чающему лазаретного блаженства.

Это был высокий и видный мужчина с седеющей эспаньолкой, похожий на испанского гранда. В противоположность всегда корректному доктору Левченко, он бывал с кадетами добродушно-грубоват и всех называл на "ты". Считалось, что он любит, когда его величают "сиятельством" и что этим можно несколько размягчить его сердце.

- Что у тебя ? - флегматично спрашивал он, глядя поверх стекол пенсне на стоящего перед ним ловчилу, который всем своим поникшим существом старался изобразить предельную степень недомогания.

И тут нужно было сразу взять правильную линию. Не дай Бог пожаловаться на желудок или на тошноту, - такую глупость мог сделать лишь совершенно неопытный новичек: в этом случае дело неизменно кончалось внушительной порцией касторки, которую граф считал лучшим средством от всех кадетских болезней, а от симуляции в особенности. Фельдшер тут-же наливал "чарочку", осушив которую неудачный больной отправлялся в класс, напутствуемый какой-нибудь язвительной шуточкой врача.

Больше всего шансов на успех давала "простуда", и каждый здравомыслящий ловчила это знал. - Знобит, Ваше Сиятельство, - пощелкивая зубами и изображая лихорадочную дрожь, отвечал он. - Грудь болит, и глотать больно...

- Открой рот, - вставая говорил Мамуна. Придавив ложкой язык пациента, он заглядывал ему в горло, которое обычно оказывалось слегка раздраженным и красным, ибо, отправляясь на прием, его нетрудно было привести в такое состояние.

Затем докторская рука запускалась за воротник больного или ложилась ему на лоб. У предусмотрительных людей и шея и лоб были перед самым приемом основательно надраены суконкой, и это создавало впечатление жара. Таким образом, признаки легкой простуды были, как будто бы, налицо, но дело решал термометр, который фельдшер тут же ставил больному под мышку. Чтобы попасть в лазарет, надо было иметь минимум 37,6, но и пересаливать не следовало, ибо при недохвате дело кончалось стаканчиком микстуры и освобождением от прогулки, а при "переборе" -касторкой.

Следовательно, теперь предстояло самое трудное: смастерить себе подходящую температуру. Некоторые авторитеты утверждают, что для этого можно было заранее натереть под-мышками солью. С полным знанием дела могу сказать, что это не давало желаемого эффекта и повышало температуру не больше чем на две-три десятых градуса. Термометр нужно было нащелкать, постукивая незаметно ногтем, через рубаху, по его головке в те моменты, когда доктор и фельдшер бывали заняты другими больными.

Но тут таилось две опасности: действуя "вслепую", можно было перестараться и набить температуру неправдоподобно высокую, а в некоторых термометрах ртуть от пощелкивания разбивалась на отдельные кусочки. И в том и в другом случае дело бывало безнадежно проиграно.

Доктор Мамуна никогда не жаловался дежурному воспитателю и сам не записывал разоблаченного симулянта в журнал, а просто прогонял его с приема, угостив на прощанье касторкой, и на будущее время, взяв его на учет: в следующий раз ему уже ставили термометр задом наперед или два термометра одновременно, - нащелкать их до одинаковой температуры умудрялись лишь редкие виртуозы.

И только лишь в том случае, когда термометр оказывался нащелкан умело и в самую меру, - доктор изрекал желанное: "в лазарет!"

Для тех, кто потерял доверие Мамуны и не надеялся провести его, всё-же оставался еще один выход: можно было внезапно "заболеть" после второго урока и с запиской дежурного воспитателя отправиться для освидетельствованья прямо в лазарет. В этом случае пациент попадал уже в руки старшего врача, который к этому часу заканчивал обход палат и обычно сидел у себя в кабинете.

Помню случай из своей практики: горя желанием попасть в лазарет, - где уже обосновались мои закадычные друзья Юра Гениишта и Славка Клобуков, - я избрал этот второй способ и в одно прекрасное утро предстал перед доктором Левченко, жалуясь на сильную простуду. Левченко меня внимательнейшим образом осмотрел, выслушал, выстукал, пощупал пульс, попробовал рукой температуру и видимо заподозрил неладное.

Он сунул мне под-мышку термометр и усадил напротив себя, по другую сторону стола. Перед ним стоял стакан чаю, из которого он время от времени отхлёбывал, не спуская с меня глаз. Щелкать не было никакой возможности и я совсем-было затосковал, но видимо судьба ко мне в этот день благоволила: доктор сделал неловкое движение рукой и задел ею, стоявший рядом стетоскоп, который упал на пол и закатился под стол. Он нагнулся, чтобы его поднять, и в тот короткий миг, когда голова эскулапа находилась под столом, я, подчиняясь какому-то наитию, выхватил из под-мышки термометр, окунул его в стакан с докторским чаем и затем столь же быстро водворил на место.

Левченко ничего не заметил, но следующие минуты прошли для меня в убийственном томленьи: черт его знает, насколько горяч был чай? А вдруг ртуть поднялась на 42 и меня с позором возвратят в

роту, а там, конечно, скостят еще один балл по поведению, из моего весьма небогатого резерва? Но вот, наконец, термометр в руках у доктора, и он с некоторым удивлением говорит: - "Тридцать восемь... Ну, что ж, придется Вам остаться в лазарете".

Попав в эту землю обетованную, продержаться здесь несколько дней было уже не трудно: дважды в день всем обитателям лазарета термометры ставил дежурный фельдшер и вновь являлся за ними только через десять-пятнадцать минут, - срок более чем достаточный для того, чтобы без помехи создать себе желаемую температуру, потерев термометр об одеяло. Правда, следовало знать честь и больше трех-четырех дней не "температурить", - в противном случае эскулапы обращали серьезное внимание на такого неизлечимого больного: его сажали под термометр перед носом у доктора и дело кончалось позорным изгнанием. Но при соблюдении чувства меры, несколько дней отдыха и лазаретной неги бывали каждому обеспечены.

Мы любили свой лазарет, - он был как-то по провинциальному уютен, хотя и не отличался роскошью помещений и обстановки, уступая в этом отношении лазаретам многих других корпусов. В одном из них, говорят, было даже три фонтана. Но зато у нас был... Пуцер! Кто из птенцов Гнезда Петрова не помнит Пуцера? И пусть каждый, положа руку на сердце, скажет: ну разве наш Пуцер не стоил трех фонтанов? Им тоже можно было залюбоваться, - особенно когда он, выведенный из себя непочтительностью кого-либо из младших кадет, приподнимался на носки своих кривых и коротких ног, выпячивал грудь колесом и растопорщив седые моржовые усы, кричал: "Мальчишка! Молокосос! Я трем Государям присягал! Я еще отца твоего за уши драл, когда он был здесь, в корпусе, таким же вот шибенником! И ты теперь смеешь мне хамить!"

Прослужив в Корпусе чуть ли не 60 лет, наш лазаретный каптенармус Фишер, прозванный Пуцером, являлся живой реликвией прошлого, почти такой же антикварной ценностью, как табакерка Петра Великого, хранившаяся в корпусном музее. Не было на Руси Петровца, который бы его не помнил. Как-то в рождественский отпуск, мне довелось встретиться в Петербурге, в доме моего дяди, с "батькой русской артиллерии", Генералом Чернявским, - одним из старейших питомцев нашего Корпуса. Чуть ли не первым его вопросом был: - "Ну, а как Пуцер, жив еще?".

Заслуживает доброго слова и единственная наша лазаретная сестра, прозывавшаяся Галушкой. Помню, как однажды напялив на палец дорогое кольцо с бриллиантом, - принадлежавшее одной из корпусных барышень, за которой я ухаживал, - я никак не мог его снять, несмотря на намыливанье и целый ряд других ухищрений.

Палец, между тем, напухал на глазах, кольцо врезывалось в него всё глубже и надо было срочно принимать какие-то героические меры. Дама моего сердца умоляла не жалеть кольца и распилит его, но разве мог согласиться на такое варварство влюбленный рыцарь? Сказав, что попробую еще какой-то способ, я ушел с твердым намереньем пожертвовать пальцем и направился прямо к Галушке, расчитывая найти в её женском сердце полное понимание моих благородных побуждений.

Когда я изложил ей свой несложный план, состоявший в том,

что я сам отрежу себе палец, а она, после этого, остановит кровь и сделает перевязку, Галушка хохотала до слез. Затем по-матерински меня отчитав и приведя мои мозги в порядок, она заперла меня в своей комнате и, несмотря на поздний час, отыскала какого-то изрядно пьяного золотых дел мастера, который, порядком искромсав мне палец, распилил злополучное кольцо, а на следующее утро, так ловко спаял его, что это совершенно не было заметно. Только сорок лет спустя, встретившись с хозяйкой этого кольца, - ныне уже бабушкой, - я признался ей, что оно было распилено.

Сколько у каждого из нас осталось подобных воспоминаний, долгие десятилетия пролежавших в копилке памяти и теперь согревающих своим теплом нашу старость!

К нашему поколению судьба оказалась не очень милостивой. Но всё же хвала ей за прошлое, за то, что всё это было: Россия, Корпус, юные годы и кадетская жизнь, с её рыцарскими традициями и нерушимым товариществом!

Хвала судьбе, и земной поклон создателям той непревзойденной системы воспитания, благодаря которой все мы, до самой смерти, чувствуем себя членами единой семьи.

М. КАРАТЕЕВ.

ЗВЕРИАДА

И

СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫЕ В РАЗНЫЕ ГОДЫ, ВКЛЮЧАЯ И ГОДЫ ИЗГНАНИЯ, КАК ТОРЖЕСТВЕННЫЕ, ТАК И ШУТОЧНЫЕ.

От Редакции:

Печатая ниже ряд стихотворений, написанных кадетами в разные годы, мы считаем, что наиболее ценными с исторической точки зрения, являются те стихи, которые написаны в стенах корпуса. Пусть они и несколько топорны, часто написаны примитивным языком, часто даже циничны и кощунственны, но они являются отражением той эпохи, в которую авторы росли и учились.

Кощунственные строки можно найти и у Пушкина, и у Лермонтова, и у других русских первоклассных поэтов. Когда-то, это было веяньем эпохи. Будем снисходительны к нашим старым товарищам: делалось это не со зла, а скорее из мальчишеского ухарства, не являющегося ни в какой мере каноном взглядов кадет.

К сожалению от Звериады остались в памяти лишь маленькие крохи.

Несомненный интерес представляют и строки, написанные в эмиграции. Они являются ярким свидетельством того, что несмотря

на все пережитые невзгоды, в сердцах бывших кадет не угас пламень любви к Родине и к своей Родной Школе.

В первую очередь печатаются стихотворения, написанные по случаю каких-либо торжеств, а затем стихотворения, носящие шуточный характер. По возможности в порядок печатанья внесена, конечно, хронология.

К А Д Е Т У .

Стихотворение Великого Князя
Константина Константиновича.

Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с Великой воинской семьей,
Гордяся, ей принадлежать душою
Ты не один - орлиная вас стая.
Настанет день и крылья расправляя
Счастливые пожертвовать собой
Вы ринетесь отважно в смертный бой !
Завидна смерть за честь родного Края,
Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела.
Ей нужны труд и знанья и усилья,
Что-б мог и ты, святым огнем горя
Стать головой за Русь и за Царя
Пускай твои растут и крепнут крылья.

З В Е Р И А Д А

Когда наш Корпус основался,
Тогда разверзлись небеса,
Завес церковный разорвался
И были слышны голоса:

- Курите, пейте, веселитесь,
Посадят в карцер - не беда!
Учить уроков не трудитесь,
Не выйдет толку никогда.

Так наливай кадет - кадету,
Кадеты любят пить вино,
Вино и женщины и карты
Всё - для кадета создано.

Директор спичками торгует,
Инспектор ваксу продаёт,
А Пуцер булочки ворует
И в нижней лавке продает.

Прощай наш жирный эконом !
Грабитель пирожков и булок,
Из них построил себе дом -
Фасадом прямо в переулок. (+)

Прощайте корпусные франты,
Быков, Купчинский, Хадолей
Носите вы потолще канты,
Что-б выделяться средь людей.

Прощайте черные шинели,
Погоны с вензелем Петра,
Вы нам до черта надоели,
Мы не кадеты - юнкера.

Прощайте иксы, игрек, зеты,
Научных формул целый ряд,
Прощайте милые кадеты,
Мы не кадеты - юнкера.
(1894 г.)

(+) Традиционно кадеты ругали персонал Корпуса, что далеко не всегда соответствовало действительности, и последнего эконома кадеты и в глаза и за глаза величали: "отец-кормилец".

Скорей померкнет мира свет,
На землю явится Создатель,
Чем прав останется кадет,
А виноватым воспитатель.

Когда настанет страшный суд,
Картина будет превосходна:
- Кадеты на небо взойдут,
А педагоги - в ад - повзводно.

Прекрасно создан Божий мир,
Мы в нем набиты, как селедки
А жаль - что Корпус не трактир,
А наша Ворскла не из водки.
Тогда-бы жадно к ней прильнул
Устами трепетно коснулся,
И всё тянул-бы, да тянул,
Пока-бы сам - не "растянулся".
Стоит отдельно Институт
Стоит отдельно наше зданье,
Зачем не вместе все живут ?
Никто-б не бегал на свиданье...

(Зачем не вместе все созданья?)

Тогда-бы в нашем лазарете
Род акушерок проживал
И сладко было-б жить на свете
И род людской - не убывал...
Средь класса водрузили-б клетку,
Чтобы сажать учителей
Пусть ставит гадкую отметку
Лишь не пугали-бы детей...
Тогда-б жена со мной сидела,
На зло привившимся стыдам
Сопрано Звериаду пело
А Бас, ругал-бы классных дам.

Державной волей Николая
Основан мрачный монастырь,
Вершину к небу простирая,
Стоит он словно исполин.

Но там не иноки святые,
И не монахи в нем живут.
Тот монастырь по всей России
Петровским Корпусом зовут.

Там нас отшельников томили,
Давно прошла уж та пора,
Семь целых лет мы там зубрили,
За то - теперь мы - юнкера.

(Эпоха конца I9-го столетия).

Грехи Адама вспоминая,
В минуту гнева грозный Бог,
И вновь людей всех проклиная,
В Полтаве выстроил острог.

В багровый цвет его окрасил,
Блестящий крест вверху всадил,
Набором всяким изукрасил
И педагогов пригласил.

И рек с небес могучим гласом:
- Храните всё, что я вам дал !
Пусть он имеет много классов,
Его Я - Корпусом назвал.

Уж много людям прав дано,
Кадетам прав даю Я боле:
- Кадеты могут пить вино,
И воскурять табак Стамболи.

И эти новые громады,
Наводят ужас на людей
Как ряд зубов - их коллонады
Пугают маленьких детей.

И за высокими стенами
Куда не проникает свет,
Начальство моется слезами
Невинных маленьких кадет.

Начальство острыми зубами
Кадета может растерзать,
Кадет-же - бранными словами
Начальство должен проклинать.

И содрагается планета,
И в тихомолку плачет Бог,
Когда могучий глас кадета
Свой проклинает тяжкий рок.

Но ... улыбается природа,
Когда, окончивши ученье,
Звучит торжественная ода:
- Прощайте, прошлые мученья !

Эпоха начала 20-го века.

На Всероссийском глупом съезде,
Под председательством Осла
Бараны порешили вместе
Переименовать все корпуса.

И в гимназистов обратили
Петровских боевых кадет,
В гимназию, корпус превратили
А мы - пошлем им Мат - в ответ.

1917 год.

Записано по памяти Б. САБО. 1917 год.

Из куплетов Звериады

И так мы корпус наш кончаем
В иной ведь мир теперь идем,
А что нас ждет, того не знаем,
В какой мы омут попадем !
Давно, давно, мы все хотели
Попасть туда, где смерть царит,
Где льется кровь, свистят шрапнели,
Где жен, детей - враг не щадит.
И мы пойдем, без страха, смело,
На то, Петровцы, мы друзья,
За наше, ведь, Святое дело
Вся наша Русская земля.

Б. Сабо

Прочитав на обороте
Приказ первый - первой роте
Вспомни Корпус и пиши
Не жалей карандаши.

Чтобы будущие внуки
Изучали все науки
И не били-бы баклуши,
А в особенности груши.

Набирались бы познаний
Для возможных им изгнаний,
Чтоб куда-б не занесло -
То спасло-бы ремесло.

С Т И Х И

Текст произносимый на новогодних встречах старым кадетом Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса -

В. А. ВОРОНКЕВИЧЕМ

Командиром 8-ой батареи 5-й артиллерийской бригады.
гор. Житомир.

В ком молодость кипит ключем
И старость смеха не убила,
Бокалы выше ! Дружно пьем
За то, что весело и мило.

За красоту и за любовь
За остроумный смех без злости,
А вы- в ком стынет смех и кровь-
Долой непрошенные гости !

Журнал "КАДЕТ" - Издание Объединения
2-го Московского Кадетского Корпуса
№ I, Январь /Февраль 1949-го года.

Примечание: В 1905 и 1906 году, Подполковникъ Воронкевич был воспитателем в нашем корпусе. Прославился совершенно необыкновенной добротой и добродушием. Кадеты его мало слушались, но по своему любили. В корпусе учились два его сына.

П. Волошин

ПОХОРОНЫ АЛГЕБРЫ

Что за шум ? Что за гам ?
Что тут за смятенье
И какого рода там
Светопредставленье ?
Это Алгебру хоронят
Алгебрины гости
И на кладбище несут
Алгебрины кости.
Чинно Алгебру несли
В гробе из журналов,
А за нею вслед брели
Вереницы балов.
Икс и Игрек в пиджаках
Шли как два Аякса
Вслед за ними всем на страх
Две огромных Кляксы.

Зет-же хором управлял, -
Для поддержки тона
Знак он равенства держал
В виде - камертона.
Шли кадеты вслед гурьбой,
Пели всей утробой :
- Со святыми упокой !
Всем мотив знакомый.
Педагог шипел во зле :
- Пойте ваши песни !
- Всё равно ведь в Сентябре
- Алгебра воскреснет. -
А с балкона толст и строг,
Глуп, как боцман флотский
Созерцал Директор-Бог
Генерал - Потоцкий.

Начало 20 века.

УЧИТЕЛЮ РИСОВАНИЯ

Как-то раз глубокой ночью,
Шел с Кабешанов
Виноватый перед Богом,
Саша Королев.

У него испачкан китель,
Порваны штаны
На лице его сияет
Радость сатаны.

Пелось на мотив : "Как во нашей деревушке..." от 14 до 19 годов.

\+ \+
\+

Однажды Бог восстав от сна,
Сидел с сигарой у окна
И разговаривал с Петром
С своим любимым денщиком.

Теперь мне хочется создать,
Такое жалкое творенье,
Чтобы от всех ему страдать
От всех терпеть пренебреженье !

- "Я, мнится, много сотворил,
Я создал Свет и создал Мир,
Готовы Буры, Англичане,
Я создал много всякой дряни!"

И вот всех райских мудрецов
Он созывает для совета:
СОЗДАТЬ - ПЕХОТНЫХ ЮНКЕРОВ
Решили члены комитета.

\+ \+
\+

Курс окончен наук. Я теперь офицер,
Я счастлив, я душой именинник,
Я лечу прямо к ней, ненаглядной моей,
Даже взяв "Извозца" за полтинник.

Но лишь к ней я взошел,
Как с вопросом она :
- "Как доход твой велик ?"
Я - главою поник,
От такой неожиданной прозы.

Неужели доход нужен мой ?
А не я ? Я ... ? Любовью так долго томимый,
И махнул ей с плеча: "Сорок два Целкача...
Сорок два с половиной !" -

Дева стала бледна,
- Я не буду твоя...
Ты забудь дружбу тихую нашу,
И другую ищи,
Что-б с тобой ела щи
Да по праздникам - манную кашу. -

Я от девы бежал, и скитался всю ночь
Дикой злобой, уныньем томимый,
И спустил сгоряча,
СОРОК ДВА ЦЕЛКАЧА,
СОРОК ДВА с ПОЛОВИНОЙ.

В. КОРОЛЕНКО (вып. 1917 г.).

По случаю кражи у Инспектора классов Данкова.

Однажды чудной ночью лета,
В Барано-Данковский дворец
Залез на счастие кадета
Вор-кабещанец, молодец.

На утро Данков в изумленьи,
Кричит: - О Боже ... неужель...
Пропала радость, утешенье
С подкладкой красною... шинель?!

Март 1917 года.

Вы знаете ? Россия дорогая,
Россия мать, в мученьях умерла,
В мученьях умерла, сынов своих не узнавая. -
Да, дети Родины, мать ваша умерла.

Русь умерла, могучая святая,
Всё благородство, честь, вся слава дней былых,
Но долго мучилась, страдала умирая
И вот последний крик, последний вздох затих.

И так уж много прошлыми веками
Страдала за других, другим - всё отдала
И вот замучена сынов своих руками,
Да, дети Родины, мать ваша умерла.

Кадет В. КОРОЛЕНКО (вып. 1917 года)
Сообщил С. Кохановский.

Записано по памяти Кадетом БУГРЕЕВЫМ.

I.

Как-то раз, в начале Мая,
Кадет экзамены сдавал,
И ровно ничего не зная,
Перед учителем стоял

Учитель был угрюм и мрачен,
Кадет взирал на потолок,
Исполнен горя и печали,
Он слова вымолвить не мог.

- "Позвольте... господин учитель!
Билет мне свой переменить..."
- А я, Вас сударь, понимаю,
Для Вас .. билетов больше .. нет!

"Нет, - билетов лежит - куча"
Сидит учитель, словно туча.
Кадет другой билет берет,
- Что Вам попалось.. покажите

Учитель рвет билет из рук
- О Македонском.. расскажите!
-"А.. Македонский, молодчина
И выпить был не дурачина !

Ведра два в сутки выпивал
Закуски вовсе не любил,
Закусывал одной селедкой
И Буцефала покорил."

2.

Боже мой, Праведный, что за мученье
Ноченьку целую спать не дают:
Вот показалися три уравненья,
Стройно, красиво идут.

Группа кадетская, дружной ватагой
С плоскостью выпить пошли,
Франт-радикал, с треугольником в шляпе
Вот показались вдали...

......

......

(Окончание забыто)

Неизвестного поэта выпуска 1918-го года.

Воскресенье 1959 года

На панихидное служенье
За наших умерших друзей
Собрались в это Воскресенье
Полтавцы всей семьей своей.

Пришли мы все для благой цели:
Она нас всех объединила
Молились мы за Булацеля,
И за усопшего Кирилла.

Владыка наш Преосвященный
Архиепископ Иоанн
Молил Создателя Вселенной,
Что-б им покой был вечный дан.

Но вот закончено моленье
Печальных наших панихид
И наше всё Объединенье
Пошло на Félicien-David.

Желаньем добрым пламеняя,
Обед был приготовлен там,
Трудом Маргуши, Алексея -
И помощью Полтавских дам.

За стол уселись, кто как мог..
Но вот - чудесное явленье :
На блюде нам несут пирог,
Дарьи Филипповны творенье.

Пирог - не тема для поэта,
Но должен я признаться вам,
Что не простой пирог был этот,
А Царь всем русским пирогам.

За пирогом пошли закуски,
Селедки, шпроты, холодец,
Всё было сделано по-русски
Какой хозяин молодец...

Минутой общего молчанья
Мы помянули двух кадет
И стало грустно, при сознаньи
Что их уж больше с нами - нет.

Обед удался нам на славу
И под веселый шум и гам
Мы вспоминали про Полтаву,
И пили за здоровье дам.

И водки разливное море
И вин отборнейших нектар
Заставили забыть про горе,
И то - что каждый .. уже стар.

Мы были снова, как кадеты
И понимали всей душой,
Что лишь подобные обеды,
Объединят нас меж собой.

Прошло у нас, всё мило, дружно
Без лишних споров и обид
Как значит было нам всем нужно
Пойти на Félicien-David.

Неизвестный поэт.

Вып. 1918-го года.

С У Л И М А . 15-го Декабря 1963 года.

Стихотворение.

В день праздника, сегодня корпусного,
Забудем нашу жизнь среди всего чужого,
И воскресим мы образы родного,
Давно ушедшего, но близкого такого.
Фуражка и околыш красный
Мне вспоминаются, как сон...
И вижу вновь, такой прекрасный,
Я, с белым кантом, синий наш погон.
На нем два П, но по латыни
Сплелись в причудливый узор.
Зачем скрывать: ведь и по ныне
Сей вензель радует мой взор !
Зимою - черные шинели,
В мороз - крестом на них башлык,
Семь пуговиц золотом горели,
У первой роты: в ножнах, с боку, штык.
Кадетский строй, в рубашках белых,
Равненье летом держит на плацу
Винтовки видно уж в руках умелых
Приемы четки, ученье близится к концу.
Вписали в Звериаду наши мы заветы,
И выпускных экзаменов пришла пора,
Теперь, мы больше не кадеты,
А молодые юнкера...
Семь лет прошло кадетской жизни,
Где нас учили и не зря...
Быть сыном верным для Отчизны,
За ВЕРУ, РОДИНУ, ЦАРЯ.
И вот теперь: прошли года,
Десятки грозных, тяжких лет,
И каждый горд, что был всегда
Везде, повсюду он кадет.
За нашу тихую Полтаву,
За Корпус, шефа нашего - ПЕТРА,
За их немеркнущую славу,
Все крикнем: Русское У Р А !

С у л и м а . 28-го Декабря 1963 года.

Вот стоит уж у ворот
Чудный, новый, светлый год
Шествует четвертый,
Ясный, не потёртый.

Будет годом он блестящим,
Наградит Вас только счастьем,
Даст здоровья и всех благ
Как волшебный, дивный шаг !

Сменит радостью печали
И всё то, о чем мечтали
Станет явью повседневной
Без заботы ежедневной.

Даст Вам средства жить беспечно,
Не сидя в конторе вечно,
Будут деньги без извоза
Без клиентов, без "навоза".

Мы плохую лишь видали
В жизни сторону медали,
Жизнь бывает хороша
Не для тех, кто без гроша.

Что-б медаль бы повернулась,
Жизнь, что-б Вам бы улыбнулась
От души мы Вам желаем
С Новым Годом поздравляем.
Нежно к сердцу прижимаем
И по братски Вас лобзаем.

С У Л И М А

П. В О Л О Ш И Н .

О, если было-бы нетрудно
Вдруг жизни бег остановить..
Как ленту фильма: на секунду
Остановить.. и вновь пустить.

Но не вперед.. причудливым узором
Пустить назад, чтобы взглянуть
Еще хоть раз пытливым взором
На долгий жизненный свой путь.

Себя увидеть мужем зрелым,
Потом - крутя еще назад
Стать сразу юношей несмелым,
Вступившим робко в жизни сад.

Увидеть Родину такою,
Какой была давно она
В дни мира, тихого покоя
Без преступлений и без зла.

Увидеть милую Украйну,
Вишневый садик при реке
И лик луны в ставке - печальный
И берег низкий - в осоке.

Послушать шум Днепра седого
Взглянуть на Киев,хоть мельком,
Что-б у Владимира Святого
Вновь - осенить себя крестом.

Вздохнуть у берега близ кручи,
Где серебрится светлый Псёл
И в узкой лодке без уключин
Проехать на знакомый дол.

Зайти в желтеющую ниву,
Где серебрятся васильки
И слушать, как поют лениво,
Дивчата за рекой вдали.

В Диканьку - заглянуть бы рано
Пройти с начала - до конца
И в каждой хатке поискать Оксану,
Или Вакулу ... кузнеца.

Ведь здесь сам чёрт
"Заправский щеголь",
Зимою месяц воровал
И Николай Васильич Гоголь
С Рудым Панько здесь пировал.

Но ... дальше в путь: старинным шляхом
В Полтавы милые сады,
На луг, где с пылким Шлипенбахом
Сражались русские полки.

Где Карл, от ран изнемогая,
Бежал с Мазепой от Петра
И где долину оглашая :
ДАЛЕЧЕ, ГРЯНУЛО УРА !

Мой милый друг! Мой добрый гений!
Позволь назад еще крутя,
Себя увидеть на мгновенье
Подростком (самого себя !),

Мальчишкой, белобрысым, тонким,
Глядящим в мир земной,
Открытыми глазенками
И с чистою душой,

Позволь одеть с погонами
Мундирчик (хоть на час !)
Минуя зал с колоннами
Вбежать в свой третий класс

На парту сесть у стенки,
И в руки взять тетрадь,
Соседа Ильяшенко
Под партой пощипать.

Подраться с наслаждением
На переменке с ним
И кончить примирением
За сказкой братьев Гримм.

На клирос церкви в корпусе
С альтами стать, как встарь
Что-б тонким детским голосом
Воскресный спеть Тропарь.

И наконец .. зимою снежною,
Дай сесть в вагон большой,
Чтобы дорогой прежнею
- Проехать в дом родной.

Вбежать по лестнице стрелою,
Отца и мать обнять,
Сестру с косичкою смешною
До слез зацеловать.

Под лампой керосиновой
Сесть всей семьей за стол,
Где самовар старинную
Уж песенку завёл.

Потом - присесть бы с мамою,
На детскую кровать,
Прижаться к ней по старому,
О многом - рассказать.

И руку похудавшую,
С колечком золотым,
(Так много нас ласкавшую)
Прижать к губам своим.

Перепечатано из газеты "ВЕСТНИК" № 64, 1959 г.

ПОЛТАВЦАМ К ИХ 125-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ.

- У лукоморья дуб зеленый.. -
Златая цепь на дубе том, -
Так Пушкин рифмою суровой
Руслана начал первый том.

Для нас Полтавцев "дуб зеленый"
Был - Круглый сад, "Ученый кот"
Был наш Директор - неизменно
Гулять нас гнал он из ворот.

Идешь направо: Суд Окружный,
Налево: Двухэтажный кров,
В нем жил Директор, нам не нуж
нужный,
Потоцкий-Генерал, за ним -
Попов.

Все чудеса внутри таились:
Не мало было там "зверей"
Они премудрости учились,
Кляня своих учителей.

Чудес там было и настолько,
Вернее - "непочатый край"
Был, например, Голобородько
И Кошиц, он же и Парай.

Был там историк Жан
Павловский,
И физик Люсин - театрал.
Был знаменитый Мочуговский
И Данков - штатский
Генерал.

Был грозный чех - Коваржик строгий,
Его боялись, как огня,
Жаке - Нума - француз "убогий"
Вонял сигарою дымя.

Был Фишер - Пуцер там дородный,
И ряд суровых лекарей,
И Щиголев наш благородный
И Волков - портретист Царей.

И было четверо - Иванов:
Морозов, Ризенко, Байдак - улан
И наконец "стакан" разбивший легендарный
Полковник Чемезов - Иван.

- Нас всех учили понемногу,
Чему-нибудь и как-нибудь - ...
И всё-же, всё-же, слава Богу,
Добром кой-что есть вспомянуть.

О, Мительштейнер ! Добрый Фатер !
Твои стихи я помню и теперь :
Es war einmal ein Kater
Der knurrte täglich sehr...

Марго - учебник многолетний
Нас научил, что шум квартир
Лишь потому, что в комнате соседней,
"Вкушает дедушка свой сыр".

Всему учили, и не мало !
Учили нас маршировать,
И как почтенным Генералам
Во "Фронт" нам нужно лихо стать.

Учились прыгать с юным пылом,
Через бревно, хотя оно
Безполое звалось : Кобылой
А уж, конечно, не "Бревно".

Гордились именем Петровым,
И звали корпус наш гнездом,
Где нас, с усердием суровым
Внушали быть его "Птенцом".

Был Цук, куплеты Звериады,
И даже Цук казался мил.
Мы все считали: так и надо !
Он нас для жизни закалил.

Были концерты, где Габаев,
"Двух Зябликов" для нас играл,
Читал стихи поэт Нечаев,
И был чудесный зимний бал.

Был наш кумир и Властелин
Великий Князь, член Академий,
В кругах придворных: Лоэнгрин
Для нас: Отец и Добрый Гений.

Почти полвека, улетая,
Ушли уже давно с тех пор,
Но до сих пор всё вспоминая,
"Слеза туманит старый взор !"

П. ВОЛОШИН

П О Л Т А В С К И Е   К А Д Е Т Ы

З А   Р У Б Е Ж Е М.

"Стены Корпуса в Хабаровске, в Полтаве,
"В Петербурге, в Тифлисе, на Дону
"Говорили нам о старой Русской славе,
"О том, как чтить седую старину !"

Бывший Кадет.

Страшные годы пронеслись над нашей Родиной: первая мировая война, в которой не мало Полтавцев сложили свои головы на полях Галиции, Восточной Пруссии, Саракамыша, Эрзерума и в других местах. Затем, война гражданская и, наконец, последовавшие за ней целый ряд эвакуаций, сначала с Севера, Запада и Востока нашей Родины, а затем из Крыма в 1920 году. Эти эвакуации разметали наших однокашников по всем странам земного шара, но произошло это последовательно - по этапам.

И вот тут то и сказалась корпусная закваска с её высокой моралью, давшая почти всем силы и волю побороть первую растерянность и незнание иностранных языков, для завоевания себе места под солнцем на чужбине.

На первых порах чего только не приходилось делать ! Работать на пристанях, разгружать и нагружать пароходы, в шахтах, на железной дороге, у рабочих грязных станков на заводах и даже в моргах - мыть трупы и т.д.

Некоторым исключение являлись музыканты, хорошие певцы, да и то не все. Большинство не избежало тяжелого, непривычного физического труда.

Большая часть Полтавцев не покинула Европу и в первые годы осела в Балканских странах, а затем частично в Западной Европе и в частности во Франции.

Уже с 1923 года, в Париже, первые случайные встречи на улицах, на заводах, за рулем текси; все стремились как-то устроиться, найти оседлый уголок, где можно было-бы как-то прийти в себя и хоть немножко вздохнуть от пережитого.

Случайные встречи, конечно, никого не удовлетворяли: кадетская спайка и дружба требовала большего, а именно - собраться вместе, вспомнить старину одним, а всем родной Корпуса, спеть Звериаду, выпить рюмку водки, но ... для этого нужна была какая-то организация.

Инициаторами были: Полк. Тимченко (вып. 1911 г.,Дроздовец), и совсем юный моряк Сергей Александрович Кохановский (вып. 1918 года). Первый становится Председателем этой инициативной группы, второй - Секретарем, и на их объявления в русских газетах, в том же 1923 году, радостно откликнулось большинство Полтавцев.

Значительно позже стало известным, что нашлись и такие, которые отнеслись к этому делу отрицательно:

- "К чему всё это ? Ведь это всё умерло раз навсегда... Прошлое... Игра в солдатики..."

Но таковых оказались единицы. Можно лишь удивляться, как быстро у них исчезло даже чувство локтя ... и пройдет еще не мало лет, когда попав в беду, они же вспомнят, не покраснев, что есть, ведь, организация из однокашников, которой можно "потребовать" помощи, что они и не преминули сделать. Такой нашелся даже в 1965 году. И почти всем эта помощь была оказана, не считая "беззаботных" покойников, которых пришлось хоронить.

Но вернемся к инициативной группе:

Благодаря ей и возникло наше Объединение. Дальше всё покатилось, как снежный ком: к концу 1927 года по списку числилось 101 кадет, - давших о себе знать.

В 1924 году было первое общее собрание. На нем старейшим оказался Ник. Мих. Псиол (вып. 1881 года), в прошлом Поручик Ахтырского гусарского полка и бывший предводитель дворянства. Он и был единогласно выбран Председателем Объединения, а С.А. Кохановский - Секретарем.

Все оставшиеся в живых, помнят период пышного расцвета нашего Объединения: многолюдные обеды, вечера, даже концерты. Все мы были тогда относительно молоды, могли и потанцевать и попеть и выпить. Многие не были еще обременены ни женами, ни семьями, ни потомством.

"ГНЕЗДО ПЕТРОВО"

" И слышим глас мы: Полтавские Кадеты!
" Я среди вас, в вас сердце и душа моя,
" Так будьте-ж пламенно согреты
" Любовью к Родине, как я"!...

Н.А. СВИДЕРСКИЙ.

(Из стихотворения, произнесенного на Полтавском обеде в Санкт-Петербурге, в Собрании Армии и Флота, 5-го Декабря 1907 года).

В Воскресенье 22 декабря 1928 года, так как годовщина основания родного Корпуса выпала на среду 19 декабря (6-го декабря ст. стиля), Объединением Полтавских кадет было отслужено молебствие в Русской церкви на rue Daru, по окончании Литургии, с провозглашением Вечной Памяти Императору ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, Императорам: НИКОЛАЮ I-му, АЛЕКСАНДРУ II-му, АЛЕКСАНДРУ III-му и НИКОЛАЮ II-му, и всем бывшим кадетам Петровского Полтавского Кадетского Корпуса на поле брани живот свой положившим, и в смуте убиенных. Молебен служил Протоиерей Сахаров в сослужении с последним Законоучителем Корпуса Протоиереем Четвериковым. Пел митрополичий хор под управлением Н.П. Афонского.

По окончании молебна, по установившейся традиции, семья Полтавских Кадет собралась на годичное Общее Собрание в "Crémerie Centrale", 2 rue Châteaudun, по окончании которого, там же состоялся товарищеский обед.

Открывая Общее Собрание, Председатель Объединения Н.М. Псиол напомнил о понесенной в истекшем году тяжелой утрате последней Русской ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ, и поделился с Собранием своими личными впечатлениями о встречах с Ней и Её жизни в Киеве, как во время Мировой Войны, так и после отречения ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II-го. Собрание в молитвенном и благоговейном молчании, стоя, почтило память в Бозе почившей ИМПЕРАТРИЦЫ.

По единогласному постановлению Общего Собрания, избран Почетным Членом Объединения, один из старейших Кадет Корпуса, Генерал-Лейтенант Римский-Корсаков, выпуска 1875 года.

Затем в Ревизионную Комиссию избраны: В.Г. Гаврилов, В.Г. Лисенко и М.Ф. Педашев. Секретарем Объединения Р.К. Павловский, Помощником Секретаря А.Ф. Фокин и казначеем - В. Станиславский.

Члены Правления, согласно Уставу Объединения, комплектуются из старших по выпуску из Корпуса и проживающих в Париже (См. ниже напечатанное Примечание - Н.А. Караченцева).

Усердием бывшего Секретаря Объединения С.А. Кохановского и молодежи, зал был красиво декорирован значками, погонами, лентами и пр., с портретом патрона Корпуса Императора Петра Великого на главном плане.

Среди собравшихся, в первый раз присутствовали: Генерал-Лейтенант Римский-Корсаков и последний законоучитель Корпуса о. Протоиерей Четвериков.

Было произнесено много речей, посвященных Родному Корпусу, из которых особенное внимание привлекли речь Ген. Римского-Корсакова и трогательное слово о. Четверикова о взаимном единении, получившего, как известно всем интересующимся духовной жизнью эмиграции, вполне заслуженную им оценку и на чужбине, что особенно радостно всем Полтавским Кадетам.

Присяжным поэтом Полтавских обедов, почти беспрерывным участником таковых на протяжении с лишком 20-ти лет, Н.А. Свидерским был сказан стихотворный экспромт:

" Мы на чужбине вот уж слишком десять лет
В борьбе за кров и за кусок насущный хлеба
Исколесив все страны, чуть не целый свет,
Но до сих пор не увидав родного неба...

Изгнанье тяжело и душен чуждый кров,
Россия-ж, наша Мать, столь милая, родная
Уходит в даль, как будто сказка детских снов
В тумане серых дней, как призрак исчезая.

Как закрепить в себе лицо страны родной
И уберечь её от мертвого забвенья?!...
Любовью к ней и верою в неё живой,
Союзом крепким дружбы, братского общенья.

Мы собрались сюда во имя славное Петра,
Свидетели живые прошлой Русской славы,
Закату коей не пришла еще пора, -
Вулкан почти потух, но слышен рокот лавы...

Нам нужно сохранить в себе до лучших дней
И русский дух и нашу русскую культуру,
Не растворив в потоке призрачных огней
Столь самоценную славянскую натуру...

Сольемся-ж дружно здесь, под знаменем Петра,
Кадеты старые родной для нас Полтавы,
И пусть предвестником грядущей Русской Славы,
Летит из этих стен: могучее У - Р - Р - А !!! "

Перед началом обеда и по окончании, всеми присутствующими были пропеты молитвы: "Очи всех на Тя, Господи, уповают" ... и "Благодарим Тя, Христе Боже наш"...

Обед прошел очень оживленно в тесно сплоченной дружеской семье, в задушевной беседе и в воспоминаниях дорогого прошлого. Не были забыты и старые кадетские песни и популярные песни Малороссии.

Конечно, настоящий обед не отличался ни роскошью, ни даже торжественностью прежних Полтавских обедов в собрании Армии и Флота в С. Петербурге и затем в Петрограде, но он был обвеян тем же неизменным Кадетским духом старого, доброго времени, тою же неизменною любовью к родному гнезду и к милой Родине, несмотря на тяжелые переживания и долгие годы скитания, как каждого в отдельности, так и всех вместе взятых участников этого обеда.

Н.А. СВИДЕРСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЕ: Никакого Устава Объединения еще не существовало в 1928 году, а лишь старый принцип местничества, т.е. старшинства по году выпуска из Корпуса, для выборов членов Правления, да и то он не соблюдался полностью - ведь С.А. Кохановский был выпуска 1918 года, а А.Ф. Фокин - 1919 и В.И. Станиславский - даже Югославского 1922 года.

Разработка настоящего Устава, начавшаяся в 1932 году сохранила принцип старшинства, так понятно приятного для самолюбия пожилых однокашников. Устав был официально зарегистрирован в 1934 году. Условия жизни на чужбине, заставят скоро многих, но далеко не всех, понять всю нелепость этого местничества.

У нас, на Общем Собрании 10-7-1938 года, открытом мною, как заместителем Председателя, это вызывает логичное изменение некоторых параграфов Устава и заставит Полк. К.Ф. Стааля неделю спустя (17-7-1938) обеспечить эти перемены.

В других же Объединениях - возникнет раскол и приведет к неизбежному нарыву, вскрытие которого вызовет образование 22-го октября 1950 года - Обще-Кадетского Объединения. Полтавцы-же, индивидуально, было свободны состоять одновременно в любой организации.

Д-р Н. КАРАЧЕНЦЕВ.

Через год, или два, уходит в другой мир Н.М. Псиол. На его место избирается Полковник Константин Федорович фон-Стааль (вып. 1885 года), Секретарем С.П. Кисель-Загорянский, а Казначеем Д-р Караченцев.

Полк. В.Г. Гаврилов, в России был архитектором Киевской городской Думы. Это он с Н.А. Караченцевым займутся разработкой Устава Объединения (1932-1933 годы).

7 мая 1933 года, Д-р Караченцев, взял на себя издание стихов нашего баяна, Капитана Н.А. Свидерского. Ни одного экземпляра, в настоящее время - не удалось найти.

На Общем Собрании 27-го Августа 1933 года узнаем, что отцу С. Четверикову была пожалована митра.

Решено поднесение ему адреса, приложив его к альбому фотографий с погоном корпуса. Приведение в исполнение возложено на Н.А. Свидерского.

Доктор Караченцев огласил полностью законченный проект Устава Объединения. После прений, он был принят без изменений, большинством - против одного, В.И. Станиславского.

В 1934 году, его перевод на французский язык и регистрация Объединения в Префектуре, дали Объединению права юридического лица, со всеми вытекающими привиллегиями по законам Франции.

Затем Объединение вошло в одну из национальных организаций Франции: Бывших Комбатантов.

Проживавший в Париже артиллерист Полк. Б.Д. Приходкин, сдавший выпускные экзамены в нашем корпусе, неизменно посещал все наши встречи. Ту роль, которую сыграл Борис Дмитриевич для объединения всех Российских Кадет, все кадеты хорошо помнят. Это был воистину Вечный Кадет, всегда готовый пошутить, прекрасный рассказчик эпизодов кадетской жизни, помнящий все традиции, с феноменальной памятью дат, имен и т.д.

После открытия в СССР кадетских корпусов, он получил предложение применить свои выдающиеся качества на посту офицера-воспитателя, на что он ответил: - "Там, где донос заложен угловым камнем воспитания, мне делать нечего".

Конечно, забыть его невозможно. На его могиле надпись:

КАДЕТЫ - КАДЕТУ

и он жив в наших сердцах до сих пор.

Полковнику Стаалю, всем сердцем помогала его супруга. Она ввела в нашу среду многих жен Полтавцев, что, конечно, подняло с одной стороны интерес наших встреч, хотя и пришлось придерживать немного языки при пении некоторых куплетов Звериады.

---

12 апреля 1936 года был получен проект о создании Союза Российских Корпусов, для чего необходимо было делегировать от нашего Объединения двух кадет. Таковыми были выделены: Полк. Гаврилов и Трещенков, для выбора Правления проектируемого Союза.

14 июня 1936 года - доклад Правлению, что Ген.-Лейтенант А.А. Алексеев был избран Председателем Правления С.Р.К.К., Полк. Гаврилов, одним из двух Вице-Председателей, а Трещенков остался представителем от Полтавцев, с правом голоса.

22 декабря 1936 года С.Н. Трещенков просит его освободить и от Секретарства Объединения и от представительства в С.Р.К.К. На это представительство единогласно выбран Доктор Медицины Н.А. Караченцев. Таким образом, с декабря 1936 года, Д-р Караченцев входит от Полтавцев, как полноправный член Правления С.Р.К.К., оставаясь Казначеем Объединения с декабря 1932 года.

10 июля 1938 года, Общее Собрание Объединения открывает Д-р Караченцев, как заместитель Председателя и вводит изменения в некоторых параграфах Устава Объединения, упраздняя обязательное старшинство для выбора в Правление, и тем оживить его деятельность. Председателем этого Собрания был избран Е.Н. Сыкалов.

17 июля того же года Полк. К.Ф. Стааль принимает эти реформы Устава и Председателем избирается Полк. Петровский (вып. 1913 года), а его заместителями: Д-р Караченцев, Полк. Гаврилов и Е.Н. Сикалов, которым приходилось затем иногда председательствовать на Общих Собраниях и на собраниях Правления.

В начале 1939 года Николаев (вып. 1918 г.) по инициативе Д-ра Караченцева, разослал призыв однокашникам, отметить Столетие Корпуса в 1940 году.

В январе 1940 года, Д-р Караченцев мобилизован и передает все дела и наличные деньги Полк. Гаврилову.

За довоенный период были Секретарями: С.А. Кохановский, Полк. Гаврилов, Кисель-Загорянский, Полк. Приходкин, С. Трещенков и Николаев. (Второй, четвертый и шестой - ушли уже в иной мир). Безжалостное время унесло и Стааля и его супругу.

В 1942 году Председателем был избран, энергичный, и ныне известный не только в Париже, Доктор Медицины Н.А. Караченцев. Он был вице-фельдфебелем выпуска 1918 года.

При нем состав несколько изменился: Секретарями были последовательно: Николаев, Милорадович и Климович (все трое скончались). Как он, так и его помощники сделали много добра и помощи многим из Полтавцев.

Это его Председательство длилось 12 лет.

С 1954 года были последовательно Председателями (по 3 года):

С 1954 по 1957 - Б.Н. Вербицкий, Ахтырского гусарского полка.

С 1958 по 1961 - П.Ф. Волошин-Петриченко, один из шести братьев: Глеб, Федор, Михаил, Тимофей и Игорь, все - Полтавцы.

Декабрь 1961 года Доктор Караченцев, вновь избран Председателем, но смог посвятить свои силы Объединению лишь с декабря 1962 года. Секретарем и Казначеем в течение многих лет состояли и состоят: С. Трещенков и А. Заводов.

За 42 года своего существования в Париже, почетными членами Объединения были избраны:

Генерал-Лейтенант В.В. Римский-Корсаков (скончался),
Полковник Б.Д. Приходкин (скончался),
А.А. Скрынька.

Почетным Председателем: Полковник К.Ф. Стааль.

С 15 декабря 1963 года поставлена задача: издать Юбилейный Сборник к декабрю 1965 года, 125-ой годовщине Основания нашего Корпуса.

С сентября 1964 года, привлечен к работе в Правление по изданию сборника П. Волошин.

Д-р Караченцев, всё свое свободное время и сколько ночей, этого мы не знаем, посвятил на эту столь кропотливую работу: сводка, проверка и корректирование отпечатанных воспоминаний однокашников.

За год непрерывной работы, выяснилось, что необходимо перейти на другие рельсы, требуются крупные суммы, которые нужно достать.

В настоящее время старейшими Полтавцами во Франции являются: В.А. Тальвинский и Н.А. Козаков (оба вып. 1894 года, но последний в Югославии), Р.И. Горленко (вып. 1897 года).и Кап. 2-го ранга И.И. Волковников (вып. 1900 года).

В 1965 году, нами составлен список Полтавцев в рассеянии. Он, надеемся - не полный, но и его собрать, оказалось не так просто, ведь последним "Могиканам" перевалило "с гаком" за 60 лет. Вот он:

ФРАНЦИЯ : В.А. Тальвинский, Р.И. Горленко, И.И. Волковников, Ильяшенко, Н.Н. Клобуков, П.Ф. Волошин-Петриченко, В.Н. Вербицкий, Б.П. Барановский, кн. В. Волконский, А.Н. Заводов, Н.В. Сулима, Л.С. Богомолец, С.А. Кохановский, Н.П. Миргород, Е.Е. Авраменко, М.С. Данилов, С.Н. Трещенков, И.П. Дацевич, В.М. Карякин, Ю.В. Геништа, И. Жилкин, В.Н. Бунин, Е.А. Чепурковский, А.Ф. Климович, Г. Стреха, И.К. Щедрин, К.А. Календо, С.В. Юрьев, Н.Н. Ломаковский, П.М. Воропаев, Р.К. Павловский, А.А. Трунов, И.И. Лошунов, Б.В. Сабо, Г. Осташевский, Ал. Бугреев, Н.А. Караченцев, Дублянский, Е.В. Май, А.И. Василевский.

БЕЛЬГИЯ : Ан. Бугреев, М. Колоколов, Попов, Вс.А. Календо, М.В. Дмитриев, Н. Фертов (вып. 1901 года).

ГЕРМАНИЯ : С.П. Кисель-Загорянский, Б.В. Ефремов.

АНГЛИЯ : Дайде (муж балерины А. Павловой), Г. Ильин, П.Н. Лисеневич, А. Макарович.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ : В.П. Габаев, С.Н. Ряснянский, Шуневич, Петров, Мартиненко, Архиепископ Иоанн (Михаил Максимович), М.В. Потоцкий.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА :

Аргентина : Вс. Вл. Юргенс и Годунский
Уругвай : М.Д. Каратеев.

АФРИКА : Турцевичи (два брата).

ЮГОСЛАВИЯ : Н.А. Казаков, С.П. Сахновский.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ : В. Можайский, кн. К. Чхеидзе, Сурин, С.А. Попов, Бутович.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ КОРПУСА :

Андрей Абрамович Скрынька, русский язык, проживает в Каннах, Франция. Инна Петровна Скуридина (бывш. Делова), французский язык, живет с мужем в Сан-Франциско, С.Ш.А., но там преподает Русский язык.

Большой интерес представляет, хотя бы краткое описание трудового, тяжелого пути, потребовавшего не мало энергии и сил, пройденного каждым Полтавцем, но к сожалению, у Правления нет всех необходимых данных, и оно принуждено использовать лишь материал, которым оно располагает.

Общим знаменателем является неоспоримый факт, что Полтавцы не погрязли в труде чернорабочих, подметальщиков улиц, уборщиков нечистот.

А ведь пришлось пройти и через это !

Во Франции, во многих профессиях существовала пресловутая "квота" для иностранцев; одним из исключений составляли шоферы такси. Но и для этого необходимо было знать на зубок улицы и маршруты Парижа, для сдачи экзамена при Префектуре, пройдя предварительно там-же экзамены на знание шофера, правил уличного движения и сдать успешно испытания lors de la Grande remise,т.е. маневрируя среди колышков, не опрокинуть ни одного и, наконец, задним ходом, поставить автомобиль вдоль тротуара так, чтобы соответственное заднее колесо прилегло бы к нему вплотную. Кажется никому не удалось сесть за руль без перезкзаменовки.

Не говоря о деньгах, это требовало времени и кандидатам пришлось всё это зубрить после тяжелого дневного или ночного физического труда.

Это оказалось самым коротким, для некоторых временным, но всё-таки выходом для Полтавцев, живущих в Париже или его окрестностях, чем и объясняется большое количество работающих "за рулем".

Многие и в этой работе проявили не мало напористости и в настоящее время являются не только владельцами машин, но хоть маленькими, зато собственными дачками, а иногда и купленными квартирами.

Затем необходимо остановиться и на тех Полтавцах, которым их способности, наклонности или таланты, позволили проявить себя и в других областях, но и здесь большинство не избежало предварительного, часто долгого, черного труда.

Перечисление этих профессий интересно само по себе, а кроме того невольно поражаешься тому широкому вееру, в пределах которого развернулась их деятельность, имея как крайности, Архиепископский сан и научные открытия в медицине.

ШОФЕРЫ ТАКСИ : Дублянский, П.М. Воропаев (был одно время коммерческим представителем), Б.В. Заньковский (скончался), Е. В. Май, Н.И. Петровский (скончался), А.Н. Заводов (работал на шахтах и матросом в Греции), Б.П. Барановский, С. Дерфельден (скончался), А.Ф. Фокин (скончался), Б.В. Сабо, И.К. Щедрин, В.Н. Вербицкий (имел раньше починочную мастерскую), Б.В. Ефремов, Г. Осташевский, Н.Н. Трофимов (скончался).

ГЛАВНЫЙ СЧЕТОВОД : Н.В. Сулима, был парикмахером и коммерсантом.

ГЕОЛОГ : Р.К. Павловский, был шофером.

ПАРИКМАХЕР : К.Ф. Стааль (скончался).

ДАМСКИЙ ПАРИКМАХЕР : И. Жилкин.

КОММЕРСАНТЫ : С.А. Кохановский, был шофером, в настоящее время имеет гастрономический магазин, С.П. Кисель-Загорянский, В.В. Николаев (скончался).

ФАБРИКАНТЫ : М.С. Данилов, имеет небольшую фабрику, инженер-электрик.

МУЗЫКАНТЫ : П.Ф. Волошин-Петриченко, регент, композитор, имеет класс в Русской консерватории, В.П. Габаев, пианист, церковный деятель, Г. Стреха, известный дирижер великорусского оркестра и его основатель.

РЕДАКТОР ГАЗЕТЫ : Г.Ф. Волошин-Петриченко (скончался).

КЕРАМИСТ : М.В. Дмитриев.

ПИСАТЕЛЬ И ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАНИСТ : М.Д. Каратеев, он же и инженер.

МАЛЯРНОЕ ДЕЛО : А.Н. Дацевич и Г.Г. Мартос.

ДОКТОР МЕДИЦИНЫ : Н.А. Караченцев, был: грузчиком, санитаром, смазчиком на писчебумажной фабрике, маляром. В настоящее время известен, как научный работник по раковым заболеваниям, не только во Франции, но и за её пределами.

ПРЕПОДАВАТЕЛЬ МАТЕМАТИКИ : Е.Н. Сикалов, окончил кроме того теологический институт при Ватикане (скончался).

МАЛЯРЫ : Кн. В. Волконский, кроме того ночной сторож.

ХИМИК : В.М. Карякин.

ВЛАДЕЛЬЦЫ РЕСТОРАНОВ : Е.А. Чепурковский, в настоящее время эконом в старческом доме, Н.И. Яковенко-Мариничч (скончался).

ОФИЦЕРЫ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ : Л.С. Богомолец младший, заведывал постройкой быстроходных ведетт в Антибе с 1929 г. по 1939. Как Лейтенант-Артиллерист французской армии был награжден в июне 1940 года Военной Медалью с бронзовой звездой За Храбрость.

ДЕКОРАТОР : В.С. Богомолец старший (скончался).

ПОВАРА : Н.А. Тимченко (скончался) и А.А. Трунов.

ИНЖЕНЕРЫ : С.Н. Трещенков и С.А. Попов.

ИНЖЕНЕР НЕФТЕОЧИСТИТЕЛЬНЫХ ЗАВОДОВ ESSO ЕВРОПЫ И ДРУГИХ СТРАН : И.И. Лошунов, полиглот: немецкий, английский, французский, испанский, итальянский и др. Окончил Conservatoire National des Arts et Métiers в Югославии, а затем, после конкурса и в Париже

ГОРНЫЕ ИНЖЕНЕРЫ : В. Можайский и Сурин.

АДВОКАТ : Кн. К. Чхеидзе.

ШЕФ КОНСТРУКЦИЙ СИНЕМАТОГРАФИЧЕСКИХ ДЕКОРАЦИЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРОДУКЦИИ : Н.П. Миргород.

КОММЕРЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ : С.В. Юрьев, Н.Н. Ломаковский, П.М. Воропаев, был шофером.

АРХИЕПИСКОП : Владыка Иоанн (бывший кадет Михаил Максимович). В настоящее время в С. Франциско С.А.С.Ш.

БАНКОВСКИЙ СЛУЖАЩИЙ : Ю.В. Гениште.

ФИНАНСОВЫЙ ДЕЯТЕЛЬ (Titres) : А.Ф. Климович

ЭЛЕКТРО-ТЕХНИК : В.В. Юргенс.

Как всегда не ручаемся за полность. Редакция.

В большую заслугу следует поставить всем тем Полтавцам, которые ценою тяжелых лишений, дали своим детям законченное профессиональное и часто высшее образование (в различных и разноязычных странах) и этим не позволили им погрязнуть в исполнении трудной физической работы.

Затем эти дети, со свойственной всем русским талантливостью и упорством, как говорится "вышли в люди" и чернорабочих среди них - нет.

Это заслуга не только Полтавцев и вообще бывших кадет, но и всего культурного слоя Русской Эмиграции, и она заполняет одну из её героических страниц, о которой мало кто теперь вспоминает и пишет.

Если же настанет день и час, когда труд этого поколения, выросшего за границей, понадобится нашей Родине и найдутся еще уцелевшие старики, то они смогут подумать с гордостью, что они дают России не малограмотных рабочих, а знающих и ценных специалистов.

Д О К У М Е Н Т Ы

Копия с фотокопии.

1911 года 10 Августа дня, я нижеподписавшийся, даю свою подписку в том, что если сын мой Георгий Мартос по определению его в Петровский-Полтавский Корпус, буде подлежать по какому-либо случаю по распоряжению начальства заведения увольнению из оного, то я обязуюсь его немедленно взять из заведения, на мое попечение и возвратить корпусу числящиеся за ним казенные вещи и книги, а при утрате таковых уплатить их стоимость деньгами.

При этом мне объявлено корпусом: 1) что врачи осматривают всех воспитанников, являющихся из продолжительного отпуска, обращая особенное внимание на прибывающих из местностей, в которых обнаружились какие-либо заразные болезни. 2) Что вещи и платье таких воспитанников, подлежат дезинфекции, по усмотрению врачей и их наблюдением. 3) Что если во время нахождения в отпуску, у самого воспитанника, или в его семье была заразная болезнь, то по выздоровлении он должен явиться, в лазарет заведения и должен быть осмотрен врачем и только с разрешения врача может быть допущен в среду остальных воспитанников. 4) Что в случае надобности, все вещи его (бельё, платье и книги) подвергнутся обеззаражеванию. 5) Что по отношению к допущению в заведение таких воспитанников, которые страдали в отпуску заразными болезнями, или в семье которых есть заразные болезни, врачи руководствуются правилами, составленными применительно к таковым же, утверждённым медицинским Департаментом Министерства Внутренних Дел. 6) Если сын мой, или один из членов моей семьи, заболеет заразной болезнью, то я должен немедленно известить заведение с просьбой указать: как действовать и не отсылать сына в корпус до получения указаний.

При чём мне объявлено: что за несоблюдение этих правил, сын мой, согласно существующего положения, будет уволен из заведения на мое попечение, и 7) в случае экстренной надобности в производстве ему хирургической операции, и невозможности получения от меня на это согласия по телеграфу, или по почте, даю таковое.

Любавского полка Штабс-Капитан /П о д п и с ь/

Жительство имею /у к а з а н о/.

Копия с фотокопии.

№ I3I

I9I8 года 30 Мая месяца.

Б И Л Е Т

Петровского - Полтавского кадетского корпуса

Кадет I-ой роты ЛОМАКОВСКИЙ Николай,

уволен в отпуск к ...

сроком по I Сентября I9I8 года г. Полтава.

I. При загородном отпуске, по прибытии на место, где есть Воинский начальник или комендант, кадет должен явиться в управление и предъявить этот билет.

2. При невозможности явиться в срок - кадет обязан немедленно известить Корпус о причине неявки, если причина неявки болезнь, то доставить медицинское свидетельство, засвидетельствованное комендантом или воинским начальником.

3. Если кадет, или один из членов его семьи заболеет заразной болезнью, то родители, или опекуны, должны немедленно известить заведение с просьбой, указать - как действовать и не отсылать воспитанника в Корпус до получения указаний. За несоблюдение этого правила, кадет, согласно существующего положения, будет уволен из заведения на попечение родителей или опекунов.

Директор Корпуса :

АНТОНОВ

Ротный командир

Полковник : ПАРАЙ-КОШИЦ

Офицер воспитатель

М. П.

Билет явлен:

ПОЛТАВСКИЙ ИНСТИТУТ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

В ГОДЫ 1899 - 1906.

По краткому сообщению Елены ПОСНОВОЙ, урожденная Волошина -Петриченко, окончившая Институт в 1906 г.

ДИРЕКТРИСА: Представительная Княгиня Галицына, впоследствии Pézé de Corval (??).

КЛАССНЫЕ ДАМЫ: Обручева и Клиентова. Одни из лучших, строгих и знающих хорошо языки.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ: Попадич (прекрасный музыкант), Фиалковский (Русский язык), Сулжиков (дельный историк), Зубенко (География. Красавец, пользовался колоссальным успехом у всех институток), Жаке (Французский язык. Он-же педагог корпуса).

ОБЩИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛИ С КОРПУСОМ: Скоруто и Кальченко (оба математики).

Еда хорошая, вкусная, по преимуществу малороссийская ... вареники. Серьезно учили французский и немецкий языки. Кроме того дни, в которых говорили только или на французском или на немецком языке.

Традиционные спектакли. Обожание младшими старших.

П.Ф. ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО.

С И Н О Д И К   У М Е Р Ш И Х.

КАДЕТЫ ПЕТРОВСКОГО - ПОЛТАВСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

УБИТЫЕ И УМЕРШИЕ НА ЗЕМЛЕ РУССКОЙ.

1. БАРАНОВСКИЙ Николай
БУГРЕЕВ Дмитрий (вып. 1904 года). Шт.-Кап. Курсовой офицер Александровского Военного Училища. Убит в Таманском дессанте.
БУГРЕЕВ Владимир
БУТОВИЧ
БЫКОВ, Юрий Владимирович, Полковник. Умер от тифа во Владикавказе.
ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО Михаил. Убит в Эрзеруме в 1916 году.
Кн. ВАЧНАДЗЕ Леонид, вып. 1913 года. Убит на Перекопе
ВЕВЕРН Владимир, вып. 1918 года. Убит на Перекопе.
ДЕРФЕЛЬДЕН Николай
ДОБРИК-ДУДАРЬ

10. ДУДАРОВ Муса
ДУДАРКИН Мих. Мих. Подп., вып. 1897 года. Случайно смертельно ранил себя в 1917 году.

ЕФРЕМОВ, вып. 1916 года. Убит в Новороссийске в 1917 году.
ЖУКОВ Николай, вып. 1917 года.
ЖУРЬЯРИ Николай, вып. 1913 года.
ЗАТУРСКИЙ Сергей
ЗДОРЕВСКИЙ, вып. 1915 года.
КОСЕНКО Петр
КИСЕЛЬ-ЗАГОРЯНСКИЙ Александр, вып. 1919 года. Убит под Таманью.
КОНДРАТЕНКО, Л.-Гв. Преображенского полка, вып. 1913 года.

20. КАЛЬЧЕНКО, вып. 1914 года.
КОСМИН Аркадий, вып. 1914 года.
КИРИЕНКО Борис
КОНЬКОВ Евгений, вып. 1919 года.
КИРЬЯКОВ, вып. 1905 года. Убит на фронте 17-8-1914 года.
КРАСОВСКИЙ Владимир Мих. Шт.-ротмистр, вып. 1905 года Убит на фронте 17-8-1914 года.
ЛАШКЕВИЧ, Л.-Гв. Волынского полка, вып. 1909 года. Убит унтер-офицером Кирпичниковым, за что последний революционной властью награжден Георгиевским крестом.
ЛАЩИНСКИЙ, вып. 1915 года.
ЛЕОНТЬЕВ Сергей. Умер во Владикавказе от пара-тифа, где умерли еще шесть кадет. Фамилии их неизвестны.
ЛЕВИЦКИЙ, вып. 1919 года. Упал и утонул в море в 1920 году при эвакуации.

30. ЛИСЕНКО Алексей. Убит в Ростове-на-Дону.
ЛЮСИН Петр Григорьевич, Полковник. Умер в 1920 году во Владикавказе от тифа.
ЛУСТА А. Умер в Константинополе.
МАРИНОВ, вып. 1913 года.
МАЙДАЧЕВСКИЙ Лев.
МОНГЛЯРОВ Иван.
МОРГЕНШТЕРНА Константин, вып. 1918 года. Тяжело ранен под Перекопом.
НОВИЦКИЙ, вып. 1905 года.
ПЕТРОВСКИЙ Иван Иванович, вып. 1914 года. Убит 28-II-1915.
ПЛЕЩЕЕВ Игорь, вып. 1919 года.

40. ПУЗАНОВ Сергей, вып. 1917 года. Убит под Киевом в 1919 году.
ПЫШНОВ Владимир. Убит на Перекопе.
РОШЕ, Поручик. Убит в Кубанском дессанте.
СКОРИТОВСКИЙ Дмитрий, вып. 1919 года. Убит под Таманью.
СОНИЦКИЙ Павел Викентьевич, вып. 1905 года.
ТУРЧАНИНОВ Даниил, вып. 1918 года.
ТЫЧИНА Владимир, вып. 1919 года.
ФЕДОРОВ Валентин, вып. 1918 года.
ФОМИН Николай, вып. 1918 года.
ФУКИ, вып. 1918 года.

50. ЧАБКО, вып. 1918 года. Убит в Кубанском дессанте.
ЧЕМЕЗОВ, Подполковник. Умер от тифа во Владикавказе в 1920 г.
ХОЛЯВИН Владимир, вып. 1915 года.
ШАПОРОВСКИЙ, вып. 1913 года.
ШИПИНСКИЙ, Капитан. вып. 1901 года.

ШИГОЛЕВ Константин Федорович. Преподаватель математики. Остался в Крыму, где и был расстрелян после эвакуации.
ЭМНИХ Олег Викторович, вып. 1916 года.
ЭРДЕЛЛИ Николай, вып. 1918 года.

Ниже приводится список бывших Полтавцев, скончавшихся в Югославии и других странах. Эти сведения получены от Митрофорного Протоиерея ШЕПЕЛЯ, бывшего Капитана и эконома нашего Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса.

ЮГОСЛАВИЯ

I. АНТОНОВ Алексей Васильевич. Полковник, бывший Директор корпуса в смутную эпоху. Эвакуировался с корпусом во Владикавказ, а потом в Югославию.
БЕЛЯВСКИЙ Борис, вып. 1923 года. Убит немцами в Бельгии.
БЕЛЯКОВ Евгений. Кадет. Покончил самоубийством в Крымском кадетском корпуса в Югославии, бросившись под поезд.
БРЕШКО-БРЕШКОВСКИЙ. Расстрелян немцами.
АРЕСТОВ Михаил Яковлевич.
БЫКОВА Ольга. Супруга ротного Командира, умершего во Владикавказе.
БОГОМОЛЬНЫЙ Михаил.
ГОЙЕР-ЛОМОНОСОВА Ольга Федоровна.
ГОНЧАРЕНКО Михаил

IO. ДАЛМАТОВ Алексей Сергеевич. Врач корпуса
ДЕРКАЧ Павел Федорович
ДАНКОВ Николай Иванович. Действительный Статский Советник. Инспектор классов.
ДАНКОВА Анна Ивановна
ДЁРБЕК Владимир. Врач корпуса.
ДЕРБЕК Ядвига
ЗНАЧКОВСКИЙ Николай Венедиктович. Воспитатель.
ЗНАЧКОВСКАЯ Варвара Владимировна. Его жена
КОВАЛЕВСКИЙ Николай. Застрелился в Югославии.
фон-КОССАРТ Константин Федорович, Подполковник. Воспитатель.

20. фон-КОССАРТ Александра Федоровна. Его жена
фон-КНОРИНГ Владимир Ираклиевич. Подполковник. Воспитатель.
КОЛЛОПЕЙ
ЛАЗАРЕВИЧ Лонгин, вып. 1921 года. Умер в Югославии.
ЛЬВОВ Михаил (?), вып. 1921 года. Умер в Югославии.
НАЗАРЕВСКИЙ Владимир, вып. 1921 года. Умер в Югославии.
МОЛЧАНОВ
МИЛАШКЕВИЧ
ОЛЕФИР Егор Гаврилович
ПАРАЙ-КОШИЦ

30. ПЕТРОВ Константин, вып. 1921 года. Застрелился в Югославии.
ПЕРЕКРЕСТОВ Георгий, вып. 1922 года. Застрелился в Югославии.

ПОГРАНИЧНЫЙ Дмитрий Николаевич. Воспитатель.
ПОГРАНИЧНАЯ Екатерина Николаевна.
ПОГРАНИЧНЫЙ Дмитрий Дмитриевич.
ПОГРАНИЧНЫЙ Александр Николаевич.
ПОНОМАРЕНКО Владимир Николаевич. Воспитатель. Подполковник.
РОМАШКЕВИЧ Александр Дмитриевич. Полковник. Воспитатель, затем ротный Командир. Историограф корпуса.
РЖЕЦКИЙ. Убит во время последней войны в Сербии.
СИНЕГУБ. Ротмистр. Умер в Югославии.

40. ТРОФИМОВ Иван Павлович. Воспитатель. Подполковник.
ТРОФИМОВ Константин Иванович. Его сын.
ТРОФИМОВ Михаил.
ТЫЧИНА Владимир Михайлович.
ФИННЕ Борис, вып. 1922 года.
ХУДЫКОВСКИЙ Евгений Александрович. Воспитатель. Подполков-
ХУДЫКОВСКАЯ Нина Александровна. Его жена. ник
ЧЕБОТКЕВИЧ
ЧЕБОТКЕВИЧ Ада
ЧЕМЕЗОВ Иван Константинович. Воспитатель. Подполковник.

50 ЧЕМЕЗОВА Юлия Павловна. Его жена.
ЧЕМЕЗОВ Юрий Иванович. Его сын.
ЧЕПУРКОВСКИЙ Николай Александрович. Полковник. Воспитатель.
ЧЕПУРКОВСКАЯ Мария Васильевна.
ШВАЧКА Михаил Сергеевич.
ШВАЧКА Харита Степановна.
ШТРАНГЕ Борис, вып. 1921 года. Умер в Югославии.

БОЛГАРИЯ

ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО Глеб Федорович, вып. 1909 г. Прокурор I-го корпуса Добровольческой Армии. Редактор Газеты "Русь" в Софии.

ТУРЦИЯ

ВОЛОШИН-ПЕТРИЧЕНКО Федор Федорович, вып. 1912 года. Полковник Л.Гв.С.Петербургского полка. Скончался в Константинополе.

КАНАДА

СЛИВАНСКИЙ Александр Владимирович, вып. 1905 года.

АВСТРАЛИЯ

КОСАЧ Николай Александрович, вып. 1912 года.

ФРАНЦИЯ

I. БУЛЬМЕРИН Михаил Евгеньевич, Гвардии Полковник, вып. 1882 г.
БРАЗОЛЬ Александр Сергеевич, Полковник, вып. 1910 года.

БУЛАЦЕЛЬ Илья Сергеевич, вып. 1902 года. Похоронен в Ste-Geneviève-des-Bois - (Seine-et-Oise).
БЫСТРИЦКИЙ Д.В., вып. 1901 года.
БОЛДЫЖЕВ Евгений, вып. 1913 года.
БАФТАЛОВСКИЙ Борис Адамович. Поручик, вып. 1916 года.
БОКИТЬКО Владимир Гаврилович, вып. 1924 года.
БУЛАВКО Иван, вып. 1927 года.
БОГОМОЛЕЦ Василий Сергеевич, вып. 1919 года. Похоронен в Ницце.

10. ВИРИДАРСКИЙ Александра Алексеевич, - Действительный Статский Советник, вып. 1895 года.
ВАСИЛЬЕВ Борис Васильевич, вып. 1899 года.
ГОРЧАКОВ Борис, вып. 1908 года. Умер в Париже.
ГАВРИЛОВ Василий Григорьевич, Полковник, вып. 1898 года Умер в Париже.
ГОРОДЫССКИЙ Александр Иванович, вып. 1898 года. Умер в Каннах.
ГОРЕЦКИЙ Павел, вып. 1911 года. Умер в Монтаржи.
фон-ДЕРФЕЛЬДЕН Сергей, вып. 1918 года. Умер в Аньере.
ЗАНЬКОВСКИЙ Борис Владимирович, вып. 1919 года. Умер в Бреван.
ИСАЕВ Михаил Константинович, вып. 1895 года. Умер в Ганьи
КОБЫЛИНСКИЙ Николай Константинович. Умер в Ербле.

20. КАЛГАНОВ Григорий Ильич, вып. 1920 года.
КЛИМОВИЧ Георгий Феликсович, вып. 1910 года. Умер в Париже.
КУЛЯБКО Николай Николаевич, вып. 1922 года.
КАРПОВ Сергей Николаевич, Полковник, вып. 1877 года. Умер в Медоне.
КОЛОКОЛЬЦЕВ Василий Григорьевич, вып. 1886 года.
КУНАКОВ Евгений Ефимович. Умер в Каннах
КОСАЧ Николай, вып. 1912 года. Умер в Австралии.
КЕЛЛЕР Владимир Васильевич, вып. 1911 года.
КЕЛЛЕР Евгений Витальевич, Полковник, вып. 1898 года.
КОРСУН Константин Иванович

30. КУСОНСКИЙ Алексей Павлович, вып. 1924 года.
ЛИСЕНКО Владимир Гаврилович, Полковник, вып. 1901 года.
ЛОШУНОВ Николай Иосифович, вып. 1920 года.
ЛИПИН Борис Георгиевич, вып. 1922 года. Похоронен на Кадетском участке в Sainte-Geneviève-des-Bois.
МАКАРЕНКО Леонид Федорович, Полковник, вып. 1896 года
МАСЛЯННИКОВ Василий Владимирович, вып. 1919 года.
МИЛОРАДОВИЧ, Кирилл Дмитриевич, вып. 1918 года. Похоронен на Кадетском участке в Sainte-Geneviève-des-Bois.
МОРГЕНШТИЕРНА Ольга Петровна. (Мать Константина, погибшего после тяжелого ранения под Перекопом).
МАКОВЕЦКИЙ Александр Владимирович, вып. 1914 года.
МИРГОРОД Дарья Филипповна, жена Поручика Н. Миргорода. Похоронена в Sainte-Geneviève-des-Bois.

40. НИКОЛАЕВ Владимир Владимирович, вып. 1919 года.

НЕЧВОЛОДОВ Петр, Генерал-Лейтенант, вып. 1873 года.
Умер в Безансоне.
НУДЖЕВСКИЙ Митрофан, Генерал, вып. 1868 года.
ОСТАШЕВСКИЙ Владимир Александрович, Сотник, вып. 1913 года.
Умер в Тулузе.
ПСИОЛ Николай Михайлович, Действительный Статский Советник,
Вып. 1881 года.
ПЫШНОВ Леонид Александрович, вып. 1917 года. Похоронен в
Sainte-Geneviève-des-Bois (8 1962).
ПРИХОДКИН Борис Дмитриевич, Полковник, вып. 1896 года.
Похоронен в Sainte-Geneviève-des-Bois. (S. & O.)
ПЕТРОВСКИЙ Николай Иванович, Гвардии Полковник, вып. 1913
года. Умер в Буенос-Айресе.
РОМАНОВСКИЙ Артур Густавович, Капитан арт. вып. 1907 года.
РИМСКИЙ-КОРСАКОВ Владимир Виссарионович, Генерал-Лейтенант.
Вып. 1877 года.

50. РАЗУМОВСКИЙ Василий Васильевич
фон-СТААЛЬ Константин Фердинандович, Полковник, Вып. 1885
года. Похоронен в Sainte-Geneviève-des-Bois.
фон-СТААЛЬ Александра Ивановна, его супруга. Похоронена в
Sainte-Geneviève-des-Bois.
СВИДЕРСКИЙ Николай Александрович, Капитан, вып. 1896 года.
СЕЛИХОВ Георгий Иванович, Полковник, вып. 1894 года.
СЕРГЕЕВ (ШЕВЕЛЕВ) Василий Васильевич.
СЫКАЛОВ Евгений Николаевич, вып. 1915 года. Умер 2 мая
1942 г. в госпитале Saint-Joseph, в Париже.
СТАНИСЛАВСКИЙ Владимир Иванович, Корнет, вып. 1922 года.
Убит. Похоронен на военном участке в Sainte-Gene-
viève-des-Bois. (S. & O.)
ТИМЧЕНКО Николай Анатольевич, Полковник, вып. 1911 года.
Похоронен на участке Дроздовцев в Sainte-Geneviève-
des-Bois. (Seine-et-Oise).
СУЛИМА Борис. Погиб в боях во Франции.

60. ТРОФИМОВ Михаил Николаевич, Корнет, вып. 1919 года. Убит
при переходе Румынской границы.
ТРОФИМОВ Николай Николаевич, вып. 1923 года. Похоронен в
Sainte-Geneviève-des-Bois. (S. & O.).
ТЕРЕНТЬЕВ Владимир Иванович, вып. 1904 года. Похоронен в
Sainte-Geneviève-des-Bois.
фон-ФЕСЕИН Борис Павлович, Подполковник, вып. 1897 года.
Умер в 1932, похоронен на кладбище Thiais.
ФОКИН Александр Федорович, вып. 1919 года. Похоронен на
кладбище Thiais.
ШИПИНСКИЙ Антон Францевич, Капитан, вып. 1901 года.
Умер в 1933 году.
ШАХОВСКОЙ
ШИРКОВ Михаил Михайлович, вып. 1903 года. Похоронен в
Sainte-Geneviève-des-Bois.
Отец Протоиерей Сергий ЧЕТВЕРИКОВ. Умер в Чехословакии.
ЧЕРНИВЕЦКИЙ Сергей Семенович
70. ЧЕБОТАРЕВ Николай Петрович, вып. 1923 года.
ЯКОВЕНКО-МАРИНИЧ Николай Иванович, Генерал, вып. 1893 года.
ЯЗЫКОВ.

Доктор Н.А. КАРАЧЕНЦЕВ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

За сорок лет моего пребывания в нашем Объединении, более тридцати я принимал деятельное участие в его жизни и главное, но не всё, было отмечено в статье "Полтавцы за рубежем".

Теперь-же, для хронологичности, необходимо поместить текст обращения к Полтавцам, разосланный Николаевым в начале 1939-го года:

Объединенiе
Бывшихъ Кадетъ
Петровскаго Полтавскаго
Кадетскаго Корпуса.
Парижъ.

Дорогой Однокашникъ,

Въ будущемъ 1940-мъ году исполнится ровно сто лѣтъ со дня основанiя нашего родного Корпуса. Для каждаго Петровца этотъ юбилейный годъ будетъ дорогъ, особенно для насъ, находящихся за рубежами Отечества.

Мы помнимъ и не можемъ забыть все то, что далъ намъ Корпусъ и чему онъ насъ научилъ. Мы не можемъ не отмѣтить достойнымъ образомъ, въ мѣру нашихъ силъ, праздникъ нашей Петровской семьи. Правленiе обращается ко всѣмъ, кому дороги традицiи, завѣщанныя Корпусомъ, съ горячей просьбой оказать посильную помощь изданiю матерiаловъ къ исторiи Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго Корпуса 1840 - 1940 годовъ.

Просьба присылать фотографiи, воспоминанiя, свѣдѣнiя о Полтавцахъ, какъ живыхъ, так и почившихъ и павшихъ на полѣ брани, съ указанiемъ всѣхъ достойныхъ быть отмѣченными подробностей. Фотографiи и тѣ матерiалы, которыми довѣрившiй ихъ Правленiю дорожитъ, по ихъ использованiи, будутъ въ сохранности возвращены владѣльцамъ.

Правленiе надѣется, что всѣ Петровцы исполнятъ въ этомъ дѣлѣ свой долгъ передъ Корпусомъ и передъ будущими поколѣнiями Полтавцевъ въ Возрожденной Россiи.

ПРАВЛЕНIЕ.

Секретарь: V. NICOLAEFF. 8, Rue Georges-Guynemer,
ASNIERES (Seine) France.

Никто на этот призыв не откликнулся.

2/15 декабря 1963 года, я лично предложил вам отметить 125-летие изданием Сборника Воспоминаний, так как до 150-ти лет, вряд ли кто либо из нас доживет.

Я уже по опыту знал, что издание типографским способом книги в 150 страниц требует почти МИЛЛИОН старых французских франков. Такую же сумму я предвидел и для проектируемого нашего Сборника. Заявить вам об этом точно и ясно на этом же собрании 2/15 декабря 1963 года, было-бы равносильно поставить крест на его осуществлении: все бы завопили и заявили, что нам это не под силу. Поэтому я и предпочел обратиться к вам в замаскированной форме, - прося вас посылать Заводову ежемесячно, кто сколько может МАКСИМУМ и это в течение двух лет.

Если теперь каждый подсчитает в уме, сколько-бы он смог без ущерба для себя послать за 24 месяца, то общая сумма взносов Полтавцев перевалила бы за МИЛЛИОН.

Когда после первых 12 месяцев, вместо 1-го ПОЛ МИЛЛИОНА, поступила лишь его пятая часть, мне стало ясно, что мой призыв, не нашел отклика в ваших, повидимому, постаревших или затвердевших сердцах и типографский способ отпал сам собой.

Пришлось искать кустарный выход, и вот тут то решающую роль в выборе и сыграл П.Ф. Волошин-Петриченко, сказавший мне, что он располагает временем, знает современную русскую орфографию и быстро работает на пишущей машинке.

Располагая, значит, всеми только что перечисленными данными, я посетил не мало магазинов и пришел к логичному заключению: имеющиеся средства мне позволяют приобрести, кроме пишущей машинки, немецкий мультипликатор, функционирующий при помощи особого спирта и позволяющий тираж минимум в 80 экземпляров отпечатанного текста на особой восковой бумаге, а также закупить эту восковую бумагу, нужное количество бумаги для СТА сборников и др. необходимые мелочи.

Предварительная работа требовала начать печатание рукописей на обыкновенной бумаге для предстоящей группировки, и этой подготовкой занялся Павел Федорович.

В начале, т.е. в Сентябре 1964 года, вся процедура представлялась ясной, довольно простой в своей логичной последовательности и теоретически всё должно было-бы быть законченным полностью самое позднее к марту 1965 года, а то и раньше.

Всем известно, что теория, это одно, а практика, совсем другое, что сказалось и здесь, и я сразу же неожиданно столкнулся с совершенно непредвиденными обстоятельствами и осложнениями. Не перечисляя их, могу сказать, что всё возможное, ценой безсонных ночей и всего свободного времени, я смог преодолеть, но это вызвало потерю многих месяцев.

Каждое запоздалое воспоминание, т.е. присланное после 15-го декабря 1964 года, вносило новые, но пока что преодолимые пертурбации и, конечно, дополнительную потерю времени.

Но непреодолимым препятствием оказались отпечатанные листы на этой особой восковой бумаге, т.к. выяснилось сразу же, полная

невозможность исправления большинства ошибок, как например слитых или пропущенных слов и даже целых фраз.

Этот каторжный труд требовал не быстрого умения печатать на машинке, а медленную, совершенно безошибочную, безупречную, но требующую постоянного напряжения работу, что оказалось не под силу даже моему выдающемуся помощнику.

Поняв это, я оставил продолжать всё-таки это печатание на восковой бумаге, так как, если издание оказалось снова в тупике, то по крайней мере весь материал будет готов по новой орфографии, а это, как-никак, всё-же позитивный результат и заслуга Волошина. За одно это позволит выяснить точный размер Сборника, а затем... поживем ... увидим.

Пока что, не теряя времени, я занялся корректурой и, даже, для точности, красными чернилами, этих восковых листов, уверенный, что наш Сборник, так или иначе, с опозданием или нет, но появится всё-таки на свет, и будущему историку, какой-бы политический режим не существовал на Родине, он явится для него ценным источником, хотя бы для малой истории, относящейся к Полтаве, в которой протекли последние годы существования Петровского Полтавского Кадетского Корпуса.

Для нас же, Последних Могикан, ведь это был и есть наш долг перед нашим Корпусом, отметить на чужбине, 6/I9 декабря I965 г., СТО ДВАДЦАТИПЯТИЛЕТИЕ со дня его основания, изданием этого Юбилейного Сборника воспоминаний.

Этот Сборник содержит, конечно, неизбежный отпечаток последних выпусков на Родине, на плечи которых взвалилась эта обязанность, но в этом то и заключается его ценность, ибо это ярко и наглядно показало, что несмотря ни на что - светлая память о Корпусе и его традициях не угасла у его бывших воспитанников и выдержала все житейские бури и невзгоды в течение без малого ПОЛ-СТОЛЕТИЯ.

Председатель Объединения бывших питомцев Гнезда ПЕТРОВА

Доктор Н. А. К А Р А Ч Е Н Ц Е В .

Я считаю также необходимым остановиться на болезненном вопросе раскола среди Кадетских Объединений, происшедшем 22-го октября I950 года.

Это требует предварительно вернуться далеко назад, когда мной был устроен большой Бал-Концерт.

Если на организацию этого бала я получил от Правления разрешение и благословение, то помощников не нашлось: все были "как на зло", чем-то заняты и мне удалось заручиться лишь согласием одной дамы заведывать кассой и быть за одно за буфетом.

Пришлось следовательно мне одному проделать всю эту многонедельную и кропотливую подготовительную работу. Была даже отпечатана программа с двенадцатью коммерческими рекламами (у меня

сохранился еще один экземпляр), принесшими некоторую сумму денег, не забыты были и объявления в газетах.

GRAND
****

CONCERT-BAL
****

du 5 décembre 1931
à 21 h. 30

au profit de la CAISSE DE SECOURS
de l'Union
des Anciens Cadets du Corps de Poltava

******
****
**

SALLE JOUFFROY

70, rue Jouffroy. Paris (XVII°)
Métro Wagram. Téléphone Wagram 53-44
****

Avec le gracieux concours
de

Madame ZOHA d'ARCY
Célèbre Soprano de Manhatan Opéra de New-York

Monsieur H.G. ARTAMONOFF
Baryton de l'Opéra Russe

MADAME ***

Soprano de l'Opéra Russe

Monsieur N.A. CHAMIÉ
Professeur du Conservatoire Russe de Paris

Особенно я рассчитывал на большую прибыль от обильно снабженного буфета. Небольшую часть продуктов я даже получил бесплатно от известных в то время русских ресторанов, но всё остальное: всевозможные вина, шампанское, водки, консервы, колбасы, красная и черная икра, коровье масло, хлеб и т.д. для всевозможных бутербродов, было закуплено, при чем, мне удалось получить согласие от коммерсантов, что всё то, что не будет начато, они возьмут и вернут их стоимость. Всевозможные этикетки указывали цены.

В 9 часов вечера, измученный всей этой работой, я был близок к отчаянию. Пришли музыканты, появились первые пары, но даже моей единственной помощницы еще нет.

Несколько столиков были резервированы для артистов и артисток. За их милое и безвоздмездное участие необходимо будет не

только их приглашать к столу, но и позаботиться, чтобы на их столиках , ни тарелки, ни стаканы не были-бы пустыми.

- Музыкантов также нужно будет периодически подкреплять,

- Встречать публику, обслуживать её за буфетом и столиками,

- следить повсюду за порядком и т.д. Мне просто будет физически невозможным присутствовать одновременно повсюду.

Кассирша пришла в 21 час. 30 мин. и я слегка вздохнул. Затем я нашел кое-каких помощников, но толку от них было мало, и мне пришлось, как говорится, разрываться на части, чтобы избежать катастрофы, тем более, что нашлись в публике "ловкачи", прекрасно понявшие обстановку.

Внешне этот концерт-бал прошел блестяще, но после всех ликвидаций, подсчет дал несколько сот франков дохода, вернее, спасли положение доход от реклам в программе.

Принимая во внимание весь затраченный труд и хлопоты, как говорится, результат "овчинки выделки не стоил", хорошо еще, что не прогорел...

Приготовив письменный отчет, и вложив в конверт собранные гроши, я представил всё Правлению на его очередном собрании. Прежде чем дать мне слово, Председатель Правления Действительный Статский Советник выпуска 1881 года, разсыпался в похвалах за прекрасно организованный концерт-бал и выразил надежду, что этим я займусь и в будущем.

После краткого отчета цифрами, которые сами за себя говорили, я добавил, что вместо крупного, этот ничтожный приход объясняется отсутствием полезных сотрудников и, что на будущее время возможен лишь логичный выход: в каждом кадетском Объединении есть несколько человек имеющих возможность и располагающих временем для полезной и продуктивной работы. Вот, если их всех соединить в Обще-Кадетскую группу и предоставить ей свободу для её внутренней структуры, то она быстро может превратиться в мощную и полезную организацию во многих областях и для блага всех кадетских Объединений.

По мере того, как я развивал детали этой моей идеи, лицо Председателя серело, затем краснело и, наконец, он меня довольно резко оборвал, заявив, что подобные проекты недопустимы в кадетской среде, что от них слишком несет революционным душком, а потому продолжать излишне на эту тему, и он предложил рассматривать это, как инцидент никогда не имевший места.

Иначе говоря, старшинство, это местничество 20-го века, проявило себя во всей полноте и заставило потерять не мало драгоценных, без толка прошедших, лет.

Повидимому я не был один, нашлись и в других кадетских Объединениях имеющие те же идеи, но столкнулись, вероятно, с тем же местничеством, и вместо вышеуказанной Обще-Кадетской группы, неизбежный процесс назрел и логично прорвался 22-го октября 1950 г. почти 20 лет спустя, в Обще-Кадетское Объединение и, вместо спайки, произошел раскол в кадетской семье, в Союзе Российских Кадетских Корпусов.

Многим известно, что моим усилиям, как Председателя Полтавского Объединения, I4 лет тому назад понадобился почти год, чтобы этот раскол был ликвидирован и О. К. О. вошел в С. Р. К. К., как новый полноправный членъ союза, а Председатели Кадетских Объединений автоматически становились членами Суда Чести С. Р. К. К.

Но современное "местничество" не дремало, и вскоре вызвало новый раскол существующий еще и по сей день, что заставило Полтавское Объединения, как таковое, не входить ни в О.К.О., ни в С.Р.К.К., предоставив логично каждому из нас полную личную свободу действий, оставаясь в то же самое время в нашем Объединении.

Всё вышеизложенное мне дает моральное право снова затронуть эту проблему:

- С. Р. К. К. проявил свою полезную деятельность в Sainte-Géneviève-des-Bois (S. & O.),- заботой об умерших,

- О. К. О. удовлетворяет живых изданием "Вестника" и "Военной Были", ожидаемых многими с нетерпением даже в таких углах как Sénégal.

- В наш I25-ти летний Юбилейный Год, я обращаюсь снова к вам, как I4 лет тому назад:

- "Опомнитесь, пока не поздно! Ведь с каждым годом наши ряды редеют,

- Протяните друг другу кадетскую руку и поймите, что с местничеством вот уже 265 лет тому назад, как боролся наш Державный Шеф, ПЕТР ВЕЛИКИЙ...

- Слейтесь снова в одно целое, ведь не в названии дело, а в свободе действий, оставшихся еще энергичных новаторов против склерозного тормаза,

- Не забывайте ни на секунду ни днем, ни ночью этот мой призыв наболевшего сердца кадета к кадетам всех Российских Корпусов во всех странах рассеяния.

Мне просто не верится, чтобы это мое обращение не вызвало-бы в сердцах, если не всех кадет, то у подавляющего большинства, неизбежный отклик и положило-бы конец этому противоестественному расколу, образовав, если в названии вся суть: О. К. С. (Обще Кадетский Союз)."

Председатель Объединения бывших воспитанников
Петровского-Полтавского Кадетского Корпуса,

Доктор Н. А. КАРАЧЕНЦЕВ

Докторъ Н.А. КАРАЧЕНЦЕВЪ

ДВА ПРИКАЗА ОБЪЕДИНЕНІЮ ЗА РУБЕЖОМЪ

№ I.

2-го/15-го Декабря 1963 г.

- Каждому Кадету написать личное воспоминаніе изъ его жизни въ Корпусѣ.
- Институткамъ и Дворянцамъ - ихъ взаимоотношенія съ Кадетами Петровскаго Полтавскаго Кадетскаго Корпуса.
- Срокъ максима, - годъ.

Предсѣдатель:
Докторъ КАРАЧЕНЦЕВЪ

Казначей: А.Н. ЗАВОДОВЪ.

№ 2 и послѣдній

6-го/19-го Декабря 1965 г.

Цѣль изданія Юбилейнаго Сборника воспоминаній по случаю 125-ти лѣтія со дня основанія нашего Корпуса, осуществлена.

Это оказалось не такъ просто и потребовало столько труда, энергіи и денежныхъ затратъ, что, чтобы изложить ихъ детально и письменно, понадобилось бы не менѣе ста новыхъ печатныхъ страницъ...

Неоцѣнимую услугу оказали мнѣ Маргарита Николаевна и Алексѣй Николаевичъ Заводовы, а такъ-же Павелъ Федоровичъ Волошинъ-Петриченко.

Прошу ихъ принять мою искреннюю и глубокую благодарность.

Выражаю такъ-же мою признательность всѣмъ тѣмъ, кто не остались глухими на мое обращеніе отъ 2-го/15-го Декабря 1963 г. и прислали не только свои воспоминанія, но и финансовые взносы.

Къ сожалѣнію, эта денежная помощь оказалась далеко недостаточной и требуетъ отъ Васъ новыхъ усилій, до полного покрытій всѣхъ расходовъ.

Полтавцы ! Этотъ Юбилейный Сборникъ является не только актомъ нашей признательности Родному Корпусу, но онъ такъ-же обязываетъ каждаго изъ насъ не почить на символическихъ взносахъ, оказавшихся недостаточными, а приступить ко взносамъ широкаго размѣра и тѣмъ, за одно, дать возможность разослать этотъ сборник всѣмъ тѣмъ Однокашникамъ, кто доживаетъ свои послѣдніе годы въ разныхъ старческихъ домахъ за рубежемъ.

Предсѣдатель Объединенія Питомцевъ Гнѣзда Петрова:
Докторъ КАРАЧЕНЦЕВЪ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

U604
.P658
L1
1965